Теренс Блэкер

Спорим это мальчик!

·РОСМЭН·

Теренс Блэкер
Спорим это мальчик!
·РОСМЭН·

СЭМ хочет казаться крутым парнем. Чтобы завоевать доверие у новой компании, он готов на все. Ребята дают ему невыполнимое задание. Что это – веселая шутка? А может, дело принципа? Итак, Операция «Саманта», или Добро пожаловать в новую школу...

Узнай, как за неделю Сэм станет звездой школы, раскроет все девчоночьи секреты и самое главное — останется собой!

*О чем на **самом деле** думают подростки, их родители и учителя? Эта веселая книга — искренний, юмористично-оптимистичный взгляд на то, какими родители видят своих детей-подростков, а дети – родителей.*

ISBN 5-353-01897-4

9 785353 018971

МОСКВА
•РОСМЭН•
2005

Terence Blacker

BOY 2 GIRL

Теренс Блэкер

Спорим это мальчик!

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)
Б70

TERENCE BLACKER

Boy 2 Girl

Все права на книгу на русском языке принадлежат издательству «РОСМЭН». Ничто из нее не может быть перепечатано, заложено в компьютерную память или скопировано в любой форме – электронной, механической, фотокопии, магнитофонной записи или какой-то другой – без письменного разрешения владельца.

Copyright © Terence Blacker, 2004
Original edition is published by Macmillan Children's Books, London.

Наш адрес в Интернете: **www.rosman.ru**

ISBN 5-353-01897-4

© *Издание на русском языке.*
ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2005

Если бы эта история была одной из песен группы «Дорз», то какой?

«Странные дни»?

«Корабль дураков»?

«Не спеши»?

Нет, наверное, все-таки ***«Пляска дикарей»...***

1

Мэтью Бертон

Главное дело — все время держите в уме картинку, как выглядел Сэм Лопес, когда он в первый раз появился в нашем доме. Дальше пойдут картинки покрасивее: Сэм с волосами, зачесанными в хвостик; Сэм на школьном дворе обучает Елену с подружками американскому футболу; Сэм поет в своем драгоценном девчачьем ансамбле; Сэм — главная милашка в классе.

Но вы, пожалуйста, помните: вот он какой — настоящий, взаправдашний Сэм Лопес.

Он стоял на пороге с обшарпанным походным рюкзачком на плече, в куртке размера на три больше, чем нужно, в мешковатых джинсах, которые волочились по полу. Лицо — бледное пятно за занавеской длинных, до плеч, прямых волос.

— Привет, Мэтью. — За спиной у него стояла моя мама с таким знакомым выражением лица, которое означает: «Спокойно, только без паники!» — Это и есть твой знаменитый кузен Сэм.

Я что-то буркнул в ответ. Кузен прошел в дом, отпихнув меня в сторону, причем я успел заме-

тить две вещи: а) что он очень маленького роста и б) что он уже довольно давно не мылся.

— Дай-ка я возьму твою куртку, Сэм, — сказал мой папа, который все это время топтался позади меня в прихожей, но гость и его проигнорировал и потопал прямиком на кухню.

Когда мы пришли туда вслед за ним, он стоял и озирался по сторонам, только что не принюхивался, точно какая-нибудь крыса.

— Значит, тут мне теперь придется жить. — Голос у него был сиплый, но удивительно высокий.

Однажды, когда моя мама рассказывала что-то про тетю Гэлакси, Сэмову маму, она назвала Сэма «несчастьем». Я тогда не понял, к чему это она, зато теперь, в кухне, мне это стало совершенно ясно.

Несчастье и есть, несчастье в человеческом облике, неотвратимо надвигающееся несчастье.

Миссис Бертон

Никогда в жизни я не была так рада снова оказаться дома. Я чуть не расплакалась, когда увидела, как Мэтью старается сделать вид, будто рад приезду своего американского кузена, а милый Дэвид улыбается самой любезной, приветливой улыбкой.

Поездка была ужасна. Похороны, встреча с адвокатом, обратный перелет через Атлантику в сопровождении угрюмого подростка, только что перенесшего тяжелую психологическую травму.

Я понимала, что с Сэмом придется нелегко, но, по крайней мере, я снова была дома, со своей любимой маленькой семьей. Вместе мы справимся.

Мэтью

Всего неделю назад жизнь была такой простой! Летние каникулы только-только начинались. За долгий учебный год я совсем очумел и теперь предвкушал, как буду валяться по утрам в постели, целый день гулять с ребятами, а по вечерам лениться у телевизора.

И вдруг — здрасьте вам, известие из Америки. Мамина младшая сестра Гэлакси попала в крупную аварию. Сначала нам сообщили, что состояние тяжелое, потом — что она в коме, потом — что она умерла. Мама полетела на похороны.

В принципе, я должен бы горевать по бедной тетушке, но я же никогда ее не видел. Родители говорили о ней очень редко и немного смущенно, вроде как в шутку. По сути, она не занимала ровно никакого места в моей жизни. Судя по тому, что я о ней слышал, Гэлакси была с ба-альшими причудами.

Миссис Бертон

Моя сестра Гейл превратилась в Гэлакси во время церемонии «повторного рождения» на фестивале в Гластонбери. Ей тогда было восемнад-

цать лет. Она всегда стремилась быть не такой, как все.

Года два спустя она отправилась на каникулы в Америку с компанией длинноволосых приятелей. Приятели вернулись, а она осталась, связавшись с Тодом Стрейнджем, лидер-гитаристом весьма неприятной группы металлистов под названием «666».

После этого мы с Гэлакси довольно долго не общались. Уже после моего замужества, незадолго до рождения Мэтью, она прислала мне открытку, в которой объявляла, что Тод уже в прошлом, теперь она встречается с парнем по имени Тони Лопес. Он владелец ночного клуба. А еще — попробуй угадать! Она ждет ребенка.

Вот так у нас обеих почти одновременно началась семейная жизнь: у меня — в уютном доме в пригороде Лондона, у «тети» Гэлакси (ведь она теперь стала тетей!) — в трейлере, носившемся по всей Америке. Время от времени от нее приходили открытки с обрывками новостей и фотографиями ее сына Сэма. Еще через два года она сообщила, что Тони Лопес ушел из дома, как она выразилась, «чтобы повидать мир и обрести себя». Позднее мы узнали, что он в тюрьме.

Все эти годы мы с сестрой поддерживали между собой связь, но, если уж говорить правду, у нас осталось очень мало общего. Гэлакси жила у себя на Западном побережье Америки и, насколько мы понимали, в довольно сомнительном

окружении, а мы жили спокойной, трудовой жизнью в Лондоне.

И тут это ужасное, оглушительное известие!

Я так горевала, что даже сама удивилась. В детстве мы с сестрой не были особенно близки, а когда она выросла такой странной, безответственной, ни в чем не похожей на меня, то стала казаться мне какой-то незнакомкой, которая по чистой случайности родилась в той же семье, что и я.

А теперь я вдруг поняла, что мне будет не хватать сестры со всеми ее причудами. В самолете, по дороге на похороны, мне представлялась не Гэлакси, рок-фанатка с подозрительными приятелями, а маленькая Гейл, которая никак не могла приноровиться к окружающему миру, но считала, что это проблемы вовсе не ее, а окружающего мира. У меня замечательная, дружная семья, и все-таки без этой девочки мне было одиноко.

В Сан-Диего, где она жила в последнее время, меня встретил человек по имени Джеб Дурковиц, который оказался адвокатом Гейл. Он объяснил мне, что возникла непростая ситуация. Сэм, которому только-только исполнилось тринадцать, остался совершенно один на свете. В письме к Дурковицу Гэлакси ясно дала понять: случись с ней что-нибудь, семья Бертон должна о нем позаботиться.

Бедная моя Гейл, бедная Гэлакси! Даже и в смерти она не утратила своего таланта осложнять людям жизнь.

Мэтью

От моего двоюродного братца воняло, но ему это явно было по барабану. Можно подумать, этой вонью он с самого начала давал понять, что его не волнует мнение окружающих.

Он сгорбился на кухонной табуретке и уставился на своих новых родственников темными блестящими глазками-пуговицами.

— Во как, — протянул он. — Мистер и миссис Дэвид Бертон. У себя дома. А также их единственный сыночек Мэтью.

Мне показалось, что его американская речь врастяжку звучит что-то уж слишком презрительно для мальчика в его возрасте.

Я покосился на родителей. Я ждал, что они его одернут, но они стояли себе как ни в чем не бывало и дружно улыбались этому лохматому идиоту, как будто в жизни не видели такого очаровательного ребенка.

В конце концов папа обратился ко мне:

— Может быть, Сэм захочет выпить сока из холодильника.

— Сок — это отстой, — сказал Сэм.

Папа улыбнулся.

— Не стану спорить, — примирительно сказал он.

Очень скоро выяснилось, что для Сэма Лопеса отстоем является абсолютно все.

Осматривать лондонские достопримечательности — отстой. Еда, которую готовит мой папа, —

отстой. Наши соседи Пантуччи, которые все вчетвером пришли с ним поздороваться, — отстой. Британское телевидение — полный отстой, особенно когда Сэм обнаружил, что у нас нет кабельного канала. («Всего пять программ? Черт возьми, скажи, что ты пошутил!») Ложиться спать раньше полуночи — отстой, вставать раньше полудня — аналогично.

На второй день это начало меня раздражать.

— Что ж у тебя вся жизнь такая отстойная? — спросил я его за обедом.

Он посмотрел на меня расширенными, потемневшими глазами, и я с опозданием сообразил, что не стоило так разговаривать с человеком, у которого совсем недавно умерла мама.

— Сам удивляюсь, братец, — тихо сказал он. — Спроси чего-нибудь попроще.

Мистер Бертон

Для нас наступили трудные дни. В нашей семье всегда было принято сообща обсуждать проблемы, но Сэм предпочитал замыкаться в себе. Он часами просиживал в своей комнате, слушал музыку через наушники или застывал перед телевизором, тупо уставившись в экран.

Если он все-таки разговаривал, то чаще всего хриплым, злым голосом, от которого уютная атмосфера нашего дома трещала по всем швам. К тому же и выражения у него были не совсем под-

ходящие для мальчика его возраста. Хоть Сэм и не получил хорошего образования, однако по части всяческой ругани он вполне мог считаться круглым отличником.

Но я смотрел на дело так: и недостаток общительности, и вспышки дурного настроения, и сквернословие — все это на самом деле крик боли, призыв о помощи. Долг семьи Бертон — помочь Сэму пережить это тяжелое, темное время.

Мэтью

Пара слов о моих родителях. Постороннему человеку — например, Сэму Лопесу — легко может показаться, что они малость с приветом. Сколько я себя помню, деньги на семью у нас всегда зарабатывала мама. Она работает в агентстве по найму, и от этой работенки у нее чуть не каждый день бывает нервный срыв.

А папа работает на полставки корректором в какой-то юридической фирме, но его настоящее призвание — домашнее хозяйство. Папа занимается этим не так, как другие мужчины — тяп-ляп, лишь бы поскорее отвязаться. Нет, он на самом деле гордится тем, что содержит дом в идеальном порядке. Самый что ни на есть домашний хозяин. Он может целый день потратить на приготовление семейного обеда. У него отдельный день отведен на работу с пылесосом. Он без всякого смущения носит фартук. Посмотришь, как он

развешивает выстиранное белье, аккуратно, неторопливо, держа в зубах прищепки, сразу понимаешь — для этого человека семья важнее любой работы или карьеры.

Можно сказать, у меня смешанный вариант так называемой нормальной семьи. Не папа с мамой, а скорее, мапа и пама.

Елена Гриффитс

Для меня это лето прошло вовсе не под знаком Сэма Лопеса. Это было время надежды, романтики, тайны, мечты о будущем. Это лето прошло под знаком Марка Крамера.

В школе «Брэдбери Хилл» Марка знали все. Все мальчишки хотели быть такими, как он. Они пытались отращивать длинные развевающиеся волосы, как у него. Носили одежду тех же марок. Некоторые (жалкое зрелище!) подражали его улыбке, копировали его манеру лениво растягивать слова при разговоре.

А девочки? Ну, разумеется, они просто мечтали с ним встречаться.

Может быть, я сама себя обманывала, ведь я всего лишь второй год училась в средней школе, а он был королем шестого низшей ступени[1], но,

[1] В Англии сейчас приняты две системы обозначения классов — «старая» и «новая». Второй класс средней школы по «старой» системе соответствует восьмому классу по «новой», это 12—13 лет. Шестой класс низшей ступени соответствует двенадцатому классу по «новой» системе, это возраст 16—17 лет.

когда в последнюю неделю учебного года он заговорил со мной в очереди в школьной столовой, мне серьезно показалось, что это что-нибудь да значит. Марк и его приятель Джастин обсуждали новый фильм с Камерон Диас, который собирались посмотреть, а я как раз только что побывала на предварительном просмотре (у меня мама работает в этой сфере), и вот я так это невзначай обронила, что фильм неплохой. Даже почти хороший.

Марк посмотрел на меня в своей обычной мягко-аристократической манере, как будто впервые увидел, и спрашивает, откуда, мол, я столько знаю о фильме, который еще не вышел на экраны. Я объяснила, что у меня мама работает помощником режиссера, занимается подбором артистов. Она даже встречалась пару раз с Камерон Диас на киношных тусовках (между прочим, это правда). Я сказала, знаете, а Камерон на самом деле вполне ничего, нормальная.

— Киношные тусовки, говоришь?

Марк засмеялся, и его приятель тоже засмеялся. Марк сказал, что собирается посмотреть этот фильм в следующую субботу, а я сказала, что была бы не прочь увидеть его еще раз. А он сказал:

— Нормально.

Может быть, я слишком много значения придавала этому взгляду, этому его «нормально», но в тот момент мне все казалось совершенно ясным. Между нами возникла какая-то магия, какая-то тайна, и слова тут были ни к чему. Мне предстоит

свидание с Марком Крамером, свидание, которое он ухитрился мне назначить так, чтобы Джастин ничего не понял.

Для меня это было громадное событие. Обычно я делилась любыми секретами со своими лучшими подругами, Чарли и Заей, но на этот раз все было по-другому. Они станут надо мной смеяться или еще, чего доброго, позавидуют.

Вот уж что мне сейчас совсем ни к чему.

Мэтью

Летние каникулы в разгаре, а мне уже кажется, что в моей жизни больше никогда не будет ничего хорошего, простого и нормального. Пока мы жили втроем — мама, папа и я, — все у нас было ясно и понятно. Как во всякой семье, случалось, мы и ругались, и ссорились — всякое бывало, но мы так хорошо знали друг друга, что инстинктивно находили верный путь к примирению. Мы чувствовали, когда нужно поговорить, а когда лучше промолчать, когда следует попросить прощения — ну, как это обычно бывает у родителей с детьми.

Но когда вместо троих нас стало четверо, причем новенький нес в себе столько злости и горечи, сколько не наберется во всех остальных вместе взятых, равновесие рассыпалось в прах. Я то и дело слышал, как мама с папой перешептываются, потихоньку обсуждая Сэма. Их улыбки сделались неискренними. Похоже, все их мысли и раз-

говоры вращались исключительно вокруг моего двоюродного брата и его попыток приспособиться к новой жизни без матери.

Рядом с этой огромной страшной трагедией мои повседневные проблемы вдруг начали казаться мелкими и незначительными.

А Сэм получил весьма ценный урок: оказывается, став сиротой, обретаешь власть над окружающими. Лучший способ справиться с болью — передать ее другим. В присутствии моих родителей двоюродный братец угрюмо молчал. А как только мы оказывались одни, он принимался доводить меня.

Однажды мы сидели у телевизора, и Сэм увидел в окно, как папа моет машину перед крыльцом.

— Что такое с этим типом? — пробормотал он себе под нос, но так, чтобы я услышал.

Я сделал ошибку — ответил ему.

— Ты про моего папу?

— Вечно что-то чистит, прибирает, подметает. У него что, проблемы с психикой?

Я вперился взглядом в экран, изо всех сил стараясь не дать ему втянуть меня в ссору.

Сэм повернулся ко мне:

— Ты веришь в переселение душ?

Я пожал плечами.

— Я тут подумал: может, твой папка в прошлой жизни был дворецким? Или судомойкой...

Я стиснул зубы и промолчал.

— А вот мой папка даже не знает, что такое уборка, — неожиданно заявил Сэм. — Он такой

классный, я даже не могу тебе о нем рассказать. Тебя от одного рассказа сдует на фиг. Твои мозги не смогут этого вместить.

Я молча смотрел прямо перед собой.

— Ты не поверишь, как мы с ним веселились, — хмыкнул Сэм и покачал головой. — Да-а, вот он-то настоящий отец, ясно тебе?

Я молча встал, вышел из комнаты, потом из дома и подошел к папе. Я не так уж обожаю мыть машину, но только таким способом я мог показать Сэму, как я отношусь к своему отцу.

— У меня уже нет сил это терпеть, — сказал я папе.

— Он успокоится, когда начнет ходить в школу.

Я застонал:

— Неужели он будет учиться со мной в одном классе? Пап, это будет просто кошмар!

Папа окинул взглядом машину, держа губку в руке, и произнес слова, от которых у меня каждый раз падало сердце:

— Возможно, пора познакомить Сэма с твоими друзьями.

Тайрон Шерман

Мы были в парке, на обычном месте у сарая, ждали знаменитого американского кузена нашего Мэтта.

Он опаздывал. Мэтт сказал, он всегда опаздывает.

— Может, его и вовсе не существует, — сказал Джейк. — Может, Мэтт его просто выдумал.

— Если бы, — сказал Мэтт.

Время шло. Джейк стукал футбольным мячом об стенку сарая. Мы с Мэттом глазели по сторонам, как тысячу раз до того. Здесь была наша территория. Пусть это просто укромный уголок на детской площадке, но мы втроем уже лет пять здесь обретаемся. Сначала мы прятались под навесом от дождя, если он вдруг начинал лить, пока мы качались на качелях или съезжали с горки. А теперь мы просто приходили сюда посидеть и поболтать. Иногда родители детишек, игравших на площадке, косились на нас, проходя мимо по дороге к общественному туалету, но нам было наплевать. Это был наш личный уголок.

Когда мы были еще совсем маленькие, мы в шутку называли себя бандой «Сараи». Название так и прилипло.

— Прибыли, — неожиданно произнес Мэтт.

Я посмотрел в ту же сторону, куда и он.

У входа в парк показался невысокий мальчишка с длинными волосами.

— Это он? — спросил я. — Щуплый какой-то.

— И волосатый, — прибавил Джейк.

— Я же вам говорил, — сказал Мэтт. — Он хиппи.

— По-моему, больше похож на девчонку, — сказал Джейк.

Мэтт засмеялся:

— Не, ты погоди!

Мэтью

Он шел к нам вразвалочку, футболка, джинсы и светлые волосы развевались на ходу, так что он стал похож на кораблик, идущий под всеми парусами. Подойдя к нам, он притормозил, сунул руки в карманы.

— Ну чо, как дела? — спросил он, одарив нас одной из своих нечастых улыбок. — Я — Сэм Лопес.

Тайрон и Джейк что-то промямлили вместо приветствия.

— Стало-ть, это и есть знаменитый сарай.

Сэм расселся на скамейке и огляделся вокруг. Я ожидал очередного фирменного презрительного отзыва, но он одобрительно прищелкнул языком:

— А тут ништяк.

— Нам нравится, — холодно ответил я.

— Ну, и чо тут делается?

— Да ничего особенного, — сказал Тайрон.

— Играешь в футбол? — спросил Джейк.

Сэм глянул на мяч, лежащий у ног Джейка.

— Соккер? В Штатах это игра для девчонок.

— Это потому, что в Штатах в нее играть не умеют.

Джейк с силой пнул мяч об стенку.

— Умели бы, если б захотели. — Сэм протянул руку, взял мобильник Тайрона и небрежно продолжил его игру, нажимая на кнопки большим пальцем. — Но дело в том, что мы предпочитаем настоящий футбол — американский. — Сэм вер-

нул мобильник хозяину. — На, держи, ты уже на следующем уровне, — бросил он через плечо.

Он встал, поплевал на руки и поймал мяч, отскочивший от стенки. Подержал секунду-другую, потом резко перевернул. На мгновение, прежде чем упасть, мяч завис, приклеившись к его ладони.

— Глянь-ка. — Сэм встал перед Джейком, разминая плечи расслабленными круговыми движениями. — Вот что такое футбол.

Он пригнулся, уперся руками в колени, посмотрел налево, направо.

— Два! Пять! Девять! Шесть!

Он выкрикивал цифры так громко, что мамашки на детской площадке начали оглядываться.

И вдруг Сэм сорвался с места и понесся по асфальту, словно в танце, отталкивая плечом воображаемых игроков, полуобернулся, принимая длинный пас, промчался еще несколько метров, проскочил мимо детских качелей и подпрыгнул, будто бы торжествующе подбрасывая мяч высоко в воздух.

— Тачдаун! — заорал он. — Победа-а-а!

Он заплясал вдоль металлической ограды, запрокинув голову, бешено дрыгая руками и ногами, точно свихнувшийся волосатый гоблин.

Мы расхохотались. А как еще можно было на это реагировать?

— Псих ненормальный, — сказал Джейк.

— С какой планеты он свалился? — сказал Тайрон.

Сэм снова подошел к нам и плюхнулся на скамейку, тяжело дыша.

— Вот это называется футбол, — сказал он. — Ну, с мячом, конечно, получается еще лучше.

Джейк покачал головой:

— Ты просто чокнутый янки.

— Это ты еще не видел чокнутых. — Сэм вытер нос рукавом.

Миссис Картрайт

Невозможно стать директором крупной школы, если не научишься, как говорится, держать удар. Но когда миссис Бертон, мама одного из наших младших учеников по имени Мэтью, сообщила мне по телефону о приезде его кузена из Америки, нельзя сказать, чтобы я могла ее особенно обнадежить.

Школа «Брэдбери Хилл» и так переполнена (наше учебное заведение пользуется большой популярностью), и неожиданное появление маленького американца перед самым началом учебного года не внушало оптимизма.

Но миссис Бертон — крайне целеустремленная женщина. Она объяснила, что Сэм, ровесник Мэтью, остался один на белом свете, и предположила, что эта история может принести полезную рекламу школе.

Полезная реклама... Признаться, это для меня кое-что значит.

По правде говоря, в восьмом классе как раз образовалась вакансия, которую Сэм вполне мог бы занять. Правда, миссис Бертон предупредила, что получить сведения об оценках Сэма не представляется возможным, поскольку его мать (судя по отзывам, весьма безответственная особа) слишком часто переводила ребенка из одной школы в другую, но даже тогда я не прислушалась к тревожному звоночку у себя в мозгу.

И в этом я признаю свою вину. Нужно было, как говорится, действовать более осмотрительно.

2

Чарли Джонсон

Мы, «Заразы», — очень сплоченная компания. Еще в начальной школе у нас был неписаный закон: кто обидит одну, ответит перед всеми.

Елена Гриффитс, Зая Хан и Чарли Джонсон. Как будто разные стороны единой великолепной личности. По отдельности каждая из нас — ничего особенного. Вместе мы непобедимы.

Елена хорошенькая, худенькая, вся такая не от мира сего и немножечко с привихом — слишком уж задвинута на знаменитостях.

Зая — из большой преуспевающей азиатской семьи. Она на опыте убедилась в том, что тихая серенькая мышка с таким же успехом может добиться своего, как и шумная, требовательная девчонка вроде меня или Елены. Чуткая, обаятельная, да еще и талантливо играет на гитаре — не приходится удивляться, что Зая у нас главный учительский любимчик. И никто не догадывается, что за внешним обликом примерной деточки скрывается настоящая мисс Хан — коварная, необузданная и опасная.

Я завидую ее обаянию. Сама я для такого слишком крупная, слишком громкая. С другой сторо-

ны, я всю жизнь лучшая в классе по успеваемости. Кому нужно обаяние, если есть мозги?

В то лето Елена нарушила наше золотое правило. Которое насчет мальчишек.

Лет примерно в девять мы решили, что на мальчишек просто незачем обращать внимание. Наши враги — убогая троица, называющая себя бандой «Сараи» (честное слово, я не выдумываю!). Они постоянно нас донимали, а мы в отместку при всякой возможности устраивали им разные гадости. Это совсем нетрудно — ведь они всего-навсего мальчишки.

Когда «Сараи» — Джейк, Тайрон и Мэтт — начали нас обзывать, мы взяли их самое любимое обзывание, превратили его в комплимент и сделали названием нашей команды: «Заразы».

И все было очень хорошо и славно, пока Елена не вздумала ни с того ни с сего втюриться в бога любви из шестого класса Марка Крамера.

Джейк Смайли

А хотите правду? Мне он сначала показался ничего себе. Мэтт рассказывал всякие ужасы про своего двоюродного брата, ну, и выглядел тот как пугало огородное, но, когда он выкинул эту дикую штуку на детской площадке, в первый раз, как мы встретились, мне подумалось, что он, может, и чумной, но с ним хоть повеселее станет.

Летние каникулы тянутся без конца. Сидишь, пробуешь новые компьютерные игры, треплешься друг с другом, а дальше что? А дальше мы начали знакомиться поближе с Сэмом Лопесом.

Этот американка как будто встряхнул нашу маленькую компанию. Мы почему-то начали относиться к себе как-то по-другому.

Почему? Да потому, что какие бы причуды у нас ни водились, это было ничто по сравнению с закидонами Сэма.

Ну вот, не успел он отдышаться после своего выступления на тему американского футбола, уже давай трещать, как он играл у себя на родине, в одной из тех школ, где он учился.

Я спросил:

— А сколько их всего было, школ?

Сэм нахмурился, принялся считать на пальцах, потом пожал плечами:

— Двенадцать? Тринадцать? Мы с мамой часто переезжали. Что-то вроде того.

Тайрон уважительно присвистнул и ляпнул:

— Мэтт говорил, что она вела беспорядочную жизнь.

Сэм как-то охнул, не то от удивления, не то от обиды.

Мэтт быстро вмешался:

— Тайрон это сказал в хорошем смысле.

Американец улыбнулся и вдруг тихонько засмеялся:

— Точно, вылитая мама.

Ну, тут мы разговорились. Почему-то из-за этой его умершей матери и множества школ нам самим было легче рассказывать о себе.

Я рассказал, что мои родители в прошлом году развелись и что дома с мамой и старшей сестрой я чувствую себя не на месте. Раз в неделю мы встречаемся с папой, но это тоже не пикник. Мы идем в кино или сидим в ресторане, разговариваем обо всем на свете, только не о том, что для нас действительно важно. Как будто все в нашей семье вдруг стали чужими.

Тайрон тоже рассказал о себе, о том, что он никогда в жизни не видел своего папу — когда он только-только родился, его отец поехал в отпуск в Вест-Индию и не вернулся. Тайрон рассказал про свои проблемы с лишним весом, как его в школе обзывают «жирдяем» и «танком», как его мамуля вечно испытывает на нем разные диеты, от которых он только слабеет, но не худеет.

Даже Мэтт сказал свое слово — признался, как ему неловко, что у них папа занимается домашним хозяйством и ходит в фартуке, а мама то и дело звонит в школу с жалобами.

— Команда неудачников! — Сэм подмигнул, как-то так лихо и по-взрослому, что мы все трое расхохотались. — Ну, ладно, — сказал Сэм, — а как тут у вас развлекаются?

Елена

Я не буду углубляться в историю с Марком Крамером. С моей точки зрения, то, что случилось (вернее, не случилось) между мной и Марком, абсолютно никого не касается. Просто не имеет отношения к делу. И точка.

Ну ладно, может быть, вам действительно нужно об этом знать — так, в общих чертах. В субботу я пришла в кино, на фильм с Камерон Диас. И Марк тоже пришел. Когда он появился в фойе, я подошла к нему, мило краснея под слоем косметики, на которую потратила около двух часов. И увидела, что рядом с ним стоит Таша, девчонка из его класса. Она держала его под руку. Кажется, полжизни прошло, пока мы втроем стояли, и смотрели друг на друга, и не находили слов.

Первой заговорила Таша. Она спросила меня:

— Какие проблемы?

Я повернулась и бросилась бежать, пулей вылетела в двери и скрылась в ночи. Я ненавидела Ташу, ненавидела себя, но больше всего я ненавидела Марка Крамера. Сказать по правде, я ненавидела всех мальчишек на свете.

Если подумать, пожалуй, это все-таки имеет некоторое отношение к нашей истории.

Мэтью

Следующие несколько дней мы показывали Сэму окрестности — как он выражался, «округу», а Сэм рассказывал нам, как он жил в Америке. По его рассказам выходило, что он целыми днями гонял с приятелями на мотороллерах, дрался со всеми подряд, а по ночам смотрел из-за кулис рок-концерты, в которых участвовала его драгоценная мамочка.

Мы слушали и старательно делали вид, будто на нас это не производит ровно никакого впечатления. Раньше мы считали, что слишком круты для мелких стычек в парке, на улицах, на школьном дворе. Мы были довольно хулиганистые, и учителя время от времени жаловались родителям на наше поведение.

Но Сэм, если верить его россказням хотя бы наполовину, был по части хулиганства совсем в другой лиге. Нам за ним было не угнаться, да, если честно, даже и не хотелось. В Сан-Диего парни из его шайки смеха ради воровали вещи в магазинах. Угоняли машины, ходили с ножами. Устраивали массовые драки с другими шайками, прямо как в кино. Были на учете в полиции.

Чем больше мы слушали про шальную жизнь Сэма и его приятелей, тем неуютнее себя с ним чувствовали. Или он отчаянный врун, или мелкий уголовник. В любом случае у него явно проблемы, а нам и своих проблем хватало, чтобы еще ввязываться в его неприятности. Все это было еще до скандала в закусочной «У Билла Бургера».

Билл Бургер

Будь моя воля, я бы вообще запретил детей в возрасте от двенадцати до восемнадцати. От них одни неприятности, особенно от мальчишек.

Особенно от этих мальчишек.

Мэтью

Сидели мы, значит, в кафе, которое называется «У Билла Бургера», и тут Джейк стал рассказывать про своего папу. Мистер Смайли в последнее время часто пропускал встречи с Джейком, и было похоже, что в ближайшем будущем отец и сын станут встречаться еще реже.

Третьего дня вечером, когда мистер Смайли возвращался домой после делового ужина, его машину остановила полиция. Его заставили подышать в трубочку, обнаружили следы алкоголя и всю ночь продержали в полицейском участке.

Я заметил, что, пока мы ахали да охали, сочувствуя Джейку, Сэм как-то непривычно примолк. Он глазел по сторонам, барабанил пальцами по пластиковому столику, как будто история про папу Джейка ну ни капельки его не интересует.

И вдруг ни с того ни с сего спрашивает:

— А что у вас тут бывает, если поймают за рулем в нетрезвом виде? В тюрягу сажают или что?

Я сказал:

— У мистера Смайли могут отобрать права на какое-то время.

— А без машины папа не сможет приезжать встречаться со мной, — прибавил Джейк несчастным голосом.

Сэм шмыгнул носом:

— Ой, я сейчас запла́чу!

Мы в удивлении уставились на него. Он откинулся на спинку стула и взмахнул руками.

— Ну подумайте сами, тоже мне, горе великое! — сказал Сэм. — Джейков старикан переночевал в кутузке, и ему на какое-то время запретили водить машину. Делов-то!

Джейк перегнулся через столик.

— Эй, ты, не наглей! Это не шутка.

— А кто шутит? — Сэм запустил руку в волосы Джейка и дернул явно хамским жестом. — Знаешь, Джейк, если ты думаешь, что меня колышут проблемы твоего папочки, то ты меня с кем-то спутал!

— Сэм, полегче! — сказал Тайрон.

Но Сэм все смотрел в упор на Джейка, глаза в глаза.

— Видишь ли, когда у человека папка полжизни провел за решеткой и сейчас еще сидит, несколько часов в «обезьяннике»... — Он пожал плечами. — Мое сердце не разобьется от этой мысли.

— Ого! — изумился Тайрон. — А что твой папа сделал?

Сэм снова пожал плечами.

— Мокруха — вот что он сделал. Попал по-крупному. Когда я родился, у него было несколько ночных клубов. Он занимался разными вещами — ну, может, не совсем законными. Однажды они с партнером поссорились. С партнером случилась неприятность — кто-то его пристукнул. А повесили все на папку. Я же говорю — мокруха.

Ну вот, опять. Каждый раз, как с кем-нибудь из нас случается что-то драматическое, Сэм ухитряется выдать нечто еще покруче, пострашнее, еще драматичнее...

— Это... — Тайрон мужественно пытался подобрать слова. А какие тут слова, когда ты вдруг узнаешь, что у одного из твоих приятелей отец сидит в тюрьме за убийство? — Это... В смысле... Это же ужасно!

— Что делать, такая жизнь, пацаны. — Сэм шумно потянул газировку через соломинку. — Я не видел своего старика с тех пор, как мне исполнилось пять лет. Иногда мамуля рассказывала кое-что про его очередные нелады с законом. Еще шутила, мол, последние известия о Катастрофе.

— О катастрофе? — переспросил Тайрон.

— Его так зовут. По-настоящему его имя Тони, но у него столько было в жизни всяких передряг, что все его называют Катастрофой — Катастрофа Лопес.

Сэм произнес это с гордостью.

Наступила пауза. И тут Джейк, который перед этим все молчал, снова заговорил.

— Катастрофа, — сказал он, и я понял по его лицу, что он все еще злится на Сэма за то, что тот сказал про его отца. — Интересное имя, правда?

Сэм насторожился:

— Что значит — интересное?

Джейк захохотал:

— У него, небось, есть еще два брата — ЧеПэ и ДэТэПэ!

Сэм вскрикнул от ярости. Никто не успел ничего сделать. Сэм вскочил с места, раскидав пластиковые стаканчики, и давай колошматить Джейка по лицу прямо через стол.

— Не смей разевать пасть на моего папку! — вопил он. — Еще слово вякнешь — сдохнешь!

Тут подскочил Билл, толстый, вечно потный управляющий этой забегаловкой, и оттащил Сэма от Джейка. Не обращая внимания на крики и ругань американца, он поволок его к двери и вышвырнул вон из кафе, словно тощую, драную, бездомную кошку. Потом закрыл дверь и снова подошел к нашему столу.

Уперся мясистыми кулачищами в стол, посмотрел на нас сверху вниз.

— Вы, трое, как ваши фамилии? — спросил он.

— Смит, — сказал Тайрон. — У нас у всех фамилия Смит.

Билл на минуту задумался, как будто размышлял, что делать дальше. Решительно подошел к двери и распахнул ее.

— Выметайтесь. — Он мотнул головой, указывая нам выход. — И больше не приходите, не то я сам доставлю вас в полицейский участок.

Мы прошмыгнули мимо него. Джейк прикрывал рукой подбитый глаз.

За дверью мы огляделись. Улица была пуста. Ненормальный сынок Катастрофы Лопеса бесследно испарился.

Тайрон

Я здорово струсил, и, спорим, Мэтт с Джейком струсили тоже. Так бывает — события выходят из-под контроля, и ты вдруг чувствуешь себя совсем маленьким, одиноким и беспомощным.

Мы молча брели по пустынной улице, пока не отошли на безопасное расстояние от заведения Билла.

— Черт знает что, — сказал Мэтт дрожащим голосом.

Джейк шмыгнул носом и утерся.

— Я просто пошутил, — сказал он.

Я покачал головой:

— Этот Сэм — это что-то. То у него друзья из банды, то мамочка в аварию попала, а теперь, здрасьте: папочка — маньяк-убийца...

— Это он так говорит, — буркнул Джейк.

— Он-то вроде не виноват, — сказал Мэтт.

— А мы тем более! — со злостью выкрикнул Джейк. — Если ему плохо живется, незачем пор-

тить нам жизнь! У меня и без него неприятностей хватает.

Его голос эхом отдался от витрин, заметался между бетонными стенами.

И в эту минуту отчаяния мы неожиданно заметили, что мы не одни.

Чарли

К добру или к худу, мы в тот вечер оказались поблизости.

Мы собирались пойти в кино, посмотреть фильм «Крысюки» — какой-то там мультик про грызунов, — а перед сеансом решили зайти к Биллу Бургеру выпить кока-колы.

Поднявшись на эскалаторе, мы увидели перед собой довольно жалкую компанию. Это были «Сараи», и притом весьма расстроенные.

Поравнявшись с ними, мы улыбнулись. Ну ладно, не совсем так. Мы засмеялись. Уж простите, но разве только камень не засмеялся бы, глядя на Шнобеля, Ушастого и Танка, больше известных среди друзей (если только у них есть друзья) как Джейк, Мэтт и Тайрон.

В начальной школе Джейк выглядел вполне нормально, но за прошлый год он вырос как-то неравномерно, как будто разные части тела — руки, ноги, уши, нос и даже волосы — пытаются разбежаться от него в разные стороны. И победителя в этой гонке определить нетрудно — конечно же нос! Вот Зая и прозвала его Шнобелем.

Мэтт вообще-то на вид ничего, но иногда в его присутствии становится не по себе. Он все помалкивает, а сам смотрит и слушает, что вокруг делается. Скорее всего, когда вырастет, станет шпионом — будет подслушивать за деньги.

Что касается Тайрона, так он вроде и неплохой, только жуткий жирдяй, и от этого никуда не денешься. Я и сама не скелет, но рядом с Танком, честное слово, чувствую себя просто-напросто невидимкой.

В другое время мы спокойно прошли бы мимо, но в тот вечер Елена жаждала крови (а почему, мы узнали уже гораздо позже).

— Посмотрите, кто это вылез из помойки? — сказала она вслух, когда они оказались рядом с нами. Мальчишки сделали вид, что не слышали. Но она не унималась. — Как дела, Сарайчики?

— Отстань, Елена. — Это Тайрон сказал. — Мы тут ищем одного человечка.

— Хотите завести себе нового друга? — Зая не утерпела и тоже влезла в разговор. — Ну-ну, если очень повезет...

И тут я заметила, что Джейк прячется за теми двумя, прикрывая ладонью правый глаз. Я спросила:

— Что, подрался?

— Нет, — пробурчал Джейк. — Я... об дверь хлопнулся.

Елена снова засмеялась:

— Вот беда с этими сараями, вечно у них двери хлопают!

Она гордо прошествовала мимо них к забегаловке Билла Бургера. Мы — за ней.

Елена

Признаю, я поступила не очень-то хорошо. Но у меня было жутко плохое настроение. Должен же хоть кто-нибудь за это ответить!

Билл вытирал один из столиков.

Я сказала:

— Привет, Билл. Я смотрю, тут проходило заседание клуба нерях?

Билл проворчал, мол, скоро он повесит на дверях объявление: «Детям до шестнадцати вход запрещен». Он выпрямился, чтобы мы могли усесться, и кивнул в сторону улицы.

— Вот ведь поганцы! Знать бы только их имена, я бы с ними разобрался...

— Имена? — переспросила я. — Думаю, я смогу вам помочь.

Констебль Чиверс

Запись в журнале свидетельствует, что в полицейский участок поступила жалоба от некоего мистера Уильяма Паттерсона, владельца местной закусочной. Дежурный по отделению поручил мне навестить родителей мальчиков, о которых шла речь. В тот раз я впервые получил задание разбирать бы-

товой конфликт самостоятельно, без помощи коллег. Насколько я помню, дело сводилось к обычному предупреждению, все прошло без сучка без задоринки. Подробнее ничего сказать не могу.

Миссис Бертон

Примерно с этого времени наша жизнь стала напоминать какую-то безумную мыльную оперу.

Однажды вечером (я только что вернулась с работы) к нам явился полицейский. Правда, полицейский был не слишком впечатляющий — вчерашний подросток, на котором и форма-то болталась мешком, — но уже одного его появления на нашем крыльце оказалось достаточно, чтобы среди соседей начались пересуды. На Сомертон-гарденз нечасто видят полицейских.

Он мне объяснил, что пришел по поводу драки в местной закусочной. Среди ее участников замечен некто Мэтью Бертон.

3

Мэтью

Мы же и оказались во всем виноваты! Можете себе представить? Сэм психанул, а мы с Джейком и Тайроном получаем предупреждение от полиции. Это уже слишком!

Когда полицейский ушел, а родители закончили допрос с пристрастием, я поднялся наверх. Настало время сказать пару слов Сэму Лопесу.

Дверь у Сэма была закрыта. Я без стука пинком распахнул ее.

При Сэме гостевая комната совершенно изменилась, точно так же, как и все остальное. Несколько дней назад это была светлая, чистая, солнечная комната. Теперь здесь было настоящее логово. Занавески плотно задернуты. На полу свалены в кучу мятая одежда и старые рок-журналы. В воздухе висит густой аромат нестираных носков.

Сэм развалился на кровати с портативной компьютерной игрушкой, которую привез с собой из Америки. Он сосредоточенно хмурился и выглядел вполне безобидным ребенком — ну ни капельки не похож на бешеного психопата, которого мы видели у Билла Бургера.

— Какие-то проблемы? — пробормотал он, не отрывая взгляда от экранчика. — Мне послышались разговоры на повышенных тонах в семействе Бертон.

— Приходил полицейский. Насчет драки в забегаловке.

Сэм хмыкнул:

— Видать, теперь и наши милые Сараи стоят на учете в полиции.

— Ага, точно. Спасибо тебе большое.

— Этот хмырь оскорбил мою семью, — проговорил Сэм скучным голосом, как будто нараспев. — По моему счету, это преступление тянет на «вышку». Пусть радуется, что ушел своими ногами.

— А по моему счету, за шутку не бьют по морде.

— Что делать, у каждого свои методы, — отрезал Сэм. — Теперь не будет издеваться над моими родными.

— Это точно. — Я холодно улыбнулся. — Потому что тебя не будет рядом.

— Ась? — Над темными глазами Сэма недоуменно сдвинулись брови. — Это еще почему?

— Ищи себе другую компанию, Сэм. Нам скандалисты ни к чему.

Сэм отложил игрушку.

— Слушай сюда, Мэтью. В бандах такие вещи постоянно происходят. Наши ребята сколько раз меня лупили.

— Ну, ты же сам говоришь — у каждого свои методы.

— А когда я начну ходить с вами в школу?

— Там полно народу. Без нас обойдешься.

Сэм уставился прямо перед собой. На полочке в ногах кровати у него стояли три фотографии. На одной они с мамой сидят около какой-то палаточки вроде вигвама. Рядом — рекламное фото рок-группы «666», на которой Гэлакси стоит на коленях у ног длинноволосого гитариста. И еще, в пластиковой рамочке, фотография Гэлакси с младенцем на руках. Рядом с ними расплылся в улыбке невысокий типчик с темными волосами. Надо думать, единственный и неповторимый Катастрофа Лопес.

— Я не хочу быть один. — Сэм произнес это так тихо, как будто невольно высказал потаенную мысль.

— Раньше надо было думать, когда ты мордовал Джейка.

— Я не хочу быть один, Мэтт, — повторил Сэм с ноткой отчаяния в голосе.

Он повернул голову и уставился на меня не мигая своими темными глазами, и я впервые увидел какую-то новую, незнакомую сторону Сэма Лопеса, которую до сих пор ему удавалось успешно скрывать. Ему было страшно. Одиноко. Всю жизнь его бросали самые близкие люди. Стоило ему к кому-нибудь привязаться, почувствовать себя в безопасности, — хоп! Что-то меняется, и он снова остается один. Пусть Сэм корчит из себя крутого парня, но под маской — просто испуганный ребенок.

— Может, ты извинишься за меня перед Джейком и Таем? — попросил Сэм. — Скажи им, я все что угодно сделаю, чтобы поправить дело.

— Например?

Он сел на кровати.

— У нас в Штатах новичок должен пройти испытание, чтобы доказать, что он достоин стать членом банды. — В голосе Сэма помаленьку зазвучала былая уверенность. — Я мог бы, допустим, спереть для вас что-нибудь из магазина. Могу угнать машину и покатать вас. Нет, знаю! Я могу отплатить тем гадам, что настучали на вас в полицию. Пусть парни знают, что нельзя безнаказанно кинуть подлянку нам, Сараям!

Я сказал:

— Я поговорю с Джейком и Тайроном. Но на твоем месте я бы особенно не надеялся.

— Спасибо тебе, Мэтт.

— А вообще-то, — сказал я, — думается мне, в полицию на нас настучали совсем не парни.

Зая

Поступок Елены несколько омрачил наши каникулы. Мы с Чарли просто остолбенели, когда она преспокойно назвала Биллу Бургеру имена мальчишек. Наверное, у нас был очень осуждающий вид, потому что, усевшись напротив нас за столик, она вдруг расплакалась.

У Елены это верный признак, что она что-то скрывает.

Билл уже звонил по телефону. Видно, его обещание пожаловаться на Джейка с ребятами в полицию не было пустой угрозой. Чарли напустилась на Елену: это уж слишком, одно дело — мелкие пакости в школе, и совсем другое — неприятности с полицией.

Тут все и вышло наружу. Всемирная катастрофа с Марком Крамером!

Уж извините, но нас эта история не потрясла до глубины души. Какой-то мелкотравчатый пижон дал Елене от ворот поворот, а она, чтобы отвести душу, утопила троих мальчишек, которые тут вообще ни при чем.

Я ей высказала, что, по моему мнению, она просто убожество.

— Не то слово, — согласилась Чарли. — Ничтожество!

На том разговор и кончился. Елена обругала нас и выскочила из закусочной.

«Крысюков» мы так и не посмотрели.

Мэтью

Почему? *Почему?* Еще до того, как они сдали нас полиции, я иногда вдруг задумывался: а почему, собственно, мы воюем с Чарли Джонсон, Еленой Гриффитс и Заей Хан?

Мы с ними давно знакомы — вместе ходили в начальную школу. Готов поклясться, до третьего или четвертого класса это были нормальные девчонки. Я помню, как мы с ними все вместе гоняли мяч на школьном дворе.

Почему же они так изменились? Что произошло? Почему, когда им исполнилось десять лет, они вдруг как будто превратились в существа другой породы, чуждой и враждебной всем цивилизованным формам жизни?

Загадка! Мы знали одно: как только «Заразы» оказываются поблизости, только и жди неприятностей, а когда эти неприятности начинаются, девчонки никогда не бывают виноваты. Виноваты всегда мы.

А когда мы все перешли в новую школу, стало еще хуже.

Как будто один наш вид напоминал им о прошлом, которое они изо всех сил старались забыть. Они хотели казаться большими, взрослыми, а глядя на нас, невольно вспоминали, что на самом-то деле они еще сопливые малышки.

Сначала они делали вид, что не обращают на нас внимания, а столкнувшись с нами в школе, начинали перешептываться и хихикать и быстро уходили. Они рассказывали всем в классе, будто бы в прежней школе нас дразнили неудачниками. (Вранье! Все рвались быть в нашей компании.) Они распустили слух, якобы Тайрон в начальной школе сломал подкидную доску на уроке физкультуры. (Опять вранье: он и близко не подходил

к подкидной доске.) Они наплели, будто бы я пару лет назад занес в школу вшей. (Вранье! Ну, во всяком случае, преувеличение: в тот год у многих были вши.) Они вообразили, будто нос Джейка — отличная тема для шуток, и придумали ему мерзкое прозвище.

Но хуже всего нам приходилось на уроках Стива Форрестера, потому что девчонки твердо знали: что бы ни случилось, здесь им все сойдет с рук.

С моей точки зрения, это они начали войну, а не мы.

Стив Форрестер

Было бы совершенно необоснованно полагать, что я относился с предубеждением к мальчикам в одном из своих классов. Просто так сложилось, что трое мальчиков, о которых идет речь, плохо влияли друг на друга, невзирая на то что каждый по отдельности вел себя вполне удовлетворительно. Вместе эта троица представляла собой проблему. Я считал своим долгом принять соответствующие меры, пока проблема не стала слишком серьезной.

Мэтью

Столкновение с законом по-разному отразилось на жизни каждого из нас. Мама Тайрона, высокая, эффектная женщина, специалист по дизайну интерь-

еров, неделю не выпускала его из дома. Даже когда все хорошо, она ведет себя так, словно Тайрон родился специально ей в наказание. Как назло, визит полицейского пришелся на не самое удачное время. В то лето дела в семействе Шерман шли не так чтобы очень гладко. Миссис Шерман постоянно удивлялась вслух, почему у нее не могла родиться славная, нормальная девочка вместо такого мальчишки, как Тайрон. Как вам это понравится? Ведь вышло-то все как раз из-за девчонок!

У миссис Смайли появился еще один повод клясть на чем свет стоит мистера Смайли, ушедшего из семьи. Она постоянно висела над Джейком, поминая многочисленные провинности его папаши, и не уставала повторять, мол, неудивительно, что Джейк ожесточился. Но еще чаще, по рассказам Джейка, она вечерами находила утешение совсем в другом — в бутылке джина.

А что же мистер и миссис Бертон? Какое-то время они были очень суровы и строги, а потом оставили нас с Сэмом в покое. Обычно мы летом ходили в поход на недельку-другую, но на этот раз мама потратила все отпускные на поездку в Америку, так что скоро «Сараи» снова оказались на унылых улицах пригорода.

Но для нас Сэм уже принадлежал прошлому. Я сказал ребятам про наш разговор, про то, что он готов совершить какой-нибудь безумный подвиг, лишь бы снова заслужить нашу дружбу, но Джейк еще не забыл обиду, а Тайрон кипел от злости из-за своих домашних бед.

А я, наверное, был еще злее их обоих. В то время мне казалось, что американский кузен поломал мне жизнь, растоптал мою семью и друзей, а я теперь должен возиться с обломками. Джейк и Тайрон могут выкинуть его из нашей компании, да и дело с концом, а для меня будущее рядом с Сэмом Лопесом представлялось бесконечным, как тюремный срок.

И вот мы, не сговариваясь, пришли к следующему решению: пусть болтается при нас остаток лета, но как только начнутся занятия в школе, он должен будет сам заботиться о себе.

Сэм почуял, что происходит, и воспринял это на удивление болезненно. Он пытался убедить нас, что время от времени подраться — только на пользу. Это клей, который скрепляет банду, уверял он.

Кроме того, он постоянно вспоминал свою дурацкую идею насчет испытания. Так и рвался доказать, что заслуживает быть в нашей компании.

Сначала мы его игнорировали. Потом нам пришло в голову кое-что получше. Ладно, мы ему устроим испытание, и когда он его провалит, может быть, наконец оставит нас в покое.

Дело за малым: придумать для Сэма невыполнимую задачу.

Тайрон

Это была идея Мэтта, но я ему слегка помог.

Однажды вечером мы с ним разговаривали по телефону. Мэтт говорил, что есть только один

способ заставить Сэма заткнуться раз и навсегда: надо придумать для него испытание, которое докажет наверняка, что он ни в коем случае не может быть одним из нас.

— Ага, — сказал я мрачно. — Тогда он назло нам соберет в школе свою компанию. У нас будет две команды врагов: Сэм и «Заразы».

— Шел бы он к ним в компанию, — пробурчал я. — Он даже похож на девчонку — личико с кулачок и длинные волосы...

— И мелкий, как девчонка, — засмеялся Мэтт.

Мы еще немножко поболтали, а потом повесили трубки.

Через пять минут Мэтт опять мне позвонил. Голос у него был взбудораженный.

— Тайрон, — сказал он, — у меня есть мысль.

4

Мэтью

Мы собрались дома у Тайрона.

Мы с Джейком и Тайроном сидели в креслах, как будто судьи. Сэм ходил туда-сюда по комнате, как заведенный, и несмешно шутил от волнения. С тех пор как я ему сказал, что мы придумали для него испытание, он вел себя радостно до тошноты.

— Ну чо, ребята, выкладывайте!

Он, приплясывая, прошелся по комнате, и я заметил, что Тайрон с тревогой следит за ним глазами. У Шерманов дом — один из тех, где все всегда стоит на своих местах, где нет ни пятнышка грязи, и даже разные там статуэтки на полках выстроились, словно на параде.

— Ну, чо я должен сделать? — спросил Сэм. — Спрыгнуть с моста на крышу поезда? Намалевать какую-нибудь надпись на верхнем этаже небоскреба? Например: «Вся власть Сараям!»

— Да нет, все гораздо проще, — сказал я с прохладцей.

Сэм на секунду перестал метаться.

— Проще? Вот еще! Мужики, дайте мне по-настоящему трудное задание!

— Наше задание — не физического плана, — процедил Джейк, у которого левый глаз за прошедшие дни приобрел красивый розовато-фиолетовый оттенок.

— Ну, не знаю, — ухмыльнулся Тайрон. — В каком-то смысле — очень даже физического.

— Эй, кончайте тянуть резину, — сказал Сэм. — Говорите, что я должен сделать.

Джейк взял в руки пластиковый пакет и медленно его перевернул. Из пакета вывалилась кучка одежды.

Школьная форма.

Школьная форма для девочки.

— Это чего? — Сэм потыкал лиловую юбочку носком кроссовки.

— Это школьная форма моей сестры, — сказал Джейк.

— И что?

— И теперь она твоя, — объяснил Тайрон.

— Не понял.

Сэм присел на корточки, разложил на полу одежду. Форменная юбочка с жакетом, белая блузка и носочки. Стало похоже, что на полу лежит маленький трупик.

— Это чо, знаменитый английский юмор? — поинтересовался Сэм.

Я наклонился вперед в кресле.

— Если хочешь быть в нашей команде, вот тебе испытание. В течение одной недели — пять учебных дней — ты должен играть свою роль. Каждое утро по дороге в школу будешь переодеваться в са-

рае. В школе ты будешь Сэм, но только немножко по-другому.

— Сэм — уменьшительное от Саманты, — сказал Джейк.

Американец медленно выпрямился.

— Девчонку для вас изображать? Чуваки, я всегда знал, что вы с придурью, — тихо сказал он. — Но это же просто... гадость какая-то.

— Как хочешь, — небрежно обронил Тайрон. — Тебе нужно всего-навсего пробыть девочкой пять дней в школе. Согласен — ты с нами. Нет — твое дело.

— Но... Я Сэм Лопес! — Он рассмеялся, как будто произошло всего лишь дикое недоразумение. — Сэм Лопес, извините, не носит девчонские тряпки. Ни для кого, ни ради чего. Ни за что!

— Отлично. — Джейк опустился на колени, собрал одежду и снова сложил в пакет. — Мы дали тебе шанс. Мы слыхали, что Сэм Лопес ничего не боится. Видимо, это была неверная информация.

— Слушайте, мужики, вы хоть подумайте головой. Кто-нибудь из вас согласился бы напялить на себя такую вот фигню?

— Не-а, — усмехнулся я. — Но нам ведь и не приходится.

Сэм задумался. Потом буркнул:

— Даже не мечтайте, придурки, — и вылетел за дверь.

Мы слышали, как он протопал по лестнице и с грохотом захлопнул за собой дверь ванной.

Мы переглянулись. Нам было как-то неловко.

— Все-таки попробовать стоило, — сказал Джейк.

— Да, Мэтью, великая идея, нечего сказать! — заметил Тайрон.

— Честно говоря, выглядит действительно хреново, — сказал Джейк. — Заставить парня одеться девчонкой...

— Ну и ладно, — огрызнулся я. — Может, я и ошибся.

— Надеюсь, он там не разнесет ванную, — проворчал Тайрон. — Мне мама голову оторвет.

Ровно в этот момент открылась дверь и появился Сэм.

— Давайте пакет, — сказал он, нетерпеливым жестом протягивая руку.

Джейк подошел к нему, подал пакет.

Сэм сказал:

— Я ничего не обещаю, понятно?

— Конечно, — сказал Джейк.

— Пока я просто думаю об этом.

— Ага, — сказал Джейк. — Да, и вот еще. — Он порылся в кармане и вытащил яркую ленточку. — У моей сестрицы такие.

Сэм взял ленту двумя пальцами, глядя на нее с непередаваемым отвращением. На мгновение мне показалось, что Джейк сейчас получит фонарь под вторым глазом.

— Это чтобы волосы перевязывать, — объяснил Джейк.

— Да знаю я, дубина, — сказал Сэм. И вдруг, к моему изумлению, расхохотался: — Ну, ребята, у вас тут тяжелый случай!

И исчез за дверью.

Мы ждали. Прошло несколько минут. Послышались шаги на лестнице. Распахнулась дверь, и в комнату вошел Сэм.

Повисло молчание.

— Ну? — сказал наконец Сэм.

— Ух ты, черт... — промямлил Джейк.

— Спятить можно, — выговорил Тайрон.

— Вот это да! — сказал я.

Сэм стоял перед нами, руки в боки, волосы завязаны в хвостик.

— Что? — спросил он. — В чем дело-то?

Почему-то этот его голос крутого парня, идущий от совершенно новой личности, от этой милой девочки, нас добил.

Первым заржал Джейк.

— Смех на палочке, — простонал он.

Тайрон закрыл руками лицо, потом осторожно выглянул в щелочку между пальцами, как будто не веря своим глазам.

— Невероятно!

— Да вы о чем, мужики? — разозлился Сэм.

Сам не знаю, отчего я покраснел.

— Извини, Сэм, — сказал я, изо всех сил стараясь согнать улыбку с лица. — Просто от фактов не уйти — из тебя получилась идеальная девочка, на все сто!

Жестко, угрожающе глядя на нас, Сэм двинулся вперед. Дойдя до середины комнаты, он вдруг увидел свое отражение в зеркале над камином и обернулся посмотреть внимательнее.

— Угу, — хмуро буркнул он. — Точно, девчонка.

Тайрон

И вдруг все это перестало быть шуткой. Понимаете, Сэм настолько классно смотрелся в роли девочки, что наша смешная затея вдруг стала смертельно серьезной.

Сэм плюхнулся на диван и демонстративно принялся ковырять в носу, как будто доказывая, что даже переряженный, с аккуратным хвостиком, он все равно остается прежним Сэмом.

— Ну, и в чем смысл? — поинтересовался он. — То есть, не считая того, чтобы выставить меня дураком.

— А мы и не собирались выставить тебя дураком, — заговорил Мэтью. — Мы просто хотели отплатить «Заразам». Облапошить их. Вызнать их жалкие дрянные секретики.

— Вы что, мужики? Столько стараний, чтобы отомстить этим цыпочкам?

— Они тебе не цыпочки, — буркнул я. — Если мы их ненавидим, это еще не причина, чтобы опускаться до вульгарного сексизма. Мы против дискриминации женщин.

— Эй, вы, а кто здесь носит юбку? — выпалил Сэм. — С этой минуты я решаю, что дискриминация, а что не дискриминация.

Сэм сидел на диване и перебирал волосы в хвостике. Он держался удивительно непринужденно, как будто теперь, оказавшись в центре внимания, он мог наконец расслабиться... Как будто в юбке он еще больше был самим собой.

— Все-таки это будет трудновато. Новая школа и так далее...

Я сказал:

— Мы будем рядом.

Сэм задумался.

— Вы уж мне помогайте, ладно? А то я никогда в жизни не был девчонкой.

— Конечно, — сказал Джейк. — Мы же «Сараи». Мы команда!

Сэм перебросил ногу через подлокотник дивана.

— О'кей, считайте, что я в игре, — хладнокровно заявил он, почесывая себе бедро. Мелькнули синие боксерские трусы. — И слушайте, парни, хватит заглядывать мне под юбку!

Миссис Бертон

Примерно в это время я заметила, что маленький Сэм переменился. Он держался уже не так агрессивно. Реже звучали его неуместные замечания. Он начал помогать Мэтью с работой по дому. Я была рада. Я думала, что самое трудное позади.

Мэтью

Жизнь стала значительно легче после того судьбоносного вечера, когда мы с ребятами договорились о том, что с началом учебного года в восьмом классе появится новая ученица по имени Саманта Лопес.

До конца каникул оставался целый месяц. Джейк поехал во Францию с матерью и сестрицей. Тайрон и Сэм обнаружили, что их объединяет страсть к компьютерным играм. Сэм попросил меня сводить его на футбол, который он по-прежнему упорно называл «соккер». Как и следовало ожидать, его приговор был беспощаден: это игра для слабаков.

Сказать, что мой маленький кузен больше не выводил нас из себя, было бы слишком сильно, при его-то несокрушимом таланте доводить всех вокруг. Однако теперь его сдерживало сознание, что очень скоро ему предстоит пожертвовать своей хваленой мужественностью в ходе, как я это назвал, операции «Саманта». Сэм уже не лез из кожи, доказывая, что он круче, опытнее и взрослее всех нас. Иногда, правда, у него прорывались прежние нахальные замашки, но мы находили в себе силы принять это за шутку, да он и сам часто начинал смеяться с нами заодно.

Смерть матери все еще тенью висела над ним. Стоило какой-нибудь мелочи напомнить ему о прошлом, он неожиданно застывал на месте с остекленевшим взглядом, ничего не замечая вокруг, но

мы с родителями всегда могли вывести его из транса — а раньше нам это не удавалось. Мама то и дело упоминала о Гэлакси в разговорах, как будто эта тема уже не была запретной, и, к моему удивлению, в доме стало легче дышать.

В последнюю неделю каникул я заметил, что Сэм стал каким-то молчаливым и подолгу не выходит из своей комнаты. С той нашей встречи пакет с вещами Крисси Смайли так и остался у него. Я воображал себе, как он запирается у себя и наряжается — готовится к своему дебютному выступлению в роли девочки, точно актер перед премьерой; да, наверное, в каком-то смысле так оно и было.

Мне хотелось поговорить с ним, сказать, что, хотя юбку носить придется ему, на самом деле все мы тут заодно, но он практически никогда не заговаривал о нашем плане.

Видимо, решил, что операция «Саманта» — это театр одного актера, точнее, актрисы.

Мистер Бертон

Накануне первого учебного дня Сэма в новой школе мне показалось уместным сводить мальчиков в ресторан. Я выбрал «Ла Траттория Ла Торре» — местный итальянский ресторанчик с вполне приличным меню и доброжелательными официантами. Мы с Мэри часто отмечали там семейные праздники.

Я заметил, что Сэм в последние несколько дней немного замкнулся. Должно быть, волнуется перед знакомством с новой школой. Мэтью тоже как будто слегка притих.

Таким образом, обстановка в ресторане была несколько натянутой. Манеры Сэма, мягко говоря, оставляли желать лучшего. Он сообщил нам, что «Ла Торре» — «сплошная туфта». Управляющий Луиджи, по его словам, «никакой не итальянец». Салат из креветок Сэм отпихнул в сторону, заявив во всеуслышание, что это — «для голубых».

Семейство Бертон, мужественно улыбаясь, продолжало делать вид, будто подобные высказывания нисколько нас не смущают.

Мэтью

В тот вечер Сэм вел себя еще кошмарнее, чем всегда. Я понимаю, он переживал — назавтра парню предстояло сделаться девчонкой, и так далее, но разве обязательно было добиваться, чтобы все посетители ресторана таращились на нас? А как он ел спагетти! Честное слово, я в жизни не видел такого мерзкого зрелища.

Мистер Бертон

Я предпочел проигнорировать поведение Сэма за столом, больше напоминавшее кормление зверей в зоопарке.

В какой-то момент Мэри многозначительно кивнула мне. Я кашлянул и поднял бокал.

— Я хочу выпить за первый день Сэма в школе «Брэдбери Хилл». И за удачное начало первого полугодия Мэтью в восьмом классе.

— Да ну вас, — пробурчал Сэм.

Мэтью уставился в тарелку со спагетти, как будто там заключались все тайны Вселенной.

— Я всего лишь хотел сказать, — продолжал я, — что наблюдал за вами в последние несколько недель, и вы меня очень порадовали. Все мы оказались в нелегкой ситуации, но, думаю, Сэм и Мэтью просто молодцы. Как ты считаешь, Мэри?

— Безусловно, — сказала Мэри.

Сэм хрюкнул, не поднимая глаз, и я заметил, как Мэри грозно сдвинула брови. Моя жена — замечательная женщина во многих отношениях, но она несколько вспыльчива.

— Ты что-то хочешь сказать, Сэм? — спросила она сдавленным голосом.

Сэм поднял голову. Щеки перепачканы мясом и томатным соусом — поистине, тошнотворное зрелище.

— Не-а, — сказал он.

Я сказал:

— Завтра я отвезу вас в школу. Все-таки первый день учебного года.

Почему-то это невинное замечание заставило мальчиков оторваться от еды и замереть на месте, уставившись на меня чуть ли не со страхом.

— Да не надо, пап, — сказал Мэтью. — Тут идти-то десять минут.

— По-моему, это будет весьма уместно, — сказала Мэри.

— Нет, — возразил Мэтью с удивительной решительностью. — Ты же знаешь, как бывает в школе. Будет лучше, если я сам все покажу Сэму.

— Может быть, пускай Сэм решает? — сказал я твердо.

Все посмотрели на Сэма, который уже снова закопался в спагетти.

— Сэм? — позвала Мэри.

Он медленно поднял глаза, продолжая жевать с открытым ртом. Прожевал, вытер рот тыльной стороной руки, заметил мясные крошки, прилипшие к костяшкам пальцев, нахмурился и облизал их.

Наконец он вынес решение:

— Пешком.

Джейк

Поздно вечером Мэтью прислал мне сообщение по электронной почте. Вот оно: «ИНФОРМАЦИЯ К СВЕДЕНИЮ. СЭМ ТЕПЕРЬ ДЕВЧОНКА».

5

Мэтью

Настал момент истины. На следующее утро Сэм надел новую школьную форму, которую купила для него моя мама, и мы вышли из дома на несколько минут раньше обычного. Попрощались с родителями у дверей, как будто были нормальные школьники, а не джентльмены удачи, отправляющиеся на опасное задание во имя мести.

Мы зашагали в направлении сарая. Дойдя до угла, обернулись и прощально помахали мистеру и миссис Бертон. Свернули за угол и бегом помчались в парк.

Тайрон уже ждал нас около сарая. Джейк, по обыкновению, опаздывал.

Мы не стали здороваться, просто молча кивнули друг другу. Сэм, не говоря ни слова, полез в новую школьную сумку, которую купил ему мой папа, и вытащил пластиковый пакет со «сменкой».

— Пора преображаться, — сказал он деловито и скрылся в мужском туалете с задней стороны сарая.

Две, три минуты. Появился Джейк: рубашка не заправлена, волосы торчат вихрами.

— Проспал, — объяснил он. — А где Сэм?

Тайрон кивнул в сторону запертой двери:

— Превращается в девочку.

Я глянул на часы. До звонка оставалось восемь минут, а чтобы дойти до школы, нужно десять.

— Нам пора, — позвал я как можно небрежнее.

— Иду! — рявкнул Сэм. — Дайте причесаться!

Джейк тяжело вздохнул и пробормотал:

— Женщины!

Щелкнула задвижка, и Сэм вышел наружу, на ходу запихивая в пакет свою прежнюю форму.

— Пошли, — сказал он.

Джейк загородил ему дорогу:

— Последняя проверка перед стартом.

Мы встали в полукруг, разглядывая нового Сэма. Честно говоря, в первую минуту он меня разочаровал. Тогда, в гостиной у Тайрона, когда он впервые появился перед нами в юбке, все было настоящее. А теперь Сэм был просто похож на мальчишку, который безуспешно пытается переодеться девочкой. Волосы спутаны. Юбка длинновата. А хуже всего, что белая блузка спереди болтается, словно простыня на ветру.

Я подергал блузку.

— Ты не можешь это как-то разгладить? Заправить со спины, что ли?

— Она мне велика, — пожаловался Сэм. — Что у тебя за сестра такая, Джейк?

Джейк смутился.

— Ну, она довольно рано сформировалась, — промямлил он.

— Замечательно, — буркнул Сэм, старательно заталкивая блузку за пояс юбки. — Вечно мне не везет! Обязательно сестрица у тебя должна была оказаться со здоровенными буферами...

— Придумал! — сказал Тайрон. — Я завтра принесу две пары носков, ты сможешь их засунуть себе за пазуху.

Глаза Сэма угрожающе сверкнули.

— Знаешь что, жиртрест, сам их себе засунь туда, куда солнце не светит...

Он замахнулся и вдруг замер, глядя куда-то нам за спину.

На дорожке стояла старушка с маленькой собачкой на поводке и с живым любопытством смотрела на нас.

Мисс Уилер-Керрингтон

Я еще помню времена, когда наш парк был очень мил. Не валялся повсюду мусор, не бегали собаки волчьими стаями, не слышалась нецензурная брань. Приятно было сюда приходить.

Некоторые считают, что на скверное поведение и гадкие словечки не следует обращать внимания, но, боюсь, я в этих вопросах немного старомодна.

В то утро, когда я увидела совсем еще маленькую девочку, бледную, испуганную и рассерженную, в окружении мальчишек, вся кровь у меня закипела. Я не могла спокойно пройти мимо. Это не в моем характере.

Джейк

Старушенция стояла на дорожке со своим терьером, и оба они смотрели на нас как на каких-то преступников.

— У тебя все в порядке, деточка? — окликнула она издали.

Мы озадаченно переглянулись.

— Извините? — переспросил Мэтью.

— Я не с вами разговариваю, мальчики, — отрезала бабуля и, по-птичьи вытянув шею, заглянула через наши плечи туда, где стоял Сэм. — Эти мальчики к тебе не пристают, дорогая?

До Сэма дошло не сразу. Наконец он понял и широко улыбнулся.

— Нет-нет, — успокоил он старушку.

— Что ж, очень хорошо, — сказала та и, бросив на нас еще один недружелюбный взгляд, двинулась дальше.

К несчастью, Сэм, как всегда, не смог промолчать.

— Леди, если что, я всегда сумею надрать им задницу! — крикнул он ей вслед.

Старушка оглянулась, вздрогнула и засеменила прочь, волоча за собой свою собачонку.

Мэтью

Сэм вразвалочку шагал впереди нас, сунув руки в карманы. Юбка моталась из стороны в сторону. Ни одна девчонка так не ходит.

Мы плелись за ним и думали об одном и том же. Поскольку все молчали, я решил, что придется мне самому поговорить с мисс Самантой.

— Эй, Сэм! — позвал я небрежным тоном, как будто мне это вот только сию минуту пришло в голову. — Может, тебе стоило бы вести себя в соответствии с ролью?

Сэм принялся насвистывать сквозь зубы. И этого тоже, насколько я знаю, девчонки никогда не делают.

Я попытался еще раз.

— Я хочу сказать, ты, например, разговаривал с той тетенькой совсем не так, как обычно разговаривают девчонки.

Сэм засмеялся и пнул ногой жестянку, которая валялась на тротуаре.

— Это потому, балда, что я не обычная девчонка.

— Понимаешь, Сэм, если ты не будешь вести себя соответственно, у нас у всех будут большие неприятности, — сказал Тайрон. — Какой смысл одеваться девочкой, если ты ведешь себя как мальчишка? Из этого ничего хорошего не получится.

— Вы сами все это затеяли, парни, — сказал Сэм. — Поздновато идти на попятный.

— Не в том дело, — сказал я. — Просто, если мы хотим, чтобы все получилось, ты должен вести себя немножко... — Я запнулся, подыскивая нужное слово. — Немножко... поженственнее.

Сэм остановился и повернулся к нам, продолжая жевать жвачку.

— Я согласился надеть юбку, так? — сказал он тихо. — А насчет женственности ничего сказано не было.

Прежде чем мы успели опомниться, он уже зашагал дальше.

— Вот такие мы, современные девчонки! — Сэм ткнул кулаком в воздух, как будто сметая с дороги невидимого врага. — А если вам это не по вкусу, так это ваши проблемы!

Чарли

В первый день учебного года по дороге в школу мы приняли важное решение. Поправка: это было не такое уж важное решение. Довольно-таки мелкое решеньице.

— Я тут подумала... — неожиданно начала Зая. — Похоже, что мне надоела эта возня с «Сараями».

— Тоже мне, новость! — фыркнула Елена. — Нам всем надоели эти «Сараи».

— Я в том смысле, что я больше не буду их доставать. Это будет мой хороший поступок на первое полугодие. Мальчишки и без того уже пострадали.

— Чепуха! — сказала Елена.

Но я как раз и сама думала то же самое. После всей этой истории с Биллом Бургером и с полицией на душе у меня скребли кошки.

— Я с тобой, Зай, — сказала я. — Говорят, бедненького Тайрона посадили под домашний арест на целую неделю.

— Не будет лезть к «Заразам», — проворчала Елена.

— Нет, ну подумайте сами: «Заразы» против «Сараев», — стояла на своем Зая. — Это же просто глупость какая-то!

Елена посмотрела на нас.

— Ладно, будем их просто игнорировать. Пусть живут сами, как могут.

Зая терпеливо продолжила:

— Вообще-то мы могли бы и извиниться. Так сказать, подвести черту.

Я сказала:

— По-моему, нормально.

— Ни за что! — Елена упрямо покачала головой.

Мы с Заей промолчали, только переглянулись. На самом-то деле Эл вовсе не такая крутая, какой притворяется.

Не прошло и полминуты, как она, надувшись, пожала плечами.

— Ну, как хотите. Может, и правда пора наладить с ними отношения.

Она зашагала вперед с таким видом, как будто сама все это решила.

Мэтью

Мы на пару минут опоздали. На школьном дворе было уже пусто. Мы бросились в актовый зал, распахнули двери. Все уже были на местах, ждали

только миссис Картрайт, нашу директрису, и остальных преподавателей. Когда мы вчетвером шли по проходу к оставшимся свободным местам в первом ряду, с обеих сторон слышался заинтересованный шепот. Я покосился вбок и увидел, что Сэм рассыпает улыбки направо и налево, словно какая-нибудь царствующая особа. Он ни капельки не смущался, наоборот, от души наслаждался общим вниманием.

Елена

Я заметила, что Мэтью пробирается по проходу между сиденьями. Я уже хотела сказать, как это типично, что они опять опаздывают, но вспомнила, что мы планируем подружиться с мальчиками, ранее известными как «Сараи», и промолчала.

И тут я увидела, что с ними идет девочка — шикарная блондинка. У меня осталась только одна мысль: кто же это такая?

Зая

Увидели ли мы ее? Да разве можно было ее не заметить? Она шествовала через актовый зал с таким видом, словно весь этот зал принадлежит ей.

Чарли

Она жевала жвачку. Это первое, что бросилось мне в глаза. «Брэдбери Хилл» — не самая строгая школа, но запрет на жвачку поддерживают все учителя. Можно подумать, жвачка для них страшнее наркотиков. А эта новенькая идет себе и жует при всем честном народе, да еще в первый день учебного года!

Нельзя не признать, это уже позиция.

Гэри Лэрд

Я ее не видел. Наверное, спал.

Марк Крамер

Вот это милашка! Все ребята на нее глазели. Большинство при этом думали одно и то же: и кто это к нам пришел?

Мэтью

Мы уселись. Сэм развалился на стуле с женственным изяществом боксера, отдыхающего в перерыве между раундами.

Гуськом вошли преподаватели и заняли свои места на сцене. Через минуту появилась миссис

Картрайт, более известная под именем Таратайка.

Когда в первый раз видишь нашего директора, прежде всего замечаешь не иссиня-черные крашеные волосы, не квадратные плечи и не бодрую походку, а широкую благостную улыбку во все лицо. Видно, ей в педучилище объяснили, что с детьми надо общаться улыбаясь, и теперь она целыми днями носит на лице дебильно-радостное выражение, как будто ей не терпится сообщить вам какую-то замечательную новость.

В результате, когда директриса разбирается с тем, что она называет «неподобающее поведение», вид у нее бывает довольно жуткий: чем хуже приходится виновнику, тем шире улыбка на директорском лице. И как будто для того, чтобы поддержать репутацию улыбающейся маньячки, директриса время от времени позволяет себе небольшую разрядку: орет и бушует на общем собрании, если «неподобающее поведение» грозит выйти из-под контроля. Говорят, когда стрессы школьной жизни доводят ее до точки, она запирается в чуланчике рядом со своим кабинетом и пару минут визжит, как ненормальная. Отведет душу и выходит успокоенная, с привычной улыбочкой на лице.

Ну так вот, Таратайка завела торжественную речь по случаю начала учебного года. Сказала два слова про летние каникулы, покалякала насчет пьесы, которую мы будем ставить в конце полугодия. Представила парочку новых учителей: женщину двадцати с чем-то лет и толстого солидного

дядечку — он возьмет себе первый класс. И тут директриса совершенно неожиданно сделала жуткую вещь.

Представив новых преподавателей, она улыбнулась во весь рот и заявила:

— А сейчас мне хотелось бы еще кое с кем вас познакомить. В восьмом классе появился новый ученик.

Ой-ой...

Слева от меня чуть слышно застонал Тайрон.

— Он приехал к нам с Западного побережья Америки, — вещала директриса. — Я уверена, все вы постараетесь помочь ему освоиться в нашей школе.

У меня пересохло во рту.

— Сэм Лопес! — Миссис Картрайт всмотрелась в ряды учеников, прикрывая глаза рукой, словно оглядывала какие-то бескрайние просторы. — Где он?

Прошло несколько секунд. Все ерзали на стульях, вертели головой, высматривая новенького.

А потом Сэм не торопясь поднялся на ноги, так это спокойненько одернул юбку и сказал:

— Здесь, мэм.

Зая

Мы засмеялись. Первое собрание года всегда бывает довольно нудным, и когда этот Сэм оказался девочкой, все сразу оживились. Приятно, когда учитель

выглядит дурак дураком, а уж если этот учитель — миссис Картрайт, и если она только что разорялась перед всей школой, как Гитлер на молодежном митинге, то это просто-таки очень приятно.

Американка оглянулась на нас и широко нам улыбнулась. От этого мы стали смеяться еще громче. Директрисе даже не сразу удалось навести порядок.

Мэтью

Улыбка миссис Картрайт примерзла к лицу и сделалась еще более неискренней, чем обычно.

— У меня сложилось впечатление, что Сэм Лопес — мальчик, — сказала она.

— Нет, мэм, в данном случае это не так, — сказал Сэм, и все снова засмеялись.

— Сэм — это сокращение от «Саманты»? — спросила директриса.

— Не-а. — Сэм и не думал садиться на место. Он явно наслаждался ситуацией. — Я Сэм, мэм. Так меня назвала мама.

— Она окрестила тебя Сэмом?

— Она была феминисткой, мэм.

То ли из-за того, что Сэм упомянул о своей покойной матери, то ли из-за феминисток, но миссис Картрайт как будто растерялась.

— Ну что ж, это очень интересно... Наш учебный год начинается с сюрприза! — Она звонко и фальшиво рассмеялась. — Итак, мы наконец вы-

яснили, какого ты пола. Добро пожаловать в школу «Брэдбери Хилл», Сэм Лопес!

— Спасибо, мэм.

Сэм не спеша уселся.

Пятнадцати минут не прошло, а он уже сумел отличиться.

Миссис Картрайт

Первое собрание в учебном году — это чрезвычайно важное мероприятие, и, сказать по правде, меня не слишком радовал инцидент, вызванный небольшой организационной ошибкой. Как я позднее объясняла Стиву Форрестеру, в этом была не только моя вина. Миссис Бертон позвонила мне во время каникул. Я была, как говорится, не совсем в форме. Ребенок, о котором идет речь, так часто переходил из одной школы в другую, что у него — у нее! — не сохранилось никаких документов из предыдущих учебных заведений.

Мне представлялось, что миссис Бертон говорила о мальчике, но я, видимо, что-то недослышала. Вполне естественно было предположить, что Сэм — уменьшительное от «Сэмюэль».

Что касается самой девочки, мне показалось, что она не проявляет достаточного уважения к педагогам, но я старалась сохранять объективность. Недоразумение произошло в присутствии всей школы. Я предположила, что малышка прикрывает дерзостью смущение. Я искренне считала, что Сэм — застенчивая тринадцатилетняя девочка.

Елена

Вообще-то я не люблю выскочек, но в этой новенькой что-то такое было, отчего мне захотелось познакомиться с ней поближе. Как она заявила: «Я Сэм, мэм!», и с каким видом сказала, что ее мама феминистка, словно ее просто шокирует, что приходится объяснять такие вещи. Она держалась так, как любая из нас мечтала бы держаться на ее месте, вот в чем все дело.

Казалось бы, она должна была выглядеть подурацки. А она повернула все так, что дурой выглядела Таратайка. Пожалуй, с такой девчонкой я могла бы подружиться.

Мэтью

Сэм играл с огнем. Это было ясно всем до единого — кроме, разумеется, Сэма Лопеса. И опасность исходила вовсе не от директрисы.

Гэри

Я проснулся посреди собрания, смотрю — какая-то дурная новенькая выпендривается перед всеми, как будто она тут всех главней. Что она о себе воображает, эта тощая шмакодявка с хвостиком? Придется ее немножко поучить, чтобы знала, кто есть кто в «Брэдбери Хилл».

Мэтью

Когда директриса закончила свою речь, все стали расходиться. Мы вышли из зала чуть ли не последними. Сэм шагал рядом с нами и то и дело улыбался тем, кто пялил на него глаза.

— Не отходи от нас, — шепнул Джейк, но Сэм не слушал.

Не до того ему было — он веселился вовсю. И конечно, на школьном дворе дорогу нам загородила гора мускулов — Гэри Лэрд.

Нельзя сказать, чтобы Гэри водился с нехорошей компанией. Он сам по себе уже был нехорошей компанией. Он ни с кем не дружил, потому что никто ему не нравился, да и сам он никому не нравился. Метр восемьдесят росту, мощный, с коротко остриженными темными волосами — точь-в-точь хулиган из мультфильма. Ни один из учеников десятого класса не умел так наводить страх, как Гэри. Куда там прочим мелким пакостникам. Те издевались над людьми от скуки, развлечения ради, а у Гэри это было призвание.

— Эй, ты, цыпочка янки! — окликнул он.

Сэм продолжал идти прямо вперед. Гэри двинулся рядом с ним через двор, нависая над нами, как башня.

— Встретимся вечерком, цыпочка янки? — с гадкой улыбкой предложил Гэри.

Сэм остановился, угрожающе сузил глаза:

— В чем дело?

— Знаем мы этих американских девчонок, — хмыкнул Гэри.

— Гэри, полегче, — сказал Тайрон. — Она же новенькая.

Гэри пропустил его слова мимо ушей.

— Все знают, какие они, американские девчонки.

Сэм спросил:

— Какие?

То ли вопрос оказался слишком трудным для крошечного мозга Гэри, то ли интонация Сэма его озадачила. Он решил сменить тактику.

— Ты что, жвачку жуешь, цыпочка янки? — спросил он, понизив голос.

— Угу, — ответил Сэм.

— А мне не нравится, когда при мне жуют жвачку. Это неуважительно, поняла?

Сэм стал жевать еще более заметно:

— Вали отсюда, недоумок!

Гэри резко взмахнул кулаком, но Сэм и глазом не моргнул. Джейк и Тайрон встали рядом с ним, но тут вмешался кое-кто еще.

Чарли

Я сказала:

— Отстань от нее, Гэри.

Он медленно повернул ко мне свою кошмарную рожу, прищурился, как будто мои слова постепенно просачивались в его мозг на манер чер-

нил, впитывающихся в промокашку. Краем глаза я заметила, что по бокам от меня стоят Зая и Елена. Момент был напряженный, ведь ни один человек в здравом уме, хоть мальчик, хоть девочка, не станет связываться с Гэри Лэрдом, но по крайней мере мы втроем были заодно.

— Это что, бунт девчонок? — прорычал он.

— Нет, просто...

Я хотела привести какие-то разумные доводы, что-нибудь о гуманизме, о том, что маленьких бить нехорошо и что насильственный метод решения проблем не дает результатов, но Сэм меня перебила.

— Правильно, дебил! — выпалила она, свирепо уставившись на Лэрда. Можно было подумать, это не он собрался ее побить, а она его. — Бунт девчонок! Наша сила — в единстве! А ты можешь подавиться!

И она ткнула Гэри пальцем в грудь.

Вау! Гэри прямо-таки раздулся от злобы. Он занес над головой кулак и...

— Молодые люди, кто-нибудь из вас намерен почтить мой урок своим присутствием?

На ступеньках крыльца стоял Стив Форрестер.

Гэри поплелся прочь, шаркая ногами и что-то мстительно бурча себе под нос. Сжатые кулаки свисали чуть ли не до земли.

Сэм, улыбаясь, подошла к нам:

— Спасибо, девочки!

— Не за что, — ответила Елена. — Бунт девчонок, верно?

Сэм засмеялась, как будто это была самая лучшая шутка на свете.

— Ага, правильно! — подтвердила она.

Гэри

Этой соплячке повезло. В следующий раз я из нее котлету сделаю. Она уже труп. И точка.

6

Мэтью

Пару слов о том, кто такой Стив. Обратите внимание: не «сэр», не «мистер Форрестер», а Стив.

Преподаватель просто не имеет права быть таким классным парнем.

Ему нравится именно такая музыка, как надо. Он понимает шутки. Смотрит правильные передачи по телевизору. И к тому же красавчик — похож на старшеклассника-переростка. Играет в команде графства по теннису. Он единственный из всех педагогов в истории школьного обучения умеет носить джинсы и при этом не выглядеть придурком. Если бы правительство захотело провести рекламную кампанию на тему о том, как замечательно работать учителем, им было бы достаточно показать Стива.

Мы, «Сараи», сразу его раскусили. Еще в первый год в средней школе, когда Стив Форрестер вел у нас английский, мы усекли, что он слишком хорош, чтобы быть правдой — слишком нормальный парень для учителя. Наверное, он почуял, что не сумел навесить нам лапшу на уши. Когда он обращался к нам, я иногда ловил мимолетное не-

приязненное выражение на его лице. Одна из девчонок — Зая, вот кто — заметила это и воспользовалась. К концу учебного года она и ее подружки прочно заняли место аристократии на уроках английского, а мы с Джейком и Тайроном оказались в глубокой яме.

Было бы не совсем верно сказать, что Стив активно не любил мальчишек. Скорее, он предпочитал девочек просто потому, что с ними ему было проще находить общий язык, и это, конечно, было весьма удобно для маленькой мисс Лопес.

В то первое утро, пока «Сараи» привычно рассаживались на задней парте, Стив мило беседовал с Сэмом, который занял место между Еленой и Чарли. По лицу учителя было отчетливо видно, что новенькая девочка заслужила его одобрение. Хоть она и кажется худенькой и беззащитной, но уже успела проявить себя на собрании и явно умеет за себя постоять. Таких и учить приятно. Сэм — «личность» (любимое словечко Стива Форрестера).

Стив Форрестер

Во время собрания имел место небольшой инцидент. Новый учебный год начался не так гладко, как хотелось бы. Уже случилось нечто вроде стычки между учениками, и, конечно, в ней участвовал кошмар нашей школы — Гэри Лэрд. Я знал по опыту, что мне предстоит беспокойный урок, и не только урок.

Один из возможных вариантов решения назревающей проблемы — игнорировать ее, делать вид, что все идет нормально. Я лично предпочитаю более прямой и честный подход.

Новенькая, Сэм Лопес, взорвала сложившиеся межличностные отношения в восьмом классе. Меня радовало, что, не проведя и часа в стенах школы, она уже дистанцировалась от своего кузена Мэтью Бертона и его приятелей (на мой взгляд, крайне неблагоприятная компания) и сблизилась с Чарли, Заей и Еленой. Четыре девочки заняли первую парту, в то время как троица во главе с Мэтью, по своему обыкновению, забилась в задний ряд.

Но покуда новенькую не приняли в стаю, покоя ждать не приходилось. Нужно было дать им возможность «обнюхаться», фигурально выражаясь, поэтому я предложил посвятить первый урок в году процедуре знакомства. Я сказал, мол, восьмой класс — это новый этап в нашей жизни, за лето все мы сильно изменились, и сейчас самое подходящее время заново узнать друг друга. Кое-кому (тут я бросил взгляд в сторону задней парты) очень бы не помешало начать с чистого листа.

Я попросил каждого из учеников встать и в нескольких словах рассказать о том, что с ним произошло за время каникул.

Тайрон

Типичные штучки Стива! Иногда он и сам жутко похож на хиппи.

Елена рассказала о том, как училась серфингу в Корнуолле. После нее встала девочка по имени Джули. Джули, как всегда, вообще никуда не уезжала, все лето болталась в городе. Дейву подарили собаку. Кофи побили какие-то хулиганы и отняли мобильник. Все более-менее как обычно.

И тут Стив остановился около первой парты и с особенно душевной улыбкой сказал:

— Теперь твоя очередь, Сэм. Как у тебя прошли каникулы?

Стив Форрестер

Девочка из Америки поднялась с места и повернулась лицом к классу.

— Ну, как, — начала она. — Во-первых, у меня умерла мама, это было довольно погано. — Она огляделась вокруг, помолчала, а потом прибавила небрежным тоном: — Что делать, знаете, как говорят, в жизни дерьма хватает.

Все взоры обратились в мою сторону. Хоть я и стремлюсь создать в классе непринужденную обстановку, но моя жесткая позиция по отношению к нецензурным выражениям общеизвестна. Однако в данном случае я счел разумным не концентрироваться на случившемся. Сэм Лопес сей-

час нелегко. О чистоте речи можно будет поговорить как-нибудь в другой раз.

— Потом мне пришлось уехать из дома, — продолжала Сэм. — Я простилась со своим городом, с друзьями и вообще со старыми добрыми Соединенными Штатами и переехала к своему двоюродному брату, Мэтью Бертону.

Все головы повернулись к Мэтью, который приветственно поднял руку.

— Потом было еще много всякого разного, и хорошего, и плохого, — рассказывала Сэм. — У меня появилась новая одежда. Несколько раз меня чуть не задавили, потому что у вас машины ездят не по той стороне дороги. Я общалась с Мэтью и его... — она как-то странно усмехнулась, — его дружками.

— Бедненькая, — чуть слышно проговорила Чарли.

— Без комментариев, пожалуйста, Чарли! — сказал я.

— Вот и все, — закончила Сэм.

— Твое лето было полно событий, Сэм. — Я улыбнулся девочке. — Мы все очень надеемся, что тебе понравится в школе «Брэдбери Хилл».

— Ага, ништяк. — Сэм села на место.

Я продолжил опрос. Как и следовало ожидать, один из учеников (разумеется, это был Джейк) попытался прощупать границы дозволенного. Он рассказал о том, как ввязался в драку в закусочной, и прибавил с характерной раздражающей улыбочкой:

— Ну, вы же знаете, в жизни дерьма хватает.

Тут-то мы и обсудили проблему нецензурных выражений. Джейк стал возмущаться, что я не остановил Сэм, когда она выругалась. Последовала свободная и откровенная дискуссия, в ходе которой я подчеркнул, что за любое ругательство любой из учеников, в том числе и Сэм, будет строго наказан.

Когда я это говорил — готов поклясться! — новенькая посмотрела на меня и подмигнула.

У меня мелькнуло смутное подозрение, что она каким-то образом все это подстроила.

Мэтью

В тот день на уроке английского случилось что-то странное. Мы, «Сараи», сидели на задней парте и поначалу здорово напрягались — боялись, что Сэм сорвется, ляпнет что-нибудь такое, отчего операция «Саманта» сразу раскроется и мы втроем окажемся в самой глубокой помойке за всю историю человечества.

Но после того как Сэм выступил со своей речью Сиротки Энни, стало ясно, что он — прирожденный актер и вполне вошел в роль.

И вот еще интересная вещь. Все то, что так злило нас, пока он был мальчишкой: самоуверенность, тягучий акцент, постоянная потребность выпендриваться, шокировать окружающих и вообще привлекать к себе внимание, — все это стало

казаться прямо-таки классным с тех пор, как он сделался девочкой. По идее, вписаться в новую школу, да еще в чужой стране, должно быть очень сложно, но Сэм — девочка-Сэм — справился с этим запросто. Он уже стал новой звездой восьмого класса.

— Кажется, все получится, — шепнул я Джейку, пока Сэм заливался соловьем.

Джейк покачал головой:

— Не получится, пока он размахивает мужскими часами на руке.

Ой! Я присмотрелся получше. На запястье Сэма поблескивали, то и дело выглядывая из рукава, типично мужские часы — здоровенный спортивный будильник.

После урока началась двадцатиминутная перемена. Когда Сэм проходил мимо меня, я попытался обратить на себя его внимание, но он словно и не заметил, вовсю болтая с Заей.

На школьном дворе к ним подошли еще и Чарли с Еленой. Я все-таки попробовал еще раз:

— У тебя все в порядке, Сэм?

Все четверо холодно посмотрели на меня, как на совершенно нежелательную помеху.

Сэм сказал:

— Конечно, а что?

— Я просто хотел проверить, нет ли у тебя, *часом,* каких проблем. — Я многозначительно скосил глаза на его запястье. — Я, конечно, понимаю, у тебя звездный *час,* но мало ли что... Мы же не можем все время около тебя стоять,

как на *часах.* Ясное дело, счастливые *часов* не наблюдают...

— О чем это он? — спросил Сэм, повернувшись к девчонкам.

Чарли сказала:

— По-моему, он хочет, чтобы ты посмотрел на часы.

Сэм сделал небрежное движение кистью, выставив роковую улику на всеобщее обозрение.

— Ой, у тебя мужские часы, — удивилась Елена.

— Я ей свои одолжил, — быстро вмешался я. — Я... боялся, как бы она не опоздала в школу в первый учебный день...

— Что ты плетешь? — засмеялся Сэм. — Это мои часы. В Штатах все девчонки носят спортивные часы. Последний писк моды!

— Правда?

Елена обожает всевозможные побрякушки. Она мигом ухватила запястье Сэма и принялась разглядывать часики.

Я что-то промямлил, мол, наши часы очень похожи, но никто меня не слушал. Три девчонки склонились над левой рукой Сэма, а он глянул на меня поверх их макушек, радостно улыбнулся и небрежно кивнул: иди уж.

Я побрел через школьный двор к Тайрону и Джейку.

— Как он там? — спросил Джейк.

Я оглянулся. Зая восхищенно гладила белокурые волосы Сэма. Все четверо стояли тесной куч-

кой — прямо-таки образцовая картинка девичьей дружбы.

— Великолепно, — ответил я Джейку.

Тайрон

Если честно, мы слегка зазевались. Всё гадали, как это Сэм ухитрился с ходу внедриться в команду Елены, а сами упустили из виду крайне существенный факт.

Этот парень родился на свет, чтобы попадать в неприятности, всегда таким был и всегда будет. Само собой, в ту самую минуту, когда он купался в лучах славы, изображая королеву красоты восьмого класса, беда уже приближалась к нему, словно самонаводящаяся ракета.

Мозг у Гэри Лэрда размером с сушеную горошину. Ему сложно додумать до конца даже самую простую мысль, но память у него, как у слона. Если кто-нибудь хоть чем-то его заденет, имя этого человека тут же будет внесено в список неотложных дел под заголовком «Кого я сегодня должен как следует огорчить».

На данный момент Сэм занимал первое место в этом списке. На глазах у Гэри девочка из Америки стала центром всеобщего внимания. К тому же он почуял, что она, как ни странно, совсем не испугалась, когда он заговорил с ней на переменке. Весь первый урок сушеная горошина его мозга постепенно наполнялась мыслями о мести.

Джим Кайли

Я ничего такого не хотел. Я всегда стараюсь держаться в стороне. Моя хата с краю, понимаете? Но вы ведь видели Гэри. Видели? Такому не скажешь «нет» — если, конечно, не хочешь, чтобы тебе сильно попортили фотографию. Так что, когда Гэри велел мне привести новенькую к лабораторному корпусу, я не стал задавать лишних вопросов. Я догадывался, что он не собирается шептать ей нежности, но это уж, знаете ли, не моя проблема. Так оно у нас заведено в «Брэдбери Хилл»... По крайней мере, когда имеешь дело с Гэри Лэрдом.

Гэри

Настал мой час! Я ждал этого целый урок. Я собрался, я был в полной боевой готовности. Самочувствие у меня было отличное.

Елена

Сэм рассказывала нам удивительные вещи о своей жизни в Америке, и тут подошел один мелкий, дерганый мальчишка из пятого, Джим Кайли, и говорит, что ее, мол, вызывают в лабораторный корпус — она должна записаться у завуча, мистера Смарта.

Только после, когда Сэм уже была в дальнем конце двора, у нас появились кое-какие подозрения.

Мистер Смарт вызывает ее в лабораторный корпус? Он же преподает географию! И почему нужно записываться именно сейчас? Если это какой-то розыгрыш, то довольно неуклюжий.

— Гэри! — первой догадалась Чарли. — Это ловушка!

Сэм скрылась за углом. Мы бросились за ней.

И в эту самую минуту по всему двору разнесся оглушительный вопль с подвываниями — что-то вроде тирольской песни. Вопль раздавался со стороны лабораторного корпуса.

Зая

На мгновение все замерли: что за?.. Потом все побежали на шум.

Когда мы свернули за угол, у входа в лабораторный корпус уже толпился народ.

Мы пробились в первый ряд.

Перед нами открылось удивительное зрелище.

Гэри Лэрд, весь красный, согнулся пополам, голова его была повернута под каким-то немыслимым углом, из разинутого рта вырывалось горестное мычание — как будто корова мучается родами. Над ним стояла Сэм. Она казалась еще более миниатюрной, чем обычно. Сэм держала Гэри за левое ухо и старательно выкручивала, как будто

хотела совсем его оторвать от неандертальского черепа.

Невероятно, удивительно смешно и в то же время страшновато было видеть грозу десятого класса до такой степени униженным и беспомощным в руках маленькой беленькой девочки.

— Это та американка, — сказал кто-то в толпе.

— Давай, малявка! — заорал кто-то еще.

Послышался нервный смех.

Сэм ни на кого не обращала внимания, сосредоточившись на своей жертве.

— Тебе что-нибудь было нужно, дружочек? — В ее голосе звенела холодная, еле сдерживаемая ярость. — Ты что-то хотел мне сказать?

— Не-е-ет, — простонал Гэри. — Ничего.

Сэм так рванула ухо, что какой-то мальчишка рядом со мной вздрогнул и отвернулся.

— Ты лучше меня не зли, — проговорила Сэм сквозь стиснутые зубы. — Я просто уверена, что ты хотел мне что-то сказать.

— Изззз... — Гэри издал такой звук, какой бывает, когда воздух выходит из проколотой шины. — Изззвини!

Сэм дернула ухо еще раз.

— Извини, *Сэм,* — подсказала она.

— Извини, Сэм.

И в эту минуту полной капитуляции в задних рядах толпы кто-то крикнул:

— Атас, Форрестер!

Сэм подняла глаза и взглянула на приближающегося учителя. Она выпустила ухо Гэри, но в ту

самую секунду, когда ее жертва расслабилась, правая нога Сэм взлетела в воздух и со всей силы врезалась Гэри между ног. Он буквально подскочил и сразу же хряпнулся на асфальт, скорчившись от боли.

— Что здесь происходит? — поинтересовался Стив.

Сэм заправила за ухо белокурую прядь и широко раскрыла невинные глаза.

— Он на меня напал, сэр. — Голос у нее вдруг сделался тоненьким и испуганным. — Мне сказали, что меня вызывают к завучу. А как только я зашла за угол, этот мальчик набросился на меня. — Казалось, она вот-вот расплачется. — Ни с того ни с сего, сэр.

Стив посмотрел сверху вниз на Гэри, который все еще катался по асфальту, зажав руки между колен.

— Это правда, Гэри?

Гэри, едва дыша, простонал:

— Она... прямо психованная...

— Ага, наверное, она первая на тебя напала! — крикнула какая-то девочка из толпы.

— Я все видела! — подхватила другая. — Сэм просто шла себе, никого не трогала, а он ее схватил.

Гэри с трудом сел, опираясь руками об асфальт.

— Я хотел с ней поговорить, — пробурчал он, насупившись. — И совсем незачем было... — Он потер левое ухо. — Ничего вот этого...

Стив Форрестер засмеялся без всякого сочувствия:

— Похоже, ты наконец встретил достойного противника, который способен дать тебе сдачи.

Гэри попытался еще что-то сказать, но Стив уже вынес решение.

— Я сообщу обо всем миссис Картрайт. Что касается тебя, мисс Лопес... — Он повернулся к Сэм. Та сосредоточенно заправляла блузку. — Тебе следует запомнить, что силой проблемы не решаются. А такой удар, какой ты применила, для мальчика может быть очень болезненным. Ты меня поняла?

Сэм кивнула.

— Да, сэр, — сказала она тихо.

— Очень хорошо. Ступай приведи себя в порядок к следующему уроку.

Толпа расступилась перед Сэм, а та шагала к главному входу, словно торжествующий гладиатор, сразивший могучего быка. Все ее поздравляли.

— Браво, супердевчонка! — заорал кто-то.

Мы смотрели ей вслед. Вот она распахнула двери школы, вошла в вестибюль и направилась к туалету.

К мужскому туалету.

Елена

Мы только рты раскрыли. Это как?! И тут Мэтт Бертон тоже кинулся к туалету.

Мэтью

Он все испортил! Сомневаться не приходится. Сначала заставил Гэри Лэрда просить пощады, а это еще никому не удавалось, ни девочке, ни мальчику. И как будто этого мало, ввалился в мужской туалет на глазах чуть ли не у всей школы.

Я поперся за ним, стараясь держаться как ни в чем не бывало. Сэм стоял у писсуара, деловито задирая юбку.

— Ты что делаешь? — зашипел я.

— А ты как думаешь?

— Ты же девчонка!

Он опустил глаза и как-то странно хмыкнул:

— По-моему, не очень.

— Ты понял, о чем я. Операция «Саманта»!

Он закончил свои дела и не торопясь подошел к зеркалу.

— Ах, да-а! — Сдернул ленту, встряхнул головой, так что волосы рассыпались по плечам. — Я же девица. Ну начисто из головы вылетело.

И посмотрел на меня. Наверное, по моему лицу было видно, в какой я панике, потому что Сэм чуть смущенно пожал плечами:

— Отвлекся, понимаешь, пока дубасил того дурака.

Я покосился на дверь. В любую минуту кто-нибудь может войти.

— Давай завязывай свои патлы! — приказал я. — Я, кажется, придумал, как нам выпутаться из этой ерундовины.

Он снова стянул волосы в хвостик. Надо сказать, это вышло у него удивительно ловко.

— Только не пойми меня неправильно, — предупредил я и обнял его за плечи.

Он шарахнулся, как будто рука у меня была под током.

— Ты что делаешь, придурок?!

— Спасаю тебя! — отрезал я и снова его обнял. — Это ненадолго. Главное, притворяйся расстроенным.

И я открыл дверь. В коридоре нас поджидали Елена, Зая и Чарли.

— Успокойся, Сэм, — ласково, как нянечка в больнице, уговаривал я. — Все хорошо. Сейчас девочки тебе помогут.

Сэм низко опустил голову. Я почувствовал, как он расслабился у меня под рукой. Он снова превратился в женственную, беззащитную лапочку Сэм.

— Что... что случилось? — пролепетал он растерянно.

— Ты просто зашла не в тот туалет, понимаешь? — Я улыбнулся девчонкам. — Она немножко в шоке.

— Но... — Сэм с недоумением огляделся по сторонам. — У нас, в Штатах, общие туалеты для мальчиков и девочек. Я даже не подумала... Господи, стыдно-то как!

Мне лично показалось, что тут он хватил через край, но девчонки схавали все, как миленькие.

— Ах, бедненькая Сэм!

Елена шагнула вперед, протягивая руки. Сэм позволил себя обнять.

Через несколько минут сестринских объятий девочки увели его прочь, нежно утешая на ходу.

Сэм завел руку за спину и показал мне большой палец.

Я позволил себе улыбнуться.

Гэри

Она застала меня врасплох. Удивительно сильная для девчонки. Подлые приемчики! Я просто хотел ее проучить, а в итоге сам остался с распухшим ухом да еще и с вызовом к директору. Вредина она, эта Сэм Лопес. Я бы с ней без проблем разобрался, но после всего, что случилось в тот день, решил: что мне, больше делать нечего, что ли?

7

Чарли

Мы очень быстро подружились, стали прямо как сестры. У Сэм выдался нелегкий день. Поспорила с Таратайкой, потом рассказывала в классе про свою погибшую маму, потом на нее напал Гэри Лэрд. Потом зашла по ошибке в мужской туалет.

Нужно было ее успокоить и утешить.

В обеденную перемену мы поскорее заняли свой любимый столик в самом углу. Сэм все еще была немного бледная, видно, до сих пор не отошла от переживаний, так что мы дали ей посидеть спокойно и просто болтали между собой. Нам нечего было от нее скрывать, ведь теперь она одна из нас. Самая настоящая «Зараза»!

Мэтью

Мы пришли в столовую позже других и в итоге оказались за большим столом вместе с первоклашками. Я заметил, что Сэм сидит с девчонками в уголке, сам помалкивает, только слушает их трепотню.

Честно говоря, я ему не завидовал. У мальчишек не в обычае без конца трещать языком. Нам, чтобы общаться, хватает нескольких скупых слов с небольшой добавкой междометий и мимики, а этим обязательно нужно все на свете определить словами. Похоже, как только им в голову придет какая-нибудь мысль (а иногда и раньше, чем эта мысль попадет к ним в голову), они уже торопятся разделить ее с другими.

Если бы я был сторонником дискриминации женщин (слава богу, вот уж чего нет, того нет), я бы сказал, что они более поверхностные, чем мы.

Я пытался поймать взгляд Сэма, но все его внимание было занято разговором — уж не знаю, о чем там у них шла речь.

Елена

Самое замечательное в нашей компании — что мы можем разговаривать обо всем на свете. Когда мы собираемся втроем, для нас не существует никаких ограничений, никаких «ой, не надо об этом». Рано или поздно все становится известно всем, даже такие позорные истории, как несостоявшееся свидание с Марком Крамером. Видимо, в Штатах так не принято, потому что у Сэм просто челюсть отвисла, пока она нас слушала.

Чарли

За ланчем я сказала девочкам:

— Знаете, что я чуть было не брякнула, когда Стив спрашивал, как прошли каникулы?

— Про то, как Елена втюрилась в Марка Крамера? — с невинным видом предположила Зая.

— Да нет, я уже готова была сказать: «Знаешь, Стив, в моей жизни произошло огромное событие — у меня началось!»

— Ур-р-ра-а! — Елена так громко захлопала в ладоши, что за соседними столиками начали на нас оглядываться.

— И живот сводит, и все, как полагается, — прибавила я со скромной гордостью.

— Молодец, Чарли! — сказала Зая. — Флаг тебе в руки.

— Красный флаг, — захихикала Елена.

Я заметила, что вид у Сэм довольно озадаченный, и объяснила, слегка понизив голос, что в прошлом году у всех девчонок нашего класса уже началось, кроме меня. Я даже немножко беспокоилась. Ну, а теперь от сердца отлегло. Мама даже уронила слезу, когда я ей рассказала. «Моя девочка стала совсем взрослой», — всхлипывала она. Глупость, конечно, но вообще-то трогательно.

Сэм по-прежнему ничего не понимала.

— Э-э... началось? — переспросила она.

— Ну, ты понимаешь, то самое, — сказала Елена.

— Критические дни, — пояснила Зая.

— Извечная женская доля, — сказала я.

Сэм, похоже, окончательно перестала что-нибудь соображать.

— Прошу прощения? — тупо сказала она.

Я положила руку ей на локоть и доверительно шепнула на ухо:

— Месячные, Сэм. У меня начались месячные.

— А-а... Понятно.

Сэм медленно кивнула, как будто не знала, что сказать. Я подумала, что надо бы сменить тему, но Елена, как всегда, ринулась напролом. На вид-то она конфетка, но деликатности у нее, как у бешеного бизона.

Елена

Я ей говорю:

— Слушай, ты же наверняка понимаешь, о чем речь.

Сэм говорит:

— Наверное, это какой-то британский обычай.

— Менструация, — проговорила Зая, понизив голос.

— Само собой, — сказала Сэм, но как-то неубедительно.

— А у тебя когда началось, Сэм? — спросила я, чтобы помочь ей преодолеть застенчивость.

— У меня? Кхм... Я вроде как пока еще не совсем...

Наверное, вид у нас был очень удивленный, потому что Сэм пустилась оправдываться:

— Наверное, это потому, что мама никогда не давала мне на завтрак овсянку. У меня всегда были проблемы с этим делом.

Последовала долгая пауза секунды на три. Потом я сказала самым ласковым голосом:

— Сэм, это же не то что сходить в уборную. Это... совсем другое.

Сэм страшно смутилась.

— Ну да, я знаю, — сказала она. — Живот сводит и все такое, нормально.

Чарли, как обычно, грозно посмотрела на меня: мол, Елена, закрой рот. Но я решила, что здесь нужна полная откровенность.

— Мы никому не скажем, Сэм, — заверила я. — Некоторые девчонки начинают дразниться, если узнают, что кто-то с этим запаздывает, а особенно если еще и грудь плоская.

Сэм опустила взгляд на свою грудь без малейшего признака каких-либо выпуклостей.

— Переходим на личности? — пробормотала она.

— Действительно, Эл, перестань, — сказала Зая.

— Я только потому сказала, что у меня самой была та же проблема, — объяснила я.

И тут мне пришла в голову совершенно гениальная мысль.

— Знаешь, а ведь я могу тебе помочь!

Я решила ничего не говорить Сэму о переменах в наших обстоятельствах. Недели за три до начала учебного года мне позвонил Джеб Дурковиц, юрист из Сан-Диего, который занимался нашими делами после смерти моей сестры.

Оказывается, Гейл была не так уж безнадежно непрактична, как мы полагали. Она оставила завещание, которое хранилось в банковском сейфе. По большей части там была разная чепуха — что-то о том, что, когда Сэму исполнится восемнадцать лет, он должен будет пройти церемонию повторного рождения в день летнего солнцестояния, и тому подобные глупости. Но в последнем абзаце сестра выразила желание, чтобы половина ее имущества осталась Сэму в виде доверительного фонда, в то время как вторая половина должна была покрыть расходы на его обучение и воспитание.

Я заметила мистеру Дурковицу, что все это имеет лишь академический интерес, поскольку имущество Гейл состояло из вигвама, нескольких ниток ритуальных бус да автомобиля, полностью разбитого во время той самой аварии.

— Как ни странно, это не совсем верно, — сказал юрист. — Ваша сестра на самом деле была богаче, чем думали все, в том числе и она сама.

И сухим деловым тоном он изложил поразительную правду. Тод Стрейндж, поп-музыкант из группы «666», с которым Гейл ненадолго связала

себя браком в восьмидесятые годы, скончался в результате «несчастного случая», связанного с наркотиками, за полгода до гибели Гейл. У него не было родных, и суд постановил, что все авторские отчисления от доходов с его музыки должны поступать непосредственно его бывшей жене.

— Оказывается, тяжелый рок — весьма прибыльное дело, — пояснил мистер Дурковиц.

И он был прав. На момент смерти имущество Гейл составило два миллиона долларов. Теперь мы должны учредить доверительный фонд на имя Сэма. Второй миллион нам предстоит потратить на его содержание и обучение.

Мне срочно понадобилось присесть.

Но это было еще не все.

— Альбомы группы «666» прекрасно раскупаются, — продолжил адвокат. — Авторские отчисления с продаж в настоящее время достигают около трех четвертей миллиона долларов в год.

— Милые «666», — слабым голосом пролепетала я.

— Есть еще кое-что, — сказал мистер Дурковиц. — Вы, пожалуйста, не волнуйтесь, но, пока я занимался всем этим, мне стало известно, что биологический отец Сэма, Энтони Лопес, недавно вышел из тюрьмы. Он не имеет абсолютно никаких прав ни на Сэма, ни на его деньги, но я посчитал, что вам следует быть в курсе.

Мистер Бертон

Мы ломали голову, как поступить. С одной стороны, Сэм имеет право знать, что он теперь богат благодаря своей матери и покойному мистеру Тоду Стрейнджу. С другой стороны, в последнее время его жизнь была нелегка, а с тех пор, как он начал ходить в школу «Брэдбери Хилл», мальчик стал гораздо спокойнее и увереннее.

Мы с Мэри обсуждали все это до глубокой ночи и в конце концов решили, что пока не будем ничего рассказывать Сэму.

Про мистера Лопеса мы и не вспоминали. Он никогда раньше не интересовался своим сыном, так с чего бы ему менять свои привычки?

Катастрофа Лопес

Я — человек инстинкта, живу минутой, но и у меня есть свои раз и навсегда заведенные обычаи. Отсидев определенный срок в местной тюряге — должен признаться, это время от времени случается, — я всегда делаю одно и то же.

Я иду в бар, беру себе выпивку и звоню своей бывшей женушке Гэлакси — узнать, как там поживает мое маленькое семейство. Правда, лично мы не встречались с тех пор, как наш брак вылетел в трубу в результате досадного недоразумения (дела, знаете ли, всё дела!), но где бы я ни был, я никогда не забываю старушку Гэлакси и моего сыночка Сэма.

Но на этот раз трубку снял какой-то незнакомый тип. Он сказал, что произошла авария и что Гэлакси, как он выразился, «нет больше с нами».

— С кем это — с нами? — спросил я.

— Она теперь в лучших краях, — сказал он.

— О чем речь? В каких это лучших краях? В Сан-Франциско переехала? Или в Нью-Йорк?

— Она умерла, — сказал этот типчик. — Возвращалась домой с вечеринки, попала в аварию и погибла.

Погибла? Гэлакси мертва? Я повесил трубку, вернулся к стойке бара, заказал себе еще выпивки, а потом еще. Как-то мне стало нехорошо от таких новостей. Пусть Гэлакси была слегка чокнутая, зато в моем стиле. Бывшая жена по-своему много для меня значила.

Очень скоро в голове у меня завертелись и другие вопросы. Если Гэлакси не стало, куда девался Сэм? Что с ним? Кто забрал моего сына?

Оттолин Лопес

Деньги? Какие деньги? Если Катастрофа решил разыскать Сэма, то деньги тут совершенно ни при чем. Он даже и думать не думал о том, что на том конце радуги его дожидается пара миллионов баксов. Просто у него сильно развиты отцовские чувства. И за это я его уважаю.

Чарли

Скажем правду: этот спектакль на тему «Лучшая подруга» был вполне в духе Елены. Я ее, конечно, очень люблю, но, надо признаться, Елена обожает всегда быть в центре событий.

Когда закончился последний урок, Елена нацепила на лицо этакое рассеянное, чуточку надменное выражение, которое, как мы с Заей знаем по долгому опыту, может означать только одно. У Елены имеется план, план этот она придумала сама и ни с кем не собирается им делиться. В таких случаях она всегда начинает одинаково.

— Ах, кстати, я совсем забыла вам сказать. — Елена нахмурилась, как будто вот только сию минуту о чем-то вспомнила. — Сэм сейчас зайдет ко мне выпить чаю.

— Замечательно, — сказала Зая. — Пошли к тебе.

— М-м... Может быть, лучше мы с ней пойдем вдвоем. Не нужно, чтобы собралась слишком большая толпа народу, это ее утомит.

— Толпа народу? — повторила я.

У Елены много разных талантов, но способность придумывать убедительные отговорки не относится к их числу.

— Да, все-таки она сегодня первый день в нашей школе. Кроме того, я хочу сделать ей подарок довольно интимного характера.

— Все ясно, — сказала я. — Ты хочешь, чтобы она подружилась с тобой больше, чем с нами.

— Слушайте, что это за детский сад? — возмутилась Елена.

И с противной улыбочкой отправилась отыскивать Сэм.

Мэтью

Мы ждали Сэма у ворот, и вот он показался во дворе, болтая на ходу с Еленой, как будто они с ней всю жизнь знакомы.

Он чуть было не прошел мимо, но все-таки обернулся, приблизился к нам и говорит:

— Я зайду к Эл. Встретимся позже.

— А нельзя пойти к ней как-нибудь в другой раз? — Я фальшиво улыбнулся Елене, которая стояла метрах в десяти от нас, поджидая свою новую подружку. — Маме с папой, наверное, не терпится узнать, как прошел твой первый день в новой школе.

— Я им потом расскажу, — заявил Сэм.

Я понизил голос:

— А переодеться? Как ты собираешься это устроить?

Сэм похлопал по своему ранцу:

— Всё при мне. Расслабьтесь, ребята. — Он подмигнул. — Вы же сами этого хотели. Шпион в логове врага!

— Пошли, Сэм, — позвала Елена. — Потом побеседуешь с «Сараями».

— Иду-у! — отозвался Сэм с противным девчачьим подвыванием. И ушел.

Елена

Никто не разглядел одну особенность в характере Сэм. Никто, кроме Елены Гриффитс. Сэм была очень застенчивой. Хоть она и вела себя, как Мисс Самоуверенность, но в глубине души она тряслась как осиновый лист.

Только человек, который разбирается в таких вещах (например, я), способен понять: очень часто за нахальством скрывается страх.

Тот разговор за ланчем раскрыл мне глаза. Сэм прямо-таки покраснела, когда Чарли стала рассказывать о том, что у нее началось. Поэтому я и завела речь о плоском бюсте Сэм. Я хотела дать ей понять, что у нас в Англии не принято таиться от подруг.

По дороге я сказала самым сочувственным голосом:

— Если тебе хочется поговорить о своей маме, я готова тебя выслушать.

— Спасибо, не стоит, — сказала Сэм.

— Я очень хорошо умею слушать. Все это говорят.

— Да я верю. — Она с благодарностью улыбнулась. — Но... может, как-нибудь в другой раз.

— Ладно, ты только скажи.

Меня немного обидело, что новая подруга не хочет поделиться со мной самым сокровенным.

Когда мы пришли домой и поднялись ко мне в комнату, Сэм застеснялась еще больше. Я начала

снимать школьную форму и вдруг заметила, что Сэм застыла на месте, уставившись в окно, как будто там, откуда она приехала, люди никогда не раздеваются друг при друге.

Чтобы ее не смущать, я быстро натянула свою повседневную одежду и вручила Сэм подарок, о котором думала со времени ланча. Я выдвинула верхний ящик — там, в самой глубине, хранился предмет, так много для меня значивший всего лишь каких-нибудь двенадцать месяцев назад.

— Что это? — спросила она, нервно сжав подарок в руке.

— Лифчик. С подложенными чашечками. Очень помогает, пока свои не вырастут. Примерь!

Она опять покраснела.

— Я лучше, когда приду домой...

— Нет.

Я решительно начала расстегивать ей пуговицы, но она попятилась:

— Ладно, ладно, я сама.

Она повернулась ко мне спиной, сняла блузку и накинула на плечи бретельки лифчика. С полминуты она беспомощно возилась с застежкой. Я со смехом оттолкнула ее руки и сама застегнула крючки.

— Дома потренируйся, — посоветовала я.

И вот лифчик надет как надо. Все еще стоя ко мне спиной, она набросила белую форменную блузку и медленно повернулась, крепко зажмурив глаза.

— Гораздо лучше! — одобрила я.

Она открыла глаза и посмотрела вниз.

— Классно! — сказала Сэм. — Неплохо затарилась.

Мистер Бертон

Оглядываясь назад, должен заметить, что атмосфера в тот вечер была несколько специфическая. Мэтью вернулся из школы один. Ему и всегда-то требуется поваляться полчасика перед телевизором, чтобы прийти в себя после учебных занятий, но в тот день он казался мрачнее обычного.

Зато Сэм, придя примерно на час позже, был в удивительно жизнерадостном настроении. Он объявил, что школа «Брэдбери Хилл» «вполне ништяк». Когда я сказал, что готовлю к ужину его любимые макароны «Паста путтанеска», он ответил: «Чудненько!»

Помню, я еще подумал, что «чудненько» — не совсем привычное слово в лексиконе Сэма.

Тайрон

Моя мамуля все делает не вовремя. У нее просто какой-то талант выбирать самое неподходящее время для своих воспитательных идей.

И вот теперь, в самом начале учебного года, когда операция «Саманта» вступила в решающую фазу, мамочка решила: а) что я слишком набрал вес за время летних каникул, б) что после истории в закусочной Билла Бургера я, по всей видимости, сделаюсь уголовником и, наконец, в) судя по тому, что я почти все свободное время провожу с Джейком и Мэттью, я, скорее всего, голубой.

По этому поводу у нас вечером состоялась беседа.

Я способен справиться практически с любой подлянкой из тех, что подбрасывает жизнь, — кроме воспитательных бесед моей мамочки.

Она приготовила праздничный ужин — настолько праздничный, насколько это допускает кировская диета[1], благодаря которой балерины мирового класса остаются стройными, как тростинки. А после ужина она села со мной в гостиной, нацепила на лицо особо проникновенное выражение и заговорила особо проникновенным голосом.

— Я тут подумала, Тай... Может быть, в этом полугодии тебе следовало бы побольше бывать на людях.

— Чего?!

— Пожалуй, в последнее время я слишком тебя замуштровала. — Мама выдала улыбочку, полную родительской любви и нежности. — Думаю, пора

[1] По названию театра оперы и балета имени Кирова (ныне Мариинский театр).

тебе расправить крылышки — в плане общения, я хочу сказать.

Я уставился на нее. Что это, шутка? Честно говоря, я вообще не тот человек, который способен «расправить крылышки».

— У меня все нормально, — сказал я ей. — Мы общаемся с Мэтью, Джейком и Сэмом. Все хорошо.

Мама нахмурилась. На виске у нее запульсировала жилка, как всегда бывает, когда она сердится.

— Я говорю вовсе не об этих мальчиках. Я имела в виду общение... с достойными людьми. — Она подняла ладонь прежде, чем я успел ее перебить. — Я не критикую твоих друзей. Уверена, они тоже очень хорошие. По-своему.

Я сказал:

— Мам, может, ты скажешь прямо, что ты задумала?

— В воскресенье я приглашена на ланч к Лэйвери. Я познакомилась с ними недавно на одном обеде. Это очаровательные люди. Он — адвокат. Очень... солидный человек.

— В смысле, богатый.

— Действительно, они вполне состоятельны, но не об этом речь.

Мама сделала паузу. Я сидел и ждал, к чему все это.

— Насколько я поняла, у них есть дочь, — заметила мама небрежным тоном. — Похоже, она тоже довольно замкнутая по характеру.

— Мам, не надо!

Но мамуля мечтательно улыбнулась:

— Дочь адвоката! Подумай об этом.

Оттолин

Я подцепила Катастрофу Лопеса, когда работала в дешевой забегаловке в Пасадене, где официантки обслуживают столики топлесс. Он зашел к нам, разыскивая одного типа по имени Гарри Гатц, который был владельцем этого заведения в те времена, когда у них с Катастрофой водились какие-то общие дела. Катастрофа немного не поладил с законом и временно выпал из обращения, а теперь вот вернулся и стал искать Гарри.

Но Гарри давно уже здесь не было. Он продал заведение и уехал на Восточное побережье. Теперь наша лавочка называлась не «У грязного Гарри», а «Высший шик».

От всего этого Катастрофа здорово приуныл. В тот день он узнал, что, пока он сидел, его бывшая жена погибла в аварии, ребенок пропал неизвестно куда, а теперь еще и Гарри куда-то делся. Оказывается, Гарри крупно задолжал Катастрофе. Собственно, по его словам, Катастрофа отсидел за какие-то их совместные проказы.

Ну, вот я и говорю: Катастрофа от всего этого здорово приуныл.

Вообразите: три часа утра, в заведении ни души. Коротышка в шикарном костюмчике, с тра-

гическим лицом всю ночь топил свое горе в выпивке. Я приношу ему не знаю уж которую порцию бурбона со льдом, а он вдруг поднимает голову и говорит:

— Что такая милая девушка делает в такой дыре?

Ну ладно, допустим, это не самый оригинальный способ завязать знакомство, но у меня в то время как раз никого не было. Кроме того, я заметила в нем одну особенность. Обычно, когда посетители нашего заведения заговаривают с тобой, то смотрят сами понимаете на что. А он смотрел мне прямо в глаза, как будто, если официантка работает топлесс, это еще не значит, что она не может быть интересна как личность. Мы разговорились. Слово за слово... Знаете, как это бывает: «встретились два одиночества».

И вот три недели спустя мы расписались в Лас-Вегасе. Кто сказал, что в мире больше не осталось романтики?

Катастрофа

Пока я мотал срок, в мире многое изменилось. Планка опустилась заметно ниже. Восемь лет назад человек всегда точно знал, что к чему в жизни и в бизнесе. Пускай порой бывало трудно, но по крайней мере ты всегда знал, что к чему.

Делай так, и у тебя все будет в порядке. Сделай этак — не будет. Сделаешь этак второй раз, и очень

возможно, тебя найдут на дне ближайшего водохранилища. Простые старомодные правила, но очень действенные.

А теперь все по-другому. Мой бывший партнер по бизнесу, прохвост по фамилии Гатц, куда-то исчез. Можно было поехать за ним и помочь ему исчезнуть навсегда, но я не видел в этом смысла. К тому же я бы его и не нашел.

Как-то под вечер мы с Оттолин (новой миссис Лопес) разговорились про Сэма. Меня здорово доставало, что я понятия не имею, где находится мой сын. Она спросила, уж не хочется ли мне самому его воспитывать, и я должен был сознаться, что это меня совсем не привлекает. Мой образ жизни не подходит для маленького ребенка. Если подумать, я даже толком не знаю, сколько ему сейчас лет.

Нет, я просто хотел знать, что он в порядке и кто-то за ним присматривает. Мне так было бы спокойнее. Мы с ней все как следует обсудили и назавтра двинулись на Восток.

Я порасспрашивал по разным забегаловкам, где часто бывал раньше, и мне насплетничали, что Сэм уехал в Европу с какой-то там англичанкой, сестрицей Гэлакси, которая прискакала на похороны. Был еще один слушок: что-то насчет завещания — дескать, после смерти моя старушка оказалась значительно богаче, чем при жизни.

Вот мы с Оттолин и задумались. В нашем существовании образовалась пустота. Моего сыноч-

ка, мою кровиночку воспитают пижоном-англичанином, который носит котелок и распевает «Боже, храни королеву». От одной этой мысли у меня просто мурашки по спине бегали. Затосковал я, одним словом.

Насчет деньжат? Ну, не без этого, конечно. Если где-то завалялись лишние деньжата, я бы от них не отказался.

8

Мэтью

На следующий день нам стало ясно, насколько серьезно Сэм отнесся ко всей этой затее с игрой в девочку.

Мы встретились в парке, как обычно. Он заскочил в туалет переодеться. Но когда он вышел оттуда, вид у него был очень странный, даже по меркам Сэма Лопеса.

Сначала мне показалось, что он собрался протащить в школу за пазухой пару футбольных мячей. Но тут он сбросил жакет и расстегнул блузку.

Мы втроем уставились на него в полном обалдении.

— Кто-нибудь, помогите застегнуть крючки, — попросил он, заведя руку за спину.

— Сэм, — подал голос Джейк, — у тебя лифчик?

— Ага. Если хотите знать, это не простой лифчик. Усовершенствованный. Мне его подарила Эл. Она переживает, как бы другие девчонки не начали меня дразнить за то, что у меня плоская грудь.

— А тебе не кажется, что ты немного увлекся? — спросил Тайрон.

— Ты что, отказаться от дареных буферов? С ума сошел?

Я посмотрел на часы. Опять опаздываем!

— Как их застегивать-то? — спросил я.

Сэм повернулся ко мне спиной. Там была такая хитрая маленькая застежечка с крючками. Я попробовал их зацепить за петельки.

— Погоди, — сказал Джейк. — Спереди все перекосилось.

Он попытался поправить Сэму грудь. Тайрон стоял рядом и ржал.

— Не трожь сиськи! — заорал Сэм.

И тут мы заметили, что мы в парке не одни.

Мисс Уилер-Керрингтон

Ну, знаете! У меня просто нет слов, чтобы описать, что я увидела в то утро.

Те же самые трое мальчиков, которых я встретила накануне, снова приставали к бедной белокурой девчушке. Только на этот раз они... скажем так: руки у них находились совсем не там, где следовало бы.

— Чем это вы тут занимаетесь, скажите на милость? — осведомилась я самым строгим голосом.

Трое мальчишек смутились и отскочили с виноватым видом.

— Это не то что вы подумали, — сказал толстый мальчик.

Белокурая девочка торопливо застегивала блузку.

— Эти мальчишки — настоящие сексуальные маньяки, — сказала она. — Знаете, мэм, они просто не в состоянии держать руки при себе.

Меня несколько удивило, что она так легко говорит об этом, но, сознавая свою гражданскую ответственность, я решила, что мне ничего не остается, кроме как поставить в известность полицию.

До чего же мы докатились, если невинная девочка не может дойти до школы без того, чтобы ее... не беспокоили.

Констебль Чиверс

В самом деле, я припоминаю, как к нам в участок зашла пожилая дама с маленькой собачкой. Дама была полная, шла переваливаясь и злобно таращила глаза. И собачка у нее была не лучше!

Прошу прощения, это я пошутил. Действительно, примерно в тот период к нам поступила жалоба на группу мальчиков, которые, как выразилась дама, «докучали» девочке в парке. Мне, как новичку, поручили расследовать это дело.

Сэм Лопес оказалась очень яркой личностью. Миссис Картрайт предупредила меня, что в Штатах обучение девочки носило эпизодический характер, и намекнула, что обстановка в семье была нестабильна. Что ж, я могу сказать одно: видимо, лондонская атмосфера коренным образом ее изменила.

Признаю, она была немного неуживчивой, порой даже дерзкой. Но она всегда с охотой участвовала в любых обсуждениях, проходивших на уроке. Хотя училась она не блестяще (ее глубокая убежденность в том, что пунктуация — «отстой», грамматика — «для лохов», а правописание — «тоска зеленая», говорит о наличии серьезных проблем с мотивацией по моему предмету), зато энергии и уверенности в себе у нее хватало с избытком, и скоро это передалось и ее одноклассницам.

В данной возрастной группе часто встречается следующая неприятная ситуация: несколько мальчиков ни в какую не желают учиться и тянут назад более старательных и ответственных девочек. Сэм блестяще справилась с этой проблемой. Если кто-нибудь из мальчиков принимался болтать или подсмеиваться, пока она отвечала урок, Сэм обращала на него фирменный «лопесовский» взгляд — весьма специфический уничтожающий взгляд в упор, — и все посторонние разго-

воры моментально стихали. В конце концов, именно эта девочка сумела поставить на место Гэри Лэрда!

У кого-нибудь другого такую манеру можно было бы назвать агрессивной. Но у нашей американки за этим скрывалось совсем другое. Целеустремленность, способность постоять за себя. Конструктивный подход.

Нет-нет, я должен с удовольствием отметить, что Сэм Лопес уверенно шла к тому, чтобы стать одной из лучших учениц восьмого класса.

Чарли

Когда Елена влетела в класс с громоздкими спортивными часами на руке, мы подумали, она это для смеху.

Но у нашей Эл есть одна особенность. Она ничего не делает для смеху, особенно если существует риск, что смеяться будут над ней.

— В Штатах все такие носят, — объявила она. — Большие часы — самая последняя мода. Правда, Сэм?

Сэм, сидя рядом с ней, подняла вверх левую руку и драматическим жестом указала на точно такие же спортивные часы:

— Разве нужны еще какие-то слова?

— Но это же мальчиковые часы, — сказала Кэти Фаррелл, тоже из восьмого, прислушивавшаяся к разговору.

— Ничего подобного, — отрезала Сэм. — Все красотки Голливуда перешли на такие часики.

— Где ты их достала, Елена? — спросила Кэти.

Эл пожала плечами — новоиспеченная топ-модель восьмого класса.

— В спортивном магазине, — ответила она.

Я глянула на Заю. В школе «Брэдбери Хилл» случались всякие завихрения, но чтобы нацепить на себя здоровенные неуклюжие спортивные будильники?

Так уж Сэм действовала на людей. Ни с того ни с сего всем девчонкам до смерти захотелось стать похожими на нее.

А ей явно нравилось их внимание. В тот день она принялась нам рассказывать разные разности про американские обычаи.

В основном ее рассказы сводились к тому, что девчонки у них теперь покруче мальчишек. Девочки поняли, что лучший способ дать отпор парням — стать такими, как они, разговаривать с ними на единственно понятном для них языке.

— Вот, например, — объясняла Сэм кучке девочек на школьном дворе, — вы и стоите как-то застенчиво, как будто извиняетесь... — Она фыркнула: — Слишком по-женски.

— А чем плохо — по-женски? — спросила Елена.

Сэм только посмотрела на нее. Елена быстро сказала:

— Ой, извини...

— Вот я о том и говорю, — улыбнулась Сэм. — Кто не боится смотреть прямо в глаза, тот и царь! Попробуй как-нибудь на досуге.

— Если мы начнем смотреть в глаза мальчишкам, они решат, что мы в них влюбились, — сказала Елена.

Мимо как раз проходили, о чем-то беседуя, двое мальчишек из девятого. Один из них бросил рассеянный взгляд на Сэм, а она в ответ пристально уставилась на него. Парень вздрогнул, как будто в него запулили жеваной бумагой, и поскорее пошел дальше.

— Видали? — спросила Сэм. — Важно, как посмотреть. Они всё прекрасно понимают. Теперь насчет стойки...

Она чуть расставила ноги, свободно свесила руки. Потом повела плечами, положила ладони спереди на юбку и сделала такой жест, как будто что-то там поддернула.

Мы засмеялись. Я сказала:

— Вот уж так мы делать не будем. Это совершенно вульгарно, и даже хуже.

— И хорошо, что вульгарно, — возразила Сэм. — Вульгарность — это новая вежливость. А теперь посмотрим, кто из вас сумеет как следует рыгнуть.

Джейк

Все девчонки из восьмого класса в одночасье превратились в каких-то Робертов де Ниро. Даже жутко. Двух дней не прошло, а Сэм, паразит, уже сделался у них неформальным лидером, все девчонки стараются ему подражать, даже такие застенчивые, как Зая Хан, ходят вразвалочку и смотрят с угрозой на каждого мальчишку, кто осмелится на них взглянуть.

Мэтью

Операция «Саманта» самым кошмарным образом пошла наперекосяк. У нас было задумано, что Сэм разузнает девчонские секреты, которые мы могли бы использовать против них.

А вместо этого он взял и переметнулся на сторону врага. С нами он теперь почти не разговаривал. Сомневаться не приходится — быть девчонкой ему понравилось и он быстро вошел во вкус.

Сначала я думал, что его привлекает необычная ситуация, от этого у него сделался такой пружинистый шаг, а по лицу гуляет новая, незнакомая улыбка. Потом до меня дошло: переодеваясь в юбку, Сэм становится другим человеком.

Он уже не тот трагический мальчик, у которого только что умерла мама и вся жизнь перевернулась вверх тормашками. Девочкой Сэм становил-

ся более счастливым, более открытым и к тому же практически свободным от всех проблем Сэма-мальчишки.

А может, причина гораздо проще. Теперь ему все сходило с рук. Он то и дело выкидывал в классе такое, из-за чего у парня были бы крупные неприятности. А девочку только гладили по головке. «Молодец, Сэм, — говорил Стив. — Очень хорошо, отлично!»

Как сказал бы сам Сэм: вот поди ж ты!

Джейк

Знаете, что я думаю? Поддельная грудь оказалась последней каплей. Как только Сэм нацепил на себя фальшивый лифчик и заполнил блузку моей сестры, как будто настоящая девчонка, тут он и пропал. Он прямо-таки переродился с этой злосчастной грудью.

Елена

С часами получилось просто потрясающе! Я из тех людей, кому нравится задавать тон в классе. Теперь все наши девчонки думали только об одном: где бы раздобыть такие клевые спортивные часики, как у Елены Гриффитс? Конечно, у Сэм такие уже были, но, хоть я к ней очень хорошо отношусь, она все-

таки не была в нашей школе образцом модных тенденций, не то что я.

И еще одна приятная новость второго дня. Сэм великолепно выглядела в лифчике с накладками, который я ей подарила. Она просто расцвела, уже не казалась больше замкнутой, шутила и смеялась, как будто всю жизнь училась в школе «Брэдбери Хилл».

Я была очень довольна. Люблю дарить людям радость. В моем представлении, хоть Сэм и стала членом нашей команды, все-таки я — ее лучшая подруга. Общий лифчик создает особенные, теплые отношения.

Миссис Картрайт

Как правило, я стараюсь в большую перемену обойти школу — так сказать, явить себя ученикам.

В тот раз я была немного удивлена, заметив, что девочки из восьмого класса собрались посреди двора и, судя по всему, играют в какую-то игру. Они стояли в два ряда, пригнувшись, в совершенно неизящных позах. Подойдя ближе, я услышала пронзительный голос с американским акцентом, выкрикивающий цифры. Затем девочки разбежались в разные стороны. Впереди всех оказалась Чарли Джонсон с чем-то вроде мячика в руках. Она изо всей силы швырнула этот мячик в одну из девочек, находившуюся позади группы, и я на-

конец разглядела, что это та самая американка, Сэм Лопес.

Сэм с диким воплем схватила мяч и помчалась зигзагами между остальными девочками, направляясь в сторону лабораторного корпуса, после чего завизжала, словно злой дух банши:

— Тачда-а-а-аун!

Зрители (составлявшие большую часть школы) сочли это необыкновенно остроумным и принялись аплодировать.

Один из старших учеников — Марк Крамер, если не ошибаюсь, — закричал во все горло:

— Браво, красотка!

Я успела увидеть и услышать более чем достаточно. Решительно подошла к восьмиклассницам, восторженно толпившимся вокруг маленькой американки, и довольно строго поинтересовалась, чем это они тут занимаются.

Сэм Лопес шагнула вперед.

— Играем в футбол, мэм, — объяснила она. — Настоящий футбол. Американский.

Откровенно говоря, мне вовсе не понравился ее тон. Девочка стояла, как говорится, в расхлябанной позе, свесив руки и нахально глядя мне прямо в глаза.

Я ответила с твердостью:

— Вам всем хорошо известно, что любые игры с мячом на школьном дворе строго запрещены.

Елена Гриффитс подняла с земли мячик и передала его Сэм.

— А это не мяч, мэм, — заявила Сэм с явным злорадством. — Это жакетка, завернутая в пластиковую сумочку и заклеенная скотчем.

Я не сразу нашлась, что ответить, и в эту минуту моей растерянности произошла очень странная и неприятная вещь.

Сэм Лопес как-то по-особому передернула плечами, а потом сделала такой жест... ну, как бы что-то поправляя в районе нижней части живота. Сэм оглянулась, и все другие девочки, как по сигналу, повторили ее движение. Миг — и вот уже все ученицы восьмого класса дергаются и чешутся, словно мартышки, да при этом еще и смотрят на меня в упор. Мне, как говорится, стало не по себе.

— Жакеты у вас не для того, чтобы играть ими в футбол, Сэм, — выговорила я, кое-как собравшись с мыслями. — Если вам хочется заниматься спортом (а я всячески приветствую увлечение физкультурой), я вас попрошу заранее заказывать для этого время в спортзале в соответствии с правилами.

Сэм снова почесалась:

— Да, мэм.

Оставив за собой последнее слово, я зашагала к главному входу школы, не глядя по сторонам на собравшуюся толпу. Импровизированный футбольный матч больше не возобновлялся, но у меня осталось необъяснимое ощущение, словно мой авторитет пошатнулся.

Нужно будет приглядывать за маленькой Сэм Лопес.

Марк

Вы в жизни не видели такой шикарной картины. Эта ненормальная блондиночка из восьмого бегает и бьет пасы не хуже любого парня! А когда на школьный двор явилась оскаленная от злобы Таратайка, девчонки не струсили, стояли насмерть. Не так-то просто произвести впечатление на Марка Крамера, но на этот раз я просто обалдел.

В конце перемены я подошел к Елене Гриффитс — это та чудачка, что однажды подкараулила меня в кино с Ташей.

Я сказал:

— Привет, Элли.

Она очаровательно покраснела:

— Друзья называют меня Эл.

И захлопала ресницами по полной программе.

Я сказал:

— Ну ладно, как скажешь. У меня к тебе небольшая просьба.

Она улыбнулась, как будто заранее знала, о чем я попрошу.

— Познакомь меня с Сэм, ладно? — Я старался не слишком показывать свою заинтересованность. — Хотелось бы с ней поговорить как-нибудь при случае.

— Сэм? Почему Сэм? — Елена как будто немного обиделась.

— Она, кажется, твоя лучшая подруга?

Елена фыркнула:

— Да-да, именно поэтому я стараюсь уберечь ее от людей, которые ведут себя как последние дебилы!

И гордо удалилась.

Что бы это значило?

Миссис Бертон

Утром мне позвонили на работу. Мистер Дурковиц так извинялся, что мне даже стало неловко. Он сказал, что произошла утечка информации, самый настоящий *иновс*.

— Простите, *иновс* — это что за зверь такой? — поинтересовалась я.

Дурковиц объяснил, что *иновс* значит «Полет Нормальный, Отказали Все Системы», после чего прибавил ругательство, каких, по моему непросвещенному мнению, адвокатам произносить не положено.

— Продолжайте, — холодно сказала я.

— Тони Лопес, отец Сэма, обратился к нам в контору. Оказывается, его выпустили на свободу.

— Ах, вот как.

— И кто-то из наших служащих ему сказал, что мальчик живет у своей тети в Лондоне.

— Это и был *иновс?*

— Не совсем. Этот наш сотрудник, кроме всего прочего, подтвердил, что Сэму действительно предстоит получить крупное наследство.

— Что вы, собственно, пытаетесь мне сказать? — спросила я.

Дурковиц прищелкнул языком:

— По моим предположениям, наш друг Катастрофа Лопес в ближайшее время направит свои стопы в Лондон.

Я еще не успела толком осознать скверную новость, а Дурковиц уже снова нарушил молчание:

— Вы не думайте, этот Лопес — не какой-нибудь громила, просто мелкий жулик.

— О, это прекрасно, — ответила я, надеясь, что юрист уловит оттенок сарказма в моем голосе.

— Но, может быть, вам все-таки стоило бы на всякий случай предупредить местную полицию, — сказал Дурковиц. — Попросите их приглядывать, не покажется ли в окрестностях невысокий смуглый человечек с американским акцентом и агрессивным поведением.

Я холодно поблагодарила его за заботу.

— Всегда рад помочь, миссис Бертон, — сказал он и повесил трубку.

Джеб Дурковиц

Послушайте, я ведь только старался помочь по мере сил. Безусловно, меня не радовала перспектива поездки Лопеса в Европу, но возможности юриста не беспредельны. Совершенно незачем было миссис Бертон демонстрировать мне знаменитую британскую холодную надменность.

С моей точки зрения, я свой долг выполнил. И закрыл дело. Разумеется, если возникнет конфликт по вопросу об опекунстве, моя юридическая фирма охотно возьмется представлять их интересы.

Мистер Бертон

Мэри позвонила, когда я гладил белье. Она не склонна впадать в панику по пустякам, поэтому, когда она велела мне запереть входную дверь на два оборота, я понял, что в нашей жизни возникли проблемы с заглавной буквы «П».

Жена сказала мне, что скоро в Лондон явится Катастрофа Лопес. Необходимо решить, что мы ему скажем, а главное, что мы расскажем Сэму.

Настало время для семейного совета, и Мэри пообещала уйти с работы пораньше.

Елена

Очень многие девочки могли бы расстроиться, если бы мальчик, которому они как будто нравились, вдруг объявил, что мечтает встречаться с их лучшей подругой, которая никак не может сравниться с ними по красоте, да еще и плоская, как доска.

Слава богу, я не из таких. Признаюсь, когда Неотразимый Марк попросил меня познако-

мить его с Сэм, я, скажем так, немного психанула. Но, поостыв, поняла, что я и так уже гораздо меньше о нем думаю после той истории с Камерон Диас.

Очевидно, в тот раз он просто использовал меня, чтобы подразнить Ташу. Если человек способен поступить до такой степени подло, до такой степени низко, значит, с таким человеком просто не может быть серьезных отношений. С Марком у меня все кончено. Все в прошлом.

Поэтому я отвела Сэм в сторонку и как бы невзначай упомянула о том, что она нравится Марку Крамеру.

Ее реакция меня удивила. Она по-настоящему рассердилась. Она сказала, что знать его не знает и плевать на него хотела. Пусть отваливает, нечего лезть, куда не просят.

Я спросила, может быть, у нее есть мальчик в Соединенных Штатах, а она разозлилась еще больше и стала кричать: нет у нее никаких мальчиков и никогда не будет, она не педик какой-нибудь дурацкий.

Педик? Э-э, простите?..

Но потом сначала Чарли, а за ней и Зая растолковали ей, что по Марку Крамеру все девчонки сохнут, и Сэм немного повеселела. Когда другие девочки начали выспрашивать у нее, правда ли насчет них с Марком, она только пожала плечами с таким видом, который для любого нормального человека означает «да». Думаю, ей было приятно, что ею интересуется такой красивый парень (кра-

сивый абсолютно пустой, безмозглой, картинной красотой).

В тот вечер мы втроем зашли после школы к Чарли. Я рассказала, что это я познакомила Сэм с Марком и все у них устроилось только благодаря мне. На девочек произвело впечатление, как искусно я провела всю операцию, да я и сама, признаться, считаю, что проявила немалое мастерство.

Можете называть меня Купидоном.

9

Мэтью

Сэму так понравилось быть девчонкой, что он совершенно отбился от рук.

В тот вечер, возвращаясь вместе с нами домой из школы, он только и трепался о том, какие отличные друзья Зая, Чарли и Елена. Мол, с ними разговаривать — совсем не то что с мальчишками.

— Вот, например, чувства, — сказал он ни с того ни с сего. — С ними можно говорить о том, что реально происходит у тебя в душе. Это же классно!

— С нами тоже можно. — Джейк шагал впереди, руки в карманы. — Мы с Таем постоянно говорим о чувствах, правда, Тай?

— Ага, — довольно неубедительно промямлил Тайрон.

— А эта Зая — вообще отличная девчонка, — продолжал свое Сэм. — Я ей рассказал про свои любимые рок-группы шестидесятых, и представляете?! Она знает Джима Моррисона. И Хендрикса знает! У нее есть сидюк с песнями группы «Дорз»! Не слабо?

— «Дорз»? — повторил Джейк. — Что это за «Дорз»?

— Всего-навсего лучшая рок-группа всех времен и народов, — ответил Сэм. — И вот еще что, — продолжал он радостно. — Мы договорились, что каждая из нас в этом году будет вести дневник. Будем туда записывать все на свете — разные события, свои секреты, все подряд.

— Дневник? — Тайрон скривился. — Это же типично девчонское занятие, Сэм.

— А какие секреты? — спросил я.

Мы уже входили в парк.

Сэм хихикнул — по-другому не скажешь.

— Ну, например, что некий Марк Крамер умоляет меня о свидании.

— Крамер? Из шестого нижнего? — спросил Джейк.

— Ага, — подтвердил Сэм. — Говорят, он прямо с ума сходит по некоей Сэм Лопес. Все девчонки обзавидовались! Они все о нем мечтают, а он никого вокруг не видит, кроме меня. Вот это романтика!

— Сэм, — сказал я как мог мягче. — Сэм, он же мальчишка.

— Не просто мальчишка, — кокетливо возразил Сэм. — Он — предел мечтаний средних и старших классов. Марк и Сэм. Сэм и Марк. Даже звучит красиво.

— Да зачем тебе это — встречаться с парнем? — спросил Тайрон.

Сэм пожал плечами:

— Для смеху. Пообщаемся. А там, кто знает...

Мы были так шокированы, что даже не заметили, как к нам подошел полицейский.

Констебль Чиверс

Трое мальчиков и девочка, соответствующие полученному мной описанию, о чем-то увлеченно беседовали в районе навеса рядом с детской площадкой. Я подошел к ним, но, к моему удивлению, они продолжали разговаривать.

Я сказал:

— Здравствуйте, ребята. У вас все нормально?

Девочка ответила, что все в полном порядке.

Я сообщил им, что в полицейский участок поступила жалоба на неподобающее поведение группы подростков приблизительно их возраста.

— Неподобающее поведение? — повторил высокий худой мальчик с большим носом. — Какое неподобающее поведение?

— Мелкое хулиганство, — ответил я. — Нарушение покоя пожилых дам, гуляющих с собачками.

— Ладно, офицер. Будем смотреть, не покажутся ли здесь эти ребята, — сказала девочка — судя по акценту, американка.

Я сказал:

— Очень хорошо. Идите гуляйте.

В целом, по-моему, я вполне удовлетворительно провел разговор.

Тайрон

Школьный день закончился не совсем обычно. Во-первых, Сэм вдруг развел лирику по поводу Марка Крамера, а потом еще в парке объявился тот самый молоденький полисмен, который приходил к нам с предупреждением после злосчастной истории с Биллом Бургером. У меня появилось необъяснимое предчувствие, что вот-вот стрясется нечто очень нехорошее.

У ворот парка мы решили разделиться. Мы с Джейком отправимся по домам, а Мэтт с Сэмом пару раз обойдут вокруг квартала, и только потом Сэм рискнет снова переодеться мальчиком. Будем надеяться, что к этому времени констебль Проныра уже уйдет.

Мэтью

Сэм совсем рехнулся. Два дня провел в образе девочки, получил в подарок лифчик с накладками и завоевал сердце Марка Крамера — от всего этого у него что-то существенно сдвинулось в голове, а после встречи с представителем закона его окончательно заклинило.

— Устроим рейд по парку! — Приплясывая на месте, он стукнул кулаком по ладони другой руки. — Разгуляемся на просторе! Дадим кому-нибудь в рыло!

Я сказал ему, что мне лично ничего такого не хочется, потому что в последнее время чуть только кто-нибудь где-нибудь разгуляется, виноватым оказываюсь именно я.

— Да ну тебя! — заржал Сэм, как ненормальный. — Ты что, двоюродный братец, занервничал, да? Видать, операция «Саманта» для тебя слишком крута?

— Может, и так, — ответил я. — Вся эта история с девчонками довольно-таки сильно запуталась. Я вот думаю, а не признаться ли нам, да и дело с концом? Зато хоть вернемся к нормальной жизни. Ну, что они нам сделают? Не убьют же!

Сэм остановился как вкопанный.

— Спокойно, Мэтью. Было сказано — разыгрывать девчонку в течение одной недели. Осталось еще три дня.

Мы свернули за угол и снова подошли к парку. Я уже раскрыл рот, чтобы сказать Сэму, что все затевалось как месть девчонкам, но ничего похожего как-то не получается, и тут я увидел такое, отчего мои ноги примерзли к асфальту.

К нам приближался автомобиль, а за рулем сидела моя мама. Она только что отыскала место для парковки в пятидесяти метрах от того места, где мы стояли. Вот она вышла из машины и увидела нас.

— Ни слова не говори, — прошептал я. — Делай, как я скажу.

— Что? — удивился Сэм и тут заметил маму. — Ой-ой!

— Повернись кругом, медленно и непринужденно! — приказал я. Как ни странно, он подчинился без возражений. — И пошли. — Я небрежно обхватил его рукой за плечи. Он попытался дернуться, но я держал крепко, и он прекратил сопротивление. Только пробормотал:

— Ты мне за это еще ответишь.

— Главное — дойти до угла, — отозвался я.

Когда мы были почти у цели, я оглянулся.

Мама стояла возле машины и неотрывно смотрела нам вслед.

Мы завернули за угол. Я ослабил хватку, и Сэм немедленно отскочил от меня.

— Мэтью Бертон, ты больной, — сообщил он. — Чего ты меня все время лапаешь?

Я устало улыбнулся в ответ:

— Кто теперь нервничает, а?

Миссис Бертон

Как будто мало было потрясений на этот день! Похоже, Мэтью Бертон обнаружил, что на свете существуют девочки. Я смотрела, как он удаляется по улице, обнимая за плечи стройненькую невысокую блондиночку с прической «конский хвост», и испытывала то чувство, которое переживает каждая мать, когда ее дети начинают взрослеть — немножко грустно, конечно, но и радостно тоже.

У Мэтью завелась подружка! Я тихонько засмеялась.

Когда я добралась до дома номер 23, Сомертон-гарденз, Дэвид, как и следовало ожидать, находился на кухне. У него есть теория, согласно которой в минуты кризиса хороший совместный обед или ужин великолепно сплачивает семью. Сегодня он готовил паэлью[1]. Когда я вошла, он зачерпнул немного томатного соуса и протянул мне ложку.

— Попробуй, муки достаточно? — спросил он с тревогой.

Я сказала:

— Мэтью завел себе подружку. Я их сейчас видела. По-моему, они меня не заметили. Маленькая блондинка с длинными волосами.

Дэвид так и остался стоять с ложкой в протянутой руке.

— Мэтью? Не может быть! Я хотел сказать, не рановато ли?

Я сказала ему, что в наше время дети взрослеют рано. Может быть, это и к лучшему, сказала я. У него прибавится уверенности в себе.

— Кто она? — спросил Дэвид.

— Вероятно, одноклассница. — Я попробовала соус и сказала Дэвиду, что нужно прибавить соли. — А ты... говорил с ним? — спросила я.

Дэвид озабоченно помешивал что-то в кастрюльке.

— Говорил? Ты хочешь сказать... Большой разговор о жизни? — Он покачал головой. — Н-нет, не то чтобы...

---

[1] Испанское блюдо из риса с мясом или рыбой и различными приправами.

Я сказала, что пора поговорить. Дэвид кивнул с несчастным видом. Только услышав голоса мальчиков у парадной двери, я спохватилась, что мы совсем забыли обсудить предстоящий приезд Сэмова отца.

Мэтью

Я догадывался, что у мамы что-то стряслось на работе, раз она так рано вернулась домой, а когда увидел их обоих в кухне с встревоженными лицами, сразу подумал, что нам сейчас сообщат какую-нибудь гадость.

Но оказалось, у них совсем другое было на уме.

— Не тебя ли я только что видела в парке? — спросила мама с какой-то странной улыбочкой.

Я уже знал: это верный признак, что мама пытается говорить шутливо.

— В парке? — повторил я. — Нет, вряд ли.

— А я готова поклясться, что видела тебя с девочкой!

Я с виноватым видом пожал плечами.

— Не-а, — промямлил я. — Наверное, это был кто-нибудь другой.

— Значит, ты был с Сэмом? — спросил папа.

Я покосился на Сэма и в ту же секунду понял, что сейчас будет. С той самой минуты, как я положил свою руку ему на плечи, он дожидался случая отплатить.

— Не, я был с Джейком и Тайроном, — сказал этот мерзавец. — Хотел дать Мэтту возможность... приятно провести время. — Он подмигнул. — Ну, вы меня понимаете...

— Не нужно смущаться, — сказал папа. — Это вполне естественно. Кто она?

— Да, — подхватил Сэм, — кто эта милашка?

Я впал в панику и ляпнул:

— Ссс... Ссс... Симона. Она из нашего класса.

Мама улыбнулась.

— Ты раньше не говорил, что у вас в классе есть какая-то Симона.

— Да я раньше не обращал на нее внимания, — пробормотал я. — Давайте не будем о ней говорить.

— Нет, будем! — Сэм уже по-настоящему наслаждался. — Расскажи нам, Мэтью, какая она.

Мама с папой смотрели на меня и ждали.

— Ну-у, она такая тихая, довольно умная и, наверное, немножко застенчивая.

— И красотка, правда ведь?

Я прищурился. Я все-таки отомщу Сэму, даже если это будет последнее, что я сделаю в своей жизни!

— Да, — холодно проговорил я. — Она очень красивая... Такая женственная...

Мама вдруг подтолкнула отца локтем.

— Знаете, мне нужно кое-кому позвонить. Я пойду наверх.

Она многозначительно посмотрела на него и быстро вышла из кухни.

Мистер Бертон

У меня никогда не было проблем по части общения, но, строго между нами, тот разговор с Мэтью и Сэмом «о пестиках и тычинках» не сказать чтобы прошел с ошеломляющим успехом. Некоторые слова и выражения интимного свойства звучали очень странно даже в моих собственных ушах — как будто их никто и никогда не произносил вслух.

Мэтью все пытался меня перебить, говорил, что все это прекрасно знает и незачем вдаваться в такие подробности, но Сэм, к несчастью, оказался страшно наивным по этой части и задавал вопросы, на которые мне довольно трудно было ответить.

Мэтью

Нет, нет, нет! НЕТ! Только не это! Только не на кухне! Не от родного отца! Не надо, пожалуйста, не надо!

Папа, отчаянно подбирая слова и страдая все сильней, пытался рассказать нам о сексе. То и дело наступали долгие мучительные паузы. Когда ему приходилось употреблять слова, которые его смущали — такие, как «презерватив», «эрекция», «сперма» и так далее, — он вздрагивал, как будто они причиняли ему физическую боль.

Можно не объяснять, что Сэм отрывался по полной программе. Он без конца задавал вопросы, от которых мне хотелось спрятаться под стол.

— Значит, у парня при этом... А девчонка... Объясните, пожалуйста, еще раз, мистер Бертон.

И так без конца.

— А что же такое все-таки «безопасный секс»?

«Ну, всё! — подумал я. — Это... это уже слишком! Это официальное объявление войны!»

После Большого Разговора о Сексе мы поднялись наверх. Пока шли по лестнице, Сэм хмурился, как будто все еще обдумывал про себя увлекательные, но и пугающие новые знания о том, как устроены мальчики и девочки. Мы вошли в мою комнату, закрыли за собой дверь, Сэм рухнул ничком на мою кровать, уткнулся лицом в подушку и в диком восторге заколотил по матрасу кулаками.

— Сэм!

Я сгреб его за шиворот, рывком поднял на ноги. В его глазах от смеха стояли слезы.

Я ничего не мог поделать. Я хотел рассердиться, но вместо этого и сам расхохотался как сумасшедший.

Бедный папочка! Если бы он только знал!

10

Катастрофа

Перелет был поганый. Оттолин ни разу в жизни не летала на самолете. Она прочла в каком-то дурном журнале из тех, что приходят к ней по почте каждую неделю, будто бы полет на большой высоте отрицательно действует на людей с силиконовыми имплантантами.

У Оттолин имеются силиконовые имплантанты. В верхней части тела, если вы понимаете, о чем я. По правде сказать, у нее, по-моему, имплантантов даже больше, чем родного тела.

Девять часов подряд она просидела рядом со мной, плотно обхватив себя руками, и шептала:

— Катастрофа, они сейчас лопнут! Знаешь, так бывает. Хлоп! И забрызгают всех вокруг. Я просто чувствую, что они вот-вот шарахнут.

Я купил ей выпить. Потом еще. Когда самолет заходил на посадку, мы уже были, как говорится, в состоянии полной анестезии.

Оттолин

Я все время твердила одно:

— Катастрофа, чтоб тебя черти взяли! Хоть бы все это было не зря!

Чтобы как-то отвлечься, я стала думать о том, на что мы потратим вознаграждение, ну, то есть наследство, или как его там...

Купим себе большой, шикарный дом в стиле ранчо, с просторными туалетами и золотыми кранами в ванной, поближе к Голливуду, чтобы я смогла продолжить актерскую карьеру. У нас будет земля, лошадки, куча горничных и всяких прочих служанок, и все они будут обращаться ко мне очень почтительно, ну, там: «Доброе утро, миссис Лопес», «Я могу идти, миссис Лопес?».

Наверное, этот недоносок Сэм тоже будет при нас болтаться, ведь денежки-то мы получим через него. Но я старалась представлять его себе в образе шустрого, остроумного подростка, который постоянно говорит что-нибудь смешное и не доводит всех окружающих до ручки, вроде как Маколей Калкин[1] до того, как он окончательно свихнулся, женился и так далее.

Все-таки не зря мы это затеяли, уговаривала я себя, покрепче придерживая свою грудь (эти штуки, как-никак, денег стоят!). Нет, совсем не зря.

---

[1] Мальчик, ставший знаменитым после выхода на экраны фильма «Один дома», где он сыграл главную роль.

Зая

Меня немного разочаровало, что Сэм собирается влюбиться в Марка Крамера. Это ведь такая пошлость... В Марка все влюбляются.

Я думала, что у Сэм больше вкуса. Например, мы с ней разговаривали не о том, о чем обычно болтают. Мы говорили о музыке. Она записала мне имена гитаристов, которых стоит послушать, — не только Хендрикса, Клэптона, Планта (о них я уже читала), но и других, таких, как Альберт Ли, Джефф Бек, Скотти Мур, Джеймс Бертон. Она составила для меня список рок-групп эпохи шестидесятых, которые советовала послушать, и пообещала достать для меня интересные компакт-диски.

Даже странно. Вроде она вполне современная девчонка, но когда я пыталась поговорить с ней о таких направлениях в музыке, как транс, техно или драм-н-басс, она только мотала головой, как будто просто не хотела ничего слушать.

В плане музыки она была точно древняя старуха и в то же время в курсе всех современных новостей. Ну и что? Если честно, придя домой после школы, я разыскала у себя в закромах компакт-диск группы «Дорз» и поставила его по новой.

Ну никак все это не монтировалось с тем, чтобы развесить сопли по поводу Марка Крамера! Она такая классная, непохожая на других, откуда же эти штампы в том, что касается любви?

Тайрон

В тот вечер дома у нас стало совсем тяжко.

Мамуля зациклилась на своей идее спасать меня, пока не поздно. По ее мнению, я — просто ходячее собрание всех стандартных подростковых проблем. Лишний вес, низкая успеваемость да еще и друзей моих она не слишком одобряет.

Ей вдруг стукнуло в голову, что мне необходимо дважды в неделю заниматься с репетитором. После ужина она позвонила маме Мэтью, вообразив почему-то, что та может ей посоветовать парочку-другую частных преподавателей. Родители «трудных подростков» должны помогать друг другу, не правда ли? Вместо этого ей все уши прожужжали про новую подружку Мэтью.

Не знаю почему, но в нашем квартале родители постоянно как будто соревнуются между собой. Вечно они сравнивают достижения своих деточек: кто раньше начал ходить, говорить, кто лучше учится в школе, у кого самое интересное хобби, какие они остроумные, как они занимаются кто спортом, кто музыкой, сколько у кого друзей, кто какие экзамены сдает. И так без конца.

Моя мамуля тоже считает себя обязанной играть в эту игру, и, к сожалению, она всегда проигрывает. Иногда я слышу, как она разговаривает с какой-нибудь другой мамашкой по телефону. «Мой Тай увлекается всем понемногу», — говорит она с отчаяния или: «Он блестяще разбирается в Интернете». На языке родителей все это означа-

ет только одно: «Я стараюсь, как могу, но, честно говоря, мой сын полнейший, безнадежный неудачник».

В тот вечер миссис Бертон открыла ей глаза еще на одну область, в которой ее сыночек не добился никаких выдающихся успехов.

Девочки. У Мэтью Бертона появилась подружка! Я подслушивал с лестничной площадки и не верил своим ушам.

— Говорите, увлекся не на шутку? — фальшиво рассмеялась мама. — Представьте себе, какое совпадение, — она таинственно понизила голос, — Тайрон в последнее время очень заинтересовался дочерью моих друзей, Лэйвери. Глава семьи, знаете ли, преуспевающий адвокат.

Я схватился за голову и поплелся к себе в комнату — ждать неизбежного маминого визита.

Миссис Шерман

Тайрон немного инфантилен для своего возраста. Отсюда и трудности с лишним весом. Это детский жирок. Уверена, к шестнадцати годам все это пройдет само собой.

Я решила поговорить с ним, вернее, с его затылком, потому что он не отрывался от компьютерной игры.

Я сказала как бы невзначай:

— Говорят, у Мэтью завелась подружка.

— Впервые слышу, — отозвался Тайрон.

— Как я поняла, она хорошенькая. И умненькая. Симона. Ты ее знаешь?

Я заметила, что Тайрон перестал играть. Сказал:

— Не знаю.

— Просто меня беспокоит, что ты отстаешь, Тайрон. Ты был бы гораздо счастливее, если бы начал встречаться с девочкой.

Тайрон проигнорировал мои слова и продолжил игру.

— Тебе бы все-таки сходить со мной на чай к Лэйвери. Джулиана каждый раз о тебе спрашивает.

Тайрон, как обычно, буркнул что-то невразумительное.

— С девочками очень весело, — попыталась я его подбодрить. — Знаешь, вы могли бы пойти в кино. Уверена, общение с Джулианой принесет тебе куда больше пользы, чем с этими мальчишками, с которыми ты проводишь время.

Тайрон выключил игру, тяжело вздохнул и повернулся на стуле.

— Мама, мне не нужна никакая подружка. С девчонками не о чем разговаривать. Мне это неинтересно.

— А ты поинтересуйся, — прибавила я нажим. — У меня было бы легче на душе, если бы ты хоть с кем-нибудь встречался. Просто не знаю, что я буду делать, если ты вырастешь бирюком, который сидит в одиночестве перед компьютером, пи-

тается готовыми обедами и моется реже, чем следовало бы. Твоей матери, Тайрон, будет очень, очень грустно это видеть.

Он тихо и протяжно застонал.

— Ты хоть попробуй, — попросила я. — Познакомься с Джулианой. Может быть, она тебе понравится. А нет — поищешь другую. Сделаешь это, хорошо? Ради меня.

Он кивнул.

Я улыбнулась и поцеловала его в макушку. Тайрон, он хороший. Просто нужно немного материнского участия, чтобы помочь ему вылезти из своей раковины.

Тайрон

Симона?! Это мог быть только Сэм и никто другой. Что он еще выкинул?

Миссис Картрайт

Я перемолвилась словечком со Стивом Форрестером в учительской. Профилактическая беседа, как говорится.

— Девочки из восьмого класса — как у них дела?

Он сказал, что учебный год еще только начался, но он вполне доволен классом. Девочки, по его словам, «живо интересуются предметом».

Когда я заговорила об игре в футбол на школьном дворе, представьте себе — он улыбнулся.

— Живость и хамство — не одно и то же, — сказала я, с трудом восстановив душевное равновесие. — Мисс Фишер сообщает, что, когда она отчитывала Кэти Спайсер, кто-то из девочек издал неприличный звук, причем довольно громко.

Стив обещал поговорить с ученицами восьмого класса о необходимости соблюдения дисциплины.

— Девочка из Америки, Сэм Лопес, — сказала я. — На мой взгляд, у нее, как говорится, завышенная самооценка. Вы со мной согласны?

Стив сказал, что Сэм неплохая девочка. Немного задиристая, но, по сути, хороший ребенок.

И я ему поверила. Двадцать лет педагогического опыта, а я все-таки поверила!

Мэтью

К этому времени операция «Саманта» приказала долго жить. Банда «Сараи» ушла в историю, про «Зараз» никто и не вспоминал. Все пошло не так, как ожидалось.

Но больше всего изменился Сэм Лопес. В классе он был всегда впереди, первым задирал измазанную чернилами руку заодно с другими зубрилками. Некоторые учителя — Уорд по математике, Фишер по рисованию — ругали его за то, что часто он поднимает руку, не зная ответа. Ему лишь бы повыступать.

Но у Стива Форрестера он по-прежнему оставался любимчиком. Если кто-нибудь смеялся над его дурацкими ответами, Стив говорил:

— Лишний энтузиазм еще никому не повредил. По крайней мере, Сэм старается, в отличие от некоторых других.

А Сэм дождется, чтобы учитель отвернулся, и показывает нам язык.

Да-да, вы не ослышались. Показывает нам язык. Пускай он учил девчонок ходить, и говорить, и жевать жвачку, как мальчишки, но сам он учился у них еще быстрее. Несколько дней в юбке, и Сэм, по сути, превратился в девчонку. Жесты, непрерывная болтовня, то, как он постоянно задевал друзей плечом, идя с ними по коридору, касался руки, пересказывая какую-нибудь сплетню.

Перед нами начал вырисовываться очень странный и даже немного страшноватый факт, настолько пугающий и неуютный, что мы никогда об этом не говорили, хотя каждый это сознавал. Сэм действительно изменился. Он стал гораздо симпатичнее, легче в общении. Стал больше похож на человека.

Джейк

Все-таки я ему не доверял. Этот тип мог озвереть в любой момент. Может, все и забыли, что случилось в закусочной у Билла Бургера, когда я пошутил насчет его папочки, но я-то не забыл.

И девчонкам общение с ним не шло на пользу. Они теперь стали еще разговорчивее. И все носили идиотские спортивные часы — эта глупая мода дошла даже до шестого класса.

Какие еще нужны доказательства убожества этих девчонок? Спортивные часы! Самый модный аксессуар года! Я вас умоляю!

Зая

Это была роковая минута. Даже сейчас, как вспомню об этом, мурашки по коже бегают.

На большой перемене я мимоходом сказала Сэм, что слушала диск «Дорз». Она засмеялась и спросила, какая у меня любимая песня.

Я сказала:

— «Кругом чужие».

— Серьезно? — не поверила она. — А не «Зажги мой огонь»? Обычно от нее все тащатся.

— А мне нравится «Кругом чужие». Я даже подобрала аккорды. Могу сыграть на гитаре.

Сэм посмотрела на меня, как будто только что услышала самую замечательную новость на свете. И вдруг, к моему полному остолбенению, она начала петь.

Кругом чужие, когда не нужен.
Кругом уроды, когда один...

И вдруг я увидела ее новыми глазами. Я слышала незнакомую, неожиданную Сэм Лопес. У нее

был фантастический голос — высокий, чуточку хрипловатый.

Я попросту не могла удержаться. Музыка поднялась во мне, подхватила и унесла с собой. Независимо от собственной воли я начала подпевать за гитару, перемежая вокальную линию ритмичным стаккато, в припеве переходя в минор:

— «Ты им чужой, ты им чужой, ты им...» — мы взглянули друг на друга, и я сразу попала в гармонию, как будто точно знала, что сейчас нужно, — «чужо-о-о-ой...»

Несколько секунд стояла тишина. Неплохо мы с ней спели... Честно говоря, спели просто здорово.

Сэм тихонько хмыкнула, чуть ли не смущаясь оттого, что у нас так классно получилось. И запела следующий куплет. Я подхватила уже увереннее.

Мы пели и улыбались. С нами творилось настоящее чудо. На нас оглядывались — как-то не принято петь на два голоса посреди школьного двора. Но не успевал человек посмеяться над нами или сказать, чтобы мы заткнулись, как музыка захватывала их не хуже, чем нас.

К тому времени, как мы заново начали первый куплет, вокруг уже собралась небольшая толпа. Когда мы закончили, народ захлопал в ладоши.

— Когда вы успели это отрепетировать? — спросил кто-то.

Я сказала:

— Мы без репетиции...

— Музыкальное чутье, — тряхнула головой Сэм.

Мы попятились друг от друга, как будто каждой была необходима передышка, чтобы осмыслить то, что сейчас произошло.

Весь день я не могла думать ни о чем другом, и музыка все звучала у меня в голове.

Катастрофа

В аэропорту было серенько. На улице шел типичный британский дождик, дохлый и нерешительный. Кругом толпилось слишком много народу. Стоило нам с Оттолин задать кому-нибудь самый простой вопрос, на нас смотрели с таким видом, словно мы выползли откуда-нибудь из помойки.

— Вот что, — сказал я, когда мы стояли в очереди на стоянке такси. — Сейчас берем машину. Находим мальчишку. Хватаем его и рвем когти из этого отстойника назад к цивилизации.

— Мне бы поспать. — Оттолин слегка пошатывалась. Никогда не умела пить. — Катастрофа, отвези меня в гостиницу.

Обычно, услышав такие слова из смачного ротика симпатичной милашки, я долго не раздумываю, но сейчас мне нужно было срочно разобраться с семейными делами.

— Забронируем номер, возьмем машину...

Но Оттолин уже пристроила голову ко мне на плечо и тихонько замурлыкала — знает, что против этого я не могу устоять.

— Киска спа-атеньки хочет...

— Ладно, — огрызнулся я, — отвезу тебя в гостиницу.

— Мурр-мурр, — нежно шевельнулись хорошенькие губки Оттолин, глаза закрылись, она склонила головку в знак благодарности.

Перед нами в очереди стояла целая семейка — мама, папа и парочка уродских ярко-рыжих детишек, все, видать, после отпуска, обгоревшие на солнце до красноты, и все так и пялятся на нас.

— У вас какие-то проблемы? — поинтересовался я, подарив им такой взгляд, который ясно говорит: не лезь, а то получишь. Они покраснели еще гуще и отвернулись, что-то нервно бормоча себе под нос.

Вот ведь британцы поганые. Вести себя не умеют.

Миссис Бертон

В нашей семье никогда не водилось никаких секретов. Все проблемы обсуждались сообща. Но, видит бог, эта история с наследством Сэма, не говоря уже о возможном появлении его подозрительного папочки, поставила нас с Дэвидом в тупик.

Учебный год так хорошо начинался, Сэм моментально освоился в школе, а Мэтью даже завел себе подружку. Мы считали, что было бы неразумно расстраивать мальчиков, рискуя нарушить это хрупкое равновесие. В конце концов мы решили, что на сей раз можно подождать с откровенностями.

Я попросила Дэвида позвонить в полицию — просто предупредить, что в окрестностях может появиться довольно сомнительный американец и что возможно похищение ребенка. Боюсь, они отнеслись к его словам не настолько серьезно, как мы надеялись.

Констебль Чиверс

У меня имеется запись о звонке некоего мистера Бертона, который выразил озабоченность по поводу некоего мистера Лопеса. Я зафиксировал звонок в журнале, а устно ответил, что отдаленная вероятность появления на территории нашего участка джентльмена из Америки, рыщущего по улицам с целью похищения собственного сына, не может считаться одной из приоритетных проблем для полиции, даже если этот господин, как выразился мистер Бертон, «немного жулик».

У меня мелькнула мысль, что я уже слышал недавно фамилию «Бертон». Лишь впоследствии я связал ее с инцидентом в закусочной Билла Бургера.

Мистер Бертон

В подобных ситуациях очень важно не поддаваться панике. Я позвонил в полицию и посоветовал Мэри вернуться к нормальной, обычной жизни.

В связи с этим я решил ничего ей не говорить об одном своем наблюдении. Я заметил, что Сэм как будто выщипывает себе брови.

Он и вообще неуловимо переменился. Разговаривая, иногда касался руки собеседника. И говорил он теперь мягче, без прежнего злого ехидства. В его речи проскальзывали совершенно несвойственные ему обороты, такие, как: «Ой, мамочки!», или «Ни в коем случае!», или даже «Меня это ни капельки не интересует».

По вечерам он уходил к себе в комнату, говоря, что должен сделать запись в дневнике.

Признаюсь, я никак не ожидал от Сэма Лопеса, чтобы он вел дневник.

Марк

Она всего-навсего обычная девчонка. Я повторял это про себя каждый раз, когда видел Сэм Лопес. Обычная девчонка. Возьми себя в руки, Марк Крамер.

Но я ничего не мог с собой поделать. Меня как будто что-то грызло изнутри. Обычно после ланча я удирал из школы, чтобы наскоро покурить где-нибудь в незаметном месте, но теперь жалел тратить на это время. Мне было необходимо видеть Сэм, говорить с нею.

Что вообще происходит? Я мог выбрать любую девчонку из школы «Брэдбери Хилл», а вместо этого мне непременно понадобилось втюриться

в малявку из восьмого класса, которая, похоже, на меня плевать хотела.

Хотя это, пожалуй, слишком сильно сказано. Я заметил: когда я оказываюсь поблизости (а я стараюсь, чтобы это случалось почаще), все ее подружки принимаются хихикать, как дурочки, но, судя по тому, как она на меня посматривает, готов поклясться — Сэм мое внимание не так уж противно.

Но ее никак не удается застать одну.

Прошел уже целый день с тех пор, как я попросил Елену Гриффитс устроить мне встречу с Сэм. Я видел по тому, как Сэм держится, что она об этом знает. Марк Крамер не привык, чтобы его заставляли ждать, тем более какая-то девчонка! Поэтому, когда Сэм и три ее подружки, в том числе Елена, забирали свои куртки в гардеробе после уроков, я будто бы случайно как раз проходил мимо.

— Привет, Сэм, — сказал я небрежно.

Она оглянулась через плечо, стоя возле вешалки, и подарила мне долгий пристальный взгляд, от которого у меня внутри все перевернулось.

— Да-а? — сказала она.

— Тебе, э-э, передали то, о чем я просил?

Сэм уже отвернулась.

— Может быть, — обронила она, а Елена и две другие подружки давай хихикать, подталкивая друг друга локтями.

Я сказал:

— Ну, и как?

— Мы подождем тебя у ворот, Сэм, — сказала Елена и прямо-таки волоком потащила за собой двух других девчонок.

И мы вдруг остались вдвоем.

— Наконец-то одни!

Я одарил ее своей фирменной улыбкой. Никто не может устоять против моей улыбки.

Никто, кроме Сэм Лопес.

Она шагнула ко мне, и на какое-то мгновение мне показалось, что она меня сейчас ударит. Но Сэм только ткнула меня в грудь указательным пальцем.

— Ты давай поосторожней, друг, — сказала она тихо, чуть ли не с угрозой в голосе. — Разбежался!

Отступила назад и уставилась на меня, руки в боки, точно какая-нибудь подружка гангстера из дурацкого старого фильма.

— Отвянь от меня, понял?

Повернулась и пошла себе по коридору. Волосы, стянутые на затылке, раскачиваются из стороны в сторону, как хвост норовистой лошадки.

Черт, я люблю эту девчонку! Чем дальше, тем она лучше и лучше!

Оттолин

Катастрофа Лопес — самый целеустремленный человек из всех, с кем я встречалась в жизни. Если он что-нибудь задумал, ни за что на свете не отсту-

пится. Я однажды сказала — ему бы книжку написать: «Катастрофа Лопес. Руководство: как добиться своего, даже если весь мир утверждает, что это невозможно». Ну, может, название надо немножко доработать, но суть понятна. Была бы очень полезная книжка для укрепления бодрости духа и веры в себя.

Вот он, метод Катастрофы Лопеса:

1. Придумай, что ты хочешь сделать.
2. Дай кому-нибудь в рыло.
3. Заори.
4. Дай еще кому-нибудь в рыло.
5. Сделай то, что задумал.

Так вот, сидим мы в здоровенном уродском отеле рядом с аэропортом. Несколько часов поспали, и теперь у обоих башка трещит и слегка подташнивает — последствия перелета.

Катастрофа отправился к стойке регистрации. Говорит:

— Мне нужно взять напрокат машину.

Регистраторша наподобие Мортиции Аддамс[1], с крашеными черными волосами и брезгливыми интонациями, оторвалась от экрана компьютера и спрашивает:

— Желаете на сегодня, сэр?

Я смотрю — Катастрофа уже закипает. Нельзя с ним так разговаривать!

---

[1] Персонаж известных комиксов и фильмов «Семейка Аддамс».

— Нет, я хочу еще недельку посидеть в вашем паршивом отеле! Конечно, на сегодня!

— Да, сэр.

Улыбнулась, чуть подвинула к нему телефонный аппарат:

— Обратитесь в службу проката автомобилей, они будут рады вам помочь.

Катастрофа покосился в мою сторону: дескать, они тут всегда, что ли, так себя ведут, как будто кочергу проглотили? Потом все-таки снял трубку и рявкнул:

— Автопрокат!

Проговорил минут пять по телефону, растолковал им все подробности. Выяснил, сколько будет стоить машина, годится ли она для семейных поездок, есть ли в ней кондиционер и так далее. В конце концов согласился на «Ниссан», потому что одно время водил «Ниссан» в Штатах. Спросил, когда доставят. Они отвечают — в течение часа. Он немножко поскандалил. Они ему, видимо, сказали, мол, чем раньше он закончит разговор, тем скорее получит машину. Он бросил трубку, буркнул:

— Ну и страна!

Пихнул телефон к Мортиции. А она ему:

— Благодарю вас, сэр.

Через час мы с Катастрофой вышли на крыльцо, и тут подкатывает такая крохотулечка — можно сказать, блоха на колесах. Из нее вылезает парень в облегающем блестящем костюме.

— Прошу вас, мистер Лопес.

Катастрофа смотрит на машину, и до него медленно-медленно начинает доходить.

— Что за шутки? — спрашивает он.

— Ваш «Ниссан-Микро», сэр, — говорит парниша.

— Я заказывал «Ниссан»! А у вас не «Ниссан»! Это игрушка какая-то!

Он обошел вокруг машины, не переставая ругаться на чем свет стоит. Водитель молчит, смущается.

Тут я решила вмешаться. Сейчас все равно ничего не докажешь. В конце концов, нам же не через целый континент ехать, правда? Говорю:

— А по-моему, выглядит уютно. Мне нравится.

— Никто не увидит Катастрофу Лопеса в этой жестянке!

Катастрофа встал столбом около машины. Вижу, он уже сдается.

— Тебя же здесь никто не знает. Зато не будешь выделяться. Тебя будут принимать за англичанина.

— А чего в этом хорошего? — проворчал Катастрофа.

Потом вроде как решил покориться доводам разума, обошел вокруг машины, забрался внутрь. Сидит, глазами хлопает:

— А где руль, чтоб его?

— С другой стороны, наверное.

Вылез, опять обошел вокруг, заполз на водительское место — едва протиснулся, словно в лисью нору. Мрачно глядя прямо перед собой, высунул руку в окошко:

— Давай ключи.

Парень дал ему ключи.

Катастрофа включил зажигание, завел мотор. Швейцар пока что загружал наши вещи в багажник.

— Кто-нибудь мне еще за это заплатит! — прорычал Катастрофа, когда захлопнулась задняя дверца.

Швейцар сунулся было к окошку за чаевыми, но Катастрофа рванул рычаг скоростей, и наша игрушечка разом взяла с места, подпрыгивая, точно горошина.

Ну, теперь вы меня понимаете? Вот он, метод Катастрофы Лопеса в действии. Он всегда умеет добиться своего.

11

Чарли

Честно говоря, ссора назревала уже давно. Как правило, Эл и Зая — лучшие подруги, но это только потому, что я служу буфером. Время от времени между ними разверзается пропасть. Впрочем, проходит день-другой, и все мы начинаем понимать, что хотя разногласия придают жизни остроту, но в маленькой компании из трех подруг такие штучки могут создать большие проблемы.

Зая у нас тихонькая, умненькая, серьезная и молчунья.

Елена — шумная, экспансивная. Что касается учебы — она как раз из тех, кто на вопрос: «Назовите столицу Соединенных Штатов» — отвечает: «Голливуд».

В начальной школе мы только смеялись над тем, какие они разные. А теперь нам становится все труднее этого не замечать. Не хватало только крошечной искорки, чтобы случился большой взрыв.

Этой крошечной искоркой стала Сэм Лопес.

Елена вообразила, будто Сэм — ее собственность. Эл постоянно носится с каким-нибудь ув-

лечением: то роликовые коньки, то фотография, то собирание автографов, то баскетбол. Обычно очередное увлечение горит и пылает около месяца, а потом тихо угасает, уступая место следующему.

Эл уделяла Сэм особое внимание с тех самых пор, как пригласила ее после школы к себе и подарила лифчик с накладками. Что-то она нашла в этой американке — может быть, беззащитность, прячущуюся за показной самоуверенностью. Вроде бы все это должно было разлететься в пух и прах, когда обаятельный, но бестактный Марк Крамер попросил ее устроить ему свидание с Сэм. Но, как ни странно, Эл после того только крепче привязалась к Сэм. Влюбленность в Марка как будто еще прочнее их объединила. Сэм стала главным увлечением Елены на текущий месяц.

К несчастью, в этот самый день случилось еще кое-что. Сэм и Зая вдруг обнаружили у себя музыкальное родство душ. Поначалу было забавно наблюдать, как они носятся по школе, распевая, точно жаворонки, или треплются про музыку и про какие-то никому не известные рок-группы, но постепенно, если уж говорить правду, это начало раздражать. Можно подумать, для наших поющих сестричек все остальное население школы «Брэдбери Хилл» перестало существовать.

Елена восприняла это очень, очень тяжело. Я заметила, как она следила за ними целый день, сощурив глаза, что не предвещало ничего хороше-

го. Мы собирались вечером пойти к Зае, но Елена отменила встречу. Сказала, что у нее разболелась голова («А все это пение — как молотком по голове», — так она выразилась).

На следующее утро она была значительно бодрее и готова к бою. На перемене Зая и Сэм снова принялись за свои вокализы. Елена радостно поинтересовалась, можно ли ей тоже поучаствовать. Тут-то все и началось.

Елена

Ну ладно, пусть у меня не самый замечательный голос на свете. Это же не причина покатываться со смеху, как будто они в жизни не слышали такой забавной шутки (между прочим, ничего смешного!).

Сэм я не виню. Она у нас новенькая, ей просто никто не объяснил, что Зая Хан, хоть и кажется такой открытой и бесхитростной, на самом деле коварная, двуличная, подлая, нахальная, заносчивая, самодовольная и вообще совершенно невыносимая вреднюга и эгоистка.

Пришлось мне взять это на себя. Не сходя с места, прямо на школьном дворе. Я сказала Зае, что она мне никогда особенно не нравилась и что мне ее очень жаль, со всеми ее замечательными родственниками и отличными отметками. Я считаю, что она отвратительно играет на гитаре, а голос у нее — как у сиамской кошки, которой дверью прищемили хвост. И это еще была только разминка!

Пожалуй, я чуточку переборщила. У Заи глаза наполнились слезами, и она убежала в класс. Чарли помчалась за ней, а Сэм озадаченно уставилась на меня.

Я равнодушно пожала плечами. Типа: а что я такого сказала?!

Джейк

Результат. На школьном дворе завязалась большая свара. Мы с Мэттом и Тайроном стали выяснять, в чем дело. Вы не поверите — оказывается, Елена сцепилась с Заей из-за Сэма!

Когда Зая убежала плакать, я поймал взгляд Сэма и заговорщически ему подмигнул: мол, давай-давай, продолжай в том же духе!

И тут случилось самое удивительное. Он вообще не обратил на меня внимания. У него был такой странный вид — прямо-таки встревоженный, как будто он и сам готов пустить слезу. Вдруг он поворачивается и несется вслед за Чарли в направлении классной комнаты. Тоже мне, бригада «Скорой помощи»!

Зая

Я вошла в класс, закрыла за собой дверь и рухнула за ближайшую парту. Мне хотелось умереть. Я думала, мы с Еленой подруги! А оказывается, вот что

она обо мне думала все эти годы. Выходит, между нами было одно сплошное вранье.

Я услышала, как за спиной открылась дверь. Я выпрямилась, схватила с парты какой-то учебник и притворилась, будто занимаюсь.

— Ты как, нормально?

Это была Сэм.

— Я...

Я хотела ей сказать, что у меня все хорошо, но вместо слов у меня вдруг вырвался судорожный всхлип. Я никак не могла с собой справиться. Не могла ничего сказать.

— Спокойно. — Сэм села рядом со мной, взяла меня за руку. — Спокойно.

Она говорила тихим, ровным голосом.

— Я тебе не рассказывала про моего знакомого мальчишку? Он одно время учился со мной в школе. Нормальный такой парень, смешной, веселый, мы вроде как дружили. Но у него был один пунктик. Время от времени — ну, примерно раз в две-три недели — он вдруг как скажет какую-нибудь гадость, так что обязательно начинается драка. И вот ведь что интересно. Он был такой мелкий, а задирал всегда тех, кто здоровее его, и в итоге каждый раз его же и размазывали по стенке.

— Зачем он это делал?

— Ну, вроде как, если все идет слишком хорошо, ему обязательно нужно было подпортить. Он нарочно отталкивал от себя людей.

Я пожала плечами. Не понимаю, какая связь между этой историей и Еленой, которая оказа-

лась самой гадкой, самой лживой лицемеркой на свете.

— Ну, вот... — Сэм наклонилась вперед, нахмурилась, как будто ей было больно от собственного рассказа. — В конце концов мне захотелось понять, почему этот парень так себя ведет. Стала расспрашивать всех знакомых, и оказалось, что его друзья тут были вообще ни при чем.

Она запнулась.

— А что было при чем?

— Его папа. Папа у моего друга был, как бы сказать, неуправляемый тип, постоянно у него случались неприятности с полицией. Он был из тех людей, которые... идут по жизни напролом, не задумываясь об окружающих. Говорили, что он плохой отец, но, с точки зрения моего друга, это был его папка. Просто он такой, и все тут.

— Все равно не понимаю, зачем он лез в драки.

— Однажды, когда моему другу было пять лет, его отец сотворил что-то настолько ненормальное, что мама вышибла его из трейлера, в котором они жили. Сказала, он недостоин жить в семье и она не желает его больше видеть.

— Ой-ой!

— И знаешь что? Она действительно никогда больше с ним не встречалась, и мой друг тоже.

Я сказала:

— Как грустно...

— Понимаешь теперь, почему этот парень постоянно ввязывался в неприятности? Все очень просто — ему было плохо и больно, и он все время

думал: почему отец с ними больше не живет, и может, это он виноват, что их семья распалась. Он и сам толком не понимал, зачем нарывается на колотушки, зачем обижает всех вокруг. Боль от побоев — настоящая, реальная боль — каким-то образом хоть ненадолго заглушала другую, ту, что разъедала его изнутри.

Я заметила в глазах Сэм очень странное, отрешенное выражение — никогда раньше такого не видела.

— Наверное, ты очень хорошо его знала. Это был твой мальчик, да?

Сэм засмеялась и разом стряхнула с себя мрачное настроение.

— Да нет, — ответила она. — Ну вот, я и говорю. По-моему, у Елены какие-то свои проблемы — может быть, не в семье, а в себе самой. Она тебе завидует... Тому, что тебя любят в классе, что у тебя много друзей... Может быть, даже завидует тому, что у нас с тобой... музыка и так далее. Вот ей и захотелось тебя укусить побольнее. — Сэм положила мне руки на плечи, заглянула в глаза. — Запомни: никогда не нужно оглядываться на других, надо самой прокладывать себе дорогу в жизни.

Я улыбнулась. Почему-то сердце у меня колотилось очень быстро, во рту пересохло. Я сказала:

— Может, ты и права. Бедняжка Эл.

— Правильно, так держать, красотка, — сказала Сэм. — Прокладывай себе дорогу!

Только уже гораздо позже, вернувшись домой после школы, я задумалась над тем, какое странное слово употребила Сэм. Красотка? Красотка?!

Мэтью

В тот день у Сэма было какое-то непонятное настроение. Встретив нас у школьных ворот, он с ходу заявил:

— Парни, завалимся к Биллу Бургеру. У меня эмоции бурлят. Надо размяться!

— Ну и шуточки! — засмеялся Джейк. — Мало нам одного предупреждения от полиции? Да Билл нас на порог не пустит!

— Даже если милая примерная девочка очень-очень вежливо его попросит?

— Ты что, хочешь туда пойти прямо так? — изумился я. — Э-э... в форме?

— Мы же не можем рисковать — вдруг нарвемся на знакомых, — возразил Сэм. — Ну, кто со мной?

Знаете, я должен кое в чем признаться. Мне немного не хватало прежнего отчаянного Сэма. Я скучал по его безумным выходкам. Может, если мы сейчас устроим какую-нибудь чертовщину, это напомнит ему, как здорово быть парнем, пусть даже в данную минуту он одет как девчонка.

Джейк сразу согласился участвовать, а вот Тайрон почему-то замялся. Обычно он из нас троих самый веселый, а тут киснет целый день непо-

нятно с чего. Но Тайрон никогда не умел хранить тайны. Оказывается, у него дома проблемы, и все из-за того, что у меня появилась такая замечательная подружка.

По дороге к закусочной я ввел Сэма в курс дела, но он был не особенно расположен нам сочувствовать — не то что Зае Хан.

— Ух ты, теперь Тай должен раздобыть себе подружку! — обрадовался он. — Ну и штучка эта Симона, просто нарушительница спокойствия!

Тайрон улыбнулся и бодрым шагом двинулся в сторону Хай-стрит. Он вообще не умеет подолгу грустить.

Катастрофа

Мы сняли номер в захудалой гостинице в западной части города и приступили к поискам. Они не заняли много времени.

Тайрон

Странный это был вечер, и настроение у нас было необычное. Что ни говори, нам удалось дурачить окружающих четыре дня подряд. Можно представить, как все удивятся, когда Сэм наконец откроет, что он парень!

А кстати, как это произойдет? Вот Сэм является в школу без хорошенькой юбочки с жакетиком,

без ленточки в волосах, без лифчика с накладками... и что дальше? Пожалуй, тут не обойдешься простым: «Ага, попались!» До нас только сейчас начало доходить: взлететь-то мы взлетели со своей гениальной идеей, но нужно еще по возможности и приземлиться без потерь.

Мэтью

Сэм вошел в закусочную Билла Бургера с таким видом, как будто каждый день здесь бывал, пинком распахнул дверь, плюхнулся за столик, осмотрелся, перебирая связанные в пучок волосы — появилась у него в последнее время такая манера.

Мы шли за ним значительно менее уверенно, нервно оглядываясь и вжав голову в плечи.

Билл готовил гамбургеры, а его дочка — ей восемнадцать, и она почти такая же мощная, как ее папуля, — подошла взять у нас заказ. Не прошло и пяти минут, как он нас заметил.

Билл подошел к нашему столику, на ходу вытирая руки посудным полотенцем. Завидев его, Сэм шепнул:

— Тихо, ребята, я все беру на себя.

— Кажется, я вас уже предупреждал, — произнес Билл Бургер. — Для вас в мою закусочную вход закрыт.

— Прошу прощения, сэр, — тоненько пискнул Сэм.

— Да?

— Я знаю, что мальчики однажды здесь набезобразничали, но они не виноваты, сэр. — Сэм сдвинул брови, как будто воспоминания причиняли ему боль. — Во всем виноват мой брат — тот мальчик, который был с ними.

— Нечего мне тут сказки рассказывать, — сказал Билл. — Давайте-ка все живенько за дверь.

— Он сейчас вернулся в Америку, — быстро проговорил Сэм. — Его поместили в приют. Сказали, что у него... — Сэм трагически шмыгнул носом, — нарушения психики...

Билл Бургер скрестил руки на груди:

— Да ну?

— С тех пор, как мама попала в аварию и погибла... — голос Сэма дрогнул, — Саймон стал неуправляемым. Мы с ним приехали в Лондон погостить к родственникам, но все время, днем и ночью, думали только об одном... о маме.

— Авария, мама погибла. — Билл покачал головой. — Вы, ребята, что угодно готовы наболтать.

И вдруг, к нашему полному изумлению, к нашему ужасу, глаза Сэма наполнились слезами. Он слепо уставился в пространство, как будто вместо нас с Джейком действительно видел ту самую аварию, в которой погибла его мама. Потом закрыл глаза, даже не пытаясь заслонить лицо. Он не всхлипывал, вообще не было никаких звуков, только слезы текли по щекам и капали на пластмассовый столик, — у людей просто не бывает столько слез.

Человек, сидевший с двумя маленькими дочками за соседним столиком, озабоченно оглянулся на нас.

Билл Бургер посмотрел на меня, тихо спросил:

— Правда, что ли?

Я кивнул.

Билл покачал головой, как будто матери у детей погибают специально ему назло, и вернулся за прилавок.

Сэм сидел, не шевелясь, глаза по-прежнему закрыты, слезы так и текут. Тайрон положил руку ему на плечо. Сэм глубоко вздохнул, утер глаза и нос рукавом. Шепнул:

— Кажись, не прогонят?

Конечно, нас не прогнали, но, если честно, было не очень-то весело. Дочка Билла принесла нам гамбургеров с картошкой фри, но разговор сам собой завял. Я заметил, что Сэм почти ничего не ел, а обычно лопает все подряд.

Мы приготовились расплатиться, но Билл Бургер подошел к нам и тихо сказал, чтобы другие посетители его не услышали:

— Денег не надо. Я угощаю. В виде исключения.

Мы сказали спасибо, начали вставать из-за стола. Билл все еще топтался рядом.

— Э-э, мисс, — обратился он к Сэму. — Я вам искренне сочувствую, насчет вашей матушки и все такое.

Сэм кивнул, плечом толкнул дверь и вышел на улицу.

Билл Бургер

Я себя ни в чем не виню. Когда мальчишки являются в мое заведение и начинают вести себя, как последние йеху[1], должен же я призвать их к порядку. Откуда мне было знать, что патлатый американка, который затеял драку (кажется, еще и недели не прошло), переживает из-за смерти матери.

Но я рад, что его сестричка все объяснила. Славная была малышка, и ее рассказ расстроил меня на целый день.

Я, как-никак, и сам отец, понимаю такие вещи.

Тайрон

Мы вышли из закусочной на оживленную улицу. Светило солнце, и, может быть, в последний раз до начала осенних холодов у поворота в переулок был припаркован фургончик с мороженым.

Мэтт предложил, раз уж мы сегодня сэкономили деньги на гамбургерах, побаловать себя мороженым. Мы встали в очередь, все еще слегка придавленные тем, что произошло у Билла Бургера.

Сэм стоял позади всех. В ту минуту, когда Джейк принимал из рук продавца свой вафельный рожок, Сэм вдруг тихо, с ужасом произнес одно-единственное слово:

---

[1] Злобные примитивные обезьяноподобные существа из книги Джонатана Свифта «Приключения Гулливера».

— Нет...

Мы с Мэттом посмотрели на него. Он глядел на другую сторону улицы, где у обочины приткнулся крохотный ярко-синий автомобильчик. Возле автомобильчика, облокотившись на его крышу, стояла блондинка, похожая на киноактрису, в таких тесных джинсиках, что казалось, будто они нарисованы на теле.

Рядом с ней на тротуаре лысый коротышка в дорогом, но безвкусном черном костюме и в темных очках о чем-то разговаривал с несколькими прохожими. Судя по тому, как они оглядывались и указывали в дальний конец улицы, можно было догадаться, что коротышка расспрашивал о дороге.

— Не может быть.

Сэм побелел, как смерть. Потом двинулся к этой парочке.

— Сэм, — позвал я, но он не остановился.

Я пошел за ним.

Пройдя метров двадцать, мы пересекли улицу. Сэм быстрым шагом направился к синему автомобильчику.

Поравнявшись с ним, Сэм замедлил шаги, исподтишка приглядываясь к незнакомцу. Меня заинтересовало не столько лицо этого человека, сколько его голос — очень громкий, с американским акцентом.

Миновав их, Сэм притворился, будто рассматривает витрину магазина бытовой электроники.

Глаза у его отражения были огромные и очень темные, лицо абсолютно без всякого выражения.

Я спросил:

— Ты знаешь этого типа?

Он медленно кивнул:

— Это мой папа.

12

Оттолин

У англичан такая манера — говорить «да», когда имеют в виду «нет». В Штатах, если спросишь дорогу, а человек этого места не знает, он просто покачает головой и пойдет дальше.

А здешние обязательно остановятся и начинают мямлить. «Сомертон-гарденз. Погодите, где же это?» Пять минут пройдет, пока они признаются, что понятия не имеют, как туда добраться.

Я-то сразу это просекла, но Катастрофа человек старомодный, привык верить людям. Поэтому ушло не меньше четверти часа, пока мы разобрались, куда ехать, и все это время на нас таращились, как на невесть какое чудо природы.

— Ну и страна! — Катастрофа втиснулся в «Ниссан».

Его лучшая красная рубашка промокла насквозь. Он с хрустом надавил педаль газа, и мы поехали.

Мэтью

Когда ребята еще только переходили через улицу, возвращаясь к нам, я сразу понял по лицу Тайрона: случилось что-то плохое. Он шел совсем рядом с Сэмом, держась чуточку позади, как будто опасался, что мой двоюродный братец может в любую минуту броситься под машину.

Потом я посмотрел на Сэма. Он и всегда-то бледный, а сейчас был белый как простыня. Лицо пустое, равнодушное — это сразу мне напомнило тот день (кажется, сто лет назад), когда мама привела его к нам в дом.

Вот они подошли вплотную.

Джейк спросил:

— Что случилось?

Тайрон предостерегающе глянул на него:

— Сэму показалось, что он видел своего папу.

— Мне не показалось, — жестко сказал Сэм. — Я точно знаю.

— Здесь? — не поверил я. — В Лондоне?

— Это был тот тип в синей машине, — сказал Тайрон.

— Это твой отец? — Чувствовалось, что Джейку трудно совместить фигуру низенького лысого толстячка, обряженного, точно персонаж старого гангстерского фильма, с образом крутого героя, который нарисовал нам Сэм. — Я его... представлял совсем другим.

— Да ну? — глухо отозвался Сэм. — А по-моему,

он все тот же прежний Катастрофа Лопес, разве что подцепил где-то новую подружку.

— А зачем он приехал в Лондон? — спросил Джейк.

Сэм посмотрел в ту сторону, куда уехал синий автомобильчик:

— Во всяком случае, не для того, чтобы осматривать достопримечательности.

На Хай-стрит мы распрощались с Джейком и Тайроном, а сами пошли дальше, к парку.

— А ты говорил, что отец у тебя в тюрьме, — сказал я, нарушив молчание. — Это была правда?

Сэм кивнул:

— Конечно, правда.

— Ты так о нем рассказывал, как будто... гордишься им, — сказал я осторожно.

Сэм вроде как задумался.

— Наверное, так бывает, что гордишься кем-нибудь и в то же время не очень-то хочешь его видеть.

— У тебя так?

Сэм дернулся, на мгновение сморщился, как будто от боли. Мне даже показалось, что он готов рассказать мне, что его мучает. Но он только усмехнулся:

— Все это довольно сложно.

Мы пошли дальше. Я сказал:

— Наверное, надо рассказать маме с папой.

Сэм посмотрел на меня через плечо и вдруг одарил своей специфической улыбкой:

— Вот сам и рассказывай, братишка.

Мистер Бертон

Когда мальчики вернулись домой, я сидел за письменным столом в гостиной, занимался бумажной работой, которую давно откладывал. Было слышно, как они о чем-то шепчутся в холле, потом один из них поднялся наверх.

Через минуту Мэтью отворил дверь. По его лицу я сразу понял: что-то случилось; скорее всего, что-то плохое.

Он сказал:

— Сэм сейчас встретил своего отца.

— А... — Я отчеркнул на полях гранок место, где остановился, и отодвинул бумаги в сторону. — Значит, мистер Лопес в Лондоне.

— Ты вроде не удивился.

— Присядь, Мэтью, — сказал я ему. — Пожалуй, пора тебя познакомить с последними новостями.

И тут все вышло наружу: звонок Дурковица, история с наследством Сэма, очевидная вероятность того, что его уголовный папочка заинтересуется сложившейся ситуацией. Когда я закончил, Мэтью покачал головой:

— А считается, что у нас в семье не принято заводить секреты друг от друга.

— При обычных обстоятельствах мы бы сразу все рассказали вам обоим, но... — Я замялся, тщательно подбирая слова. — Мы с мамой решили сначала подождать, пока Сэм как следует освоит-

ся в новой школе. Не хотели волновать его раньше времени.

— Так ты думаешь, Лопес явился сюда ради денег?

— Судя по тому, что Гейл рассказывала нашей маме, он никогда не страдал избытком отцовских чувств.

— Сэм страшно разволновался, когда его увидел. Даже странно — он постоянно рассказывает про своего отца, но, похоже, ему не очень-то улыбается возвращаться с ним в Штаты.

— И это, конечно, большая проблема, — ответил я. — Вряд ли суд позволит нам удерживать сына, не давая ему воссоединиться с родным отцом.

Мэтью сказал:

— Сэм пока еще не готов принять решение. Нужно на время его спрятать.

— Послушай меня, Мэтью. — Я ободряюще улыбнулся. — Суть в том, что это — проблема взрослых людей, и мы постараемся разрешить ее наилучшим образом для всех, кого она затрагивает. Положись на нас и...

— Нет, — перебил Мэтью с неожиданной твердостью. — Это не проблема взрослых людей. Это проблема Сэма. Я с ним поговорю.

Я хотел предложить дождаться Мэри и устроить семейный совет, но не успел я вымолвить и слова, как Мэтью уже исчез.

Мэтью

Сэм сидел на кровати, очень бледный, и смотрел в пространство.

Я сел рядом с ним и сказал как мог спокойнее и будничнее:

— Оказывается, тут кое-что происходило, а мы и не знали.

— Да? — отозвался Сэм скучным голосом, как будто издалека.

Я рассказал ему про деньги, про то, что он богат и еще будет богатеть, потому что записи группы под названием «666» по-прежнему пользуются успехом у публики. Можно было ожидать, что он обрадуется, — Сэм всегда необычайно нежно относился к долларам, — но он только вздохнул, как будто все это больше не имело никакого значения.

— Выходит, мама была не такая уж тупая, — тихо сказал он.

Мы приближались к самому трудному моменту разговора, но Сэм заговорил об этом раньше меня:

— Папка знает, да?

Я кивнул.

— Потому и прискакал в Лондон. Не для того, чтобы повидаться со мной. Просто чтобы погреть руки.

— Может быть, — сказал я. — А может, и нет.

— Никакое не «может быть». Знаю я этого типа.

Я взглянул на Сэма. В такие минуты в нем проглядывала какая-то беспомощность. Хвастовство и нахальство слетали с него напрочь, и оставался серьезный бледный ребенок, потерянный и одинокий.

— Он правда был таким плохим отцом? — спросил я.

К моему удивлению, Сэм покачал головой.

— Не таким уж плохим. Конечно, они с мамой вечно ссорились, он встречался с другими женщинами и постоянно был не в ладах с полицией, но было и хорошее.

— Например?

— Когда я немножко подрос, он стал чаще уделять мне время. Брал меня к своим приятелям. Он... — на лице Сэма появилась странная улыбка, — позволял мне помогать ему в работе, скажем так.

Я ждал, чувствуя, что за этим должно последовать продолжение.

— От мальчишки тоже может быть польза, — пробормотал Сэм. — Например, если получаешь деньги по чеку, а чек не совсем в порядке, и тут четырехлетний карапуз начинает безобразничать, кассир может отсчитать денежки не глядя, лишь бы вы поскорее выметались. Или если нужно пройти в учреждение мимо охраны, очень удобно, если за твою руку цепляется малыш и хнычет, что ему нужно в уборную. Или если посреди улицы плачет мелкий пацан, как будто он заблудился и страшно испугался, это может на несколько минут отвлечь копов. И так далее в том же духе.

Я постарался скрыть свое потрясение.

— Он брал тебя с собой на дело?

— Он приобщил меня к семейному бизнесу несколько раньше, чем это принято. Все было нормально, а потом... — Сэм опустил глаза и сделал резкое движение большим пальцем, как будто подбрасывая невидимую монетку, — мы вроде как налетели на стену.

— На стену?

Сэм повернулся и посмотрел мне в глаза.

— Если он увезет меня обратно, я с ним не останусь. Буду ездить автостопом. Найду ребят из моей прежней банды.

— Ты удерешь?

— Сэм Лопес не удирает. Он... меняет дислокацию.

Я подумал с минуту.

— Значит, тебе пока не хочется, чтобы твой папа тебя нашел.

— Типа того.

Я рассказал ему свою идею. Я еще не успел договорить, а он уже хохотал во все горло.

Мистер Бертон

Мэри вернулась с работы, и мы на кухне обсуждали последние события, когда к нам явился Мэтью.

Он сообщил, что они обо всем поговорили с Сэмом, что он рассказал Сэму про наследство,

оставшееся от Гейл, и они придумали возможное решение проблемы.

— Все это может вас немного удивить, — сказал он. — Пожалуйста, постарайтесь смотреть на вещи объективно.

Честно говоря, мы уже были удивлены свыше всякой меры. Перед нами был совсем не тот Мэтью, которого мы знали. История с Сэмом изменила его. Мы привыкли к своему славному, смешному, неуклюжему малышу. И вдруг он берется принимать решения не только за двоюродного брата, но и за нас, своих родителей.

Я попытался как можно деликатней объяснить, что хоть мы и благодарны ему за помощь, но мы уже решили, что прятать Сэма нереально. Взвесив все обстоятельства, мы считаем, что лучше всего будет обратиться за помощью в полицию.

— Дело-то серьезное, — сказал я. — Судя по рассказам, этот мистер Лопес — довольно неприглядная личность.

Тут позади меня отворилась дверь. Мэри, сидевшая напротив, подняла глаза.

И вскрикнула.

Миссис Бертон

Между прочим, я с одиннадцати лет не позволяла себе издавать непроизвольные звуки.

Но когда я увидела ее... его... в дверях кухни,

я испытала настоящее потрясение. Я попросту испугалась.

Это была девочка.

И в то же время не девочка. Это был Сэм, я совершенно точно его узнала. Но он держался так просто и естественно, что у меня захватило дух. Можно подумать, что это и был настоящий Сэм, а не подделка под девочку.

— Привет, народ, — сказал он негромко.

— Чтоб меня черти взяли! — воскликнул Дэвид.

Сэм важно прошелся от двери до стены, повернул назад и уселся на стуле со словами:

— Вот вам новый я. Прошу любить и жаловать.

— Откуда у тебя эта одежда? — спросил Дэвид.

— Это Джейковой сестры, — сказал Мэтью. — Мы одолжили на время.

— Ну что ж... — Дэвид попытался улыбнуться, но сумел только судорожно скривиться. — Похоже, тебе в ней комфортно.

— Это потому, что я ее ношу уже целую неделю, — сказал Сэм.

— Что? — Тут уж нас обоих проняло, и Дэвида, и меня.

Мэтью улыбнулся:

— Мы придумали такую шутку. Хотели разыграть девчонок из нашего класса.

— В жизни не слышала такой возмутительной шуточки! — сказала я. — И как, получилось?

— А вы как думаете? — Сэм широко раскрыл глаза и улыбнулся пугающе девичьей улыбкой.

— Теперь я понимаю, зачем ты выщипывал брови, — сказал Дэвид. — Видимо, ты и был Симоной, подружкой Мэтью.

— Только не думайте, пожалуйста, что мне это очень нравилось.

Тут я пригляделась к нему повнимательнее и внезапно заметила еще одну деталь.

— Сэм, это что у тебя, грудь?

Катастрофа

Мы проездили до глубокой ночи, пока отыскали дом номер 23 по Сомертон-гарденз — золотой горшок на том конце радуги. В доме горел свет, за окнами мелькали люди — обычная семья, не подозревающая о том, что к их тихой заводи приближается парочка акул.

— Так и чую денежки, — сказал я.

— Мурр, — отозвалась Оттолин.

В тот вечер она была весела, как котенок.

Мэтью

Удивительное дело! Моих родителей не очень-то вдохновила идея, чтобы Сэм оставался девочкой двадцать четыре часа в сутки до тех пор, пока его папаша не махнет на все рукой и не уберется к себе в Штаты. Мама с папой выдвигали одно возражение за другим — с практической, с юридической

точки зрения, мол, так делать очень-очень нехорошо, но чем больше мы об этом говорили, тем яснее становилась вся ситуация. Конечно, наш план сложный и рискованный, слишком многое поставлено на карту. Но если каждый из нас как следует сыграет свою роль, все может получиться. Стоит ли все дело таких усилий, будет зависеть от одного человека.

В тот вечер после ужина мы долго сидели в гостиной, и паузы в разговоре становились все длиннее.

— Может быть, лучше поступить честно и обратиться прямо в суд? — сказал папа.

— Объяснить, что Сэму хорошо здесь, с нами, — подхватила мама. — А мистер Лопес пусть навещает его, мы будем только рады.

Но Сэм покачал головой и тихо сказал:

— Ребята, вы просто не поняли. Катастрофа ничего не делает честно и прямо. С судом он сталкивается только в тех случаях, когда сам сидит на скамье подсудимых. Он все равно исхитрится и заберет меня к себе.

— А как ты к этому отнесешься? — спросила мама.

Сэм уставился на нее каменным взглядом:

— Более существенно, как вы к этому отнесетесь, миссис Бертон?

Мама посмотрела ему прямо в глаза, потом улыбнулась:

— Мне будет очень грустно, Сэм Лопес.

— И мне тоже, — сказал папа.

Все трое посмотрели на меня. Я пожал плечами.

— Ну, если по правде, без тебя будет как-то скучно. Ты уже вроде как свой.

Сэм быстро-быстро замигал, словно в глаз ему попала пылинка, потом принялся внимательно рассматривать пол.

— Наверное... — Он нахмурился. — Наверное, и у меня то же самое.

Мама потянулась обнять его за плечи, но Сэм шарахнулся, выставил вперед руки, изображая жуткий страх:

— Полегче! Тише едешь — дальше будешь.

Наступила пауза. Каждый потихоньку приходил в себя после бурной сцены общего братания.

В конце концов папа сказал:

— Давайте продумаем наш следующий шаг. Завтра пятница. Пойдешь в школу, как... — он улыбнулся, — как обычно. За выходные нужно будет принять решение.

Сэм пожал плечами и встал.

— Идет. Только Катастрофа сразу сюда примчится, как только разведает, где вы живете.

Мама спросила:

— Почему его прозвали Катастрофой?

Сэм ответил:

— Сами увидите.

13

Елена

Как все Весы, я остро чувствую настроение окружающих, поэтому, когда Сэм появилась в школе на следующий день совершенно измученная и изможденная, я сразу поняла — у нее что-то случилось.

Настало время доказать, что я ей настоящая подруга. Пусть она распевает песенки с моей бывшей подругой Заей Хан, но, когда доходит до реальной жизни, для Сэм не может быть другой такой надежной напарницы, как старушка Эл.

Мне удалось перехватить ее после первого урока.

Я ей:

— У тебя все в порядке, Сэммо?

Она:

— Конечно. А что?

— Я только хотела тебе сказать, что я здесь, рядом. Если тебе захочется что-то обсудить, я готова тебя выслушать. Для этого и существуют друзья.

Она говорит:

— Спасибо. Я просто немножко кисну. Маленько не в себе, понимаешь?

Мне сразу все стало ясно. Интуиция, как всегда, меня не подвела.

— Я думаю, твоя проблема обозначается двумя буковками.

И я прошептала эти буквы ей на ухо.

— Что?! — сказала Сэм.

Я сказала:

— Не волнуйся. Я положу тебе кое-что в шкафчик, на всякий случай. Лучше запастись заранее.

— Но... что это такое — Пэ Эс? — спросила Сэм.

— Разве ты не знаешь? — засмеялась я. — Предменструальный синдром. Вот увидишь, перед критическими днями всегда становишься нервной и раздражительной. Этого не нужно стесняться, у многих девчонок так бывает.

— Да-а? — отозвалась Сэм. — Ну, тогда понятно.

Я рассмеялась:

— Обещаю, я никому не скажу!

Чарли

У Сэм началось. Елена первой об этом прознала. Она рассказала по секрету Кейт и Донне. Скоро все девчонки из восьмого класса обсуждали между собой волнующую сплетню: у Сэм началось.

Когда на уроке английского Стив задал ей вопрос, а она продолжала рассеянно смотреть в про-

странство, как будто не слышала, девочки начали многозначительно переглядываться.

За ланчем Сэм почти ничего не ела. Елена одними губами прошептала мне:

— Живот сводит.

Короче, это была главная новость дня.

Марк

Скрутило меня со страшной силой. Это было как зараза какая-то, как болезнь, захватившая тело и душу. На уроках я не мог сосредоточиться — ну, это-то как раз не новость, но мальчишки из нашей компании начали дразниться. Когда я проходил мимо, они подталкивали друг друга и строили дебильные рожи. Я начал помаленьку выходить из себя. На карту была поставлена моя репутация.

А эта американская красотка держалась все так же неприступно.

Подхожу я к ней в пятницу, говорю:

— Привет, Сэм, — и врубаю на полную мощность знаменитую крамеровскую улыбку.

А она посмотрела на меня так это задумчиво, точно в полусне.

— Ты уже решила?

— Что решила? — переспрашивает она.

— Насчет пойти куда-нибудь.

— Куда-нибудь пойти? Чувак, ты о чем?

— В клуб? Или, может, на рок-концерт? Говорят, ты музыку любишь. Найдем, где выступает какая-нибудь девчачья группа.

Сэм покачала своей прелестной головкой, как будто ее сейчас занимали куда более важные дела, чем свидание с Марком Крамером.

— Марк, она не в настроении, — сказала одна из ее подружек, Чарли Джонсон.

— Если хочешь, я могу, так уж и быть, пойти с тобой в клуб, — влезла эта чумичка Елена.

Я ее проигнорировал и сделал шаг к Сэм. Пора пустить в дело голос — низкий и бархатистый. Это всегда действует безотказно.

— Что скажешь, Сэм? — промурлыкал я. — Сегодня пятница. Ну подумай сама. В пятницу невозможно быть не в настроении.

— Если тебе обязательно нужно знать... — Это снова сунулась тощая пигалица Елена. — У нее женские неприятности. Если не знаешь, что это такое, спроси у своей мамочки.

— Женские неприятности? — засмеялся я. — Любые женские неприятности проходят от хорошей дозы Марка Крамера.

Тут Сэм Лопес как будто наконец проснулась. Она сунула руку в карман жакета.

— Ага, Эл правильно говорит. У меня женские неприятности. — Она вытащила из кармана какую-то штучку, очень похожую на так называемые тампоны, которыми пользуются девчонки, и больно ткнула меня этой дрянью в грудь. — Ну, дошло до тебя, маразматик? У меня сегодня *очень тяжелый день.*

— О'кей, о'кей. — Я поднял руки — мол, сдаюсь — и пошел на попятный. — Ладно, может, как-нибудь в другой раз.

Елена

Я уже делилась с Сэм лифчиком. Теперь поделилась тампонами. Никто не может сказать, что я ей не лучшая подруга.

И все-таки меня чуточку удивило, как она разговаривала с Марком в тот день. Честно говоря, я не для того положила к ней в шкафчик упаковку «Forever», чтобы она их использовала в качестве наступательного оружия!

Но, в конце концов, в такие дни часто становишься раздражительной, ведь правда?

Мэтью

Мы с Сэмом возвращались домой в молчании.

Наконец я задал самый главный вопрос:

— Ну, как ты решил? Мальчик или девочка?

Сэм пожал плечами:

— Спроси чего-нибудь попроще.

В тот вечер он дольше обычного не переодевался в нормальную одежду.

Оттолин

Когда Катастрофа готовится к решительным действиям, он затихает, словно пантера, готовая броситься на оленя, или что-нибудь еще в таком же духе. (Признаю, с виду он не похож на пантеру — малость потолще и не такой мохнатый, и к тому же пантера не трещит суставами пальцев, когда волнуется, но вы поняли, что я хотела сказать.) Когда он такой, я стараюсь не попадаться ему на глаза.

В тот день мы почти не выходили из отеля, только в середине дня выскочили в «Макдоналдс».

Жуя биг-мак, Катастрофа сообщил мне, что планирует под вечер посетить мистера и миссис Бертон.

— Потому что в это время дети должны быть дома, правильно? — спросила я.

— Не, — ответил он. — Потому что в это время у всех включены телевизоры. Никто не услышит криков.

Насчет криков мне как-то не очень понравилось.

— Мы вроде просто собирались проверить, там ли маленький Сэм.

— Никто не услышит криков, — повторил Катастрофа, как будто я вообще ничего не говорила.

Да, он точно был уже готов.

Миссис Бертон

В восьмом часу мы услышали звонок в дверь. Это был не совсем обычный звонок, он продлился примерно на десять секунд дольше, чем принято среди воспитанных людей, и я догадалась, что к нам пришел знаменитый мистер Лопес.

Я чувствовала себя вполне уверенно — боже правый, я же у себя дома! Но я заметила, что Дэвиду немного не по себе. Я велела мальчикам подняться наверх, а сама пошла открывать дверь.

Катастрофа

Я был весь напряжен, внутренне чуть подрагивал, словно палец на спусковом крючке. Внешне я был самый безобидный американец с широкой улыбкой — отец, разыскивающий сына.

На мне был костюм, белая рубашка и галстук, сдавливающий шею. А Оттолин? Днем она мне показала, что собирается надеть: облегающие джинсы и обтягивающая футболочка.

Я сказал:

— Слишком вызывающе.

Она примерила коротенькую черную юбочку.

— Тем более вызывающе.

Мы пошли в магазин и купили какую-то английскую одежку в цветочек, да еще на два размера больше, чем Оттолин привыкла носить.

Я сказал:

— Приходится идти на жертвы.

И вот мы стоим на пороге — мистер и миссис Благопристойность.

Дверь открыла высокая женщина.

— Здравствуйте, — сказала она со строгой и неприступной улыбкой на лице.

— Миссис Бертон?

— Да.

Я сказал:

— Меня зовут Энтони Лопес. Я был мужем вашей покойной сестры Гэлакси.

— О! — сказала она. — Какой приятный сюрприз.

— Это моя жена, миссис Лопес.

— Рада с вами познакомиться, — сказала Оттолин с вежливой улыбкой маленькой девочки.

— Как поживаете? — сказала миссис Бертон.

— Очень хорошо, — сказала Оттолин.

Мы еще постояли на крыльце, потом Бертонша сказала:

— Проходите, пожалуйста.

Мы вошли в прихожую, отделанную в пошлом британском стиле, с обоями в цветочек и светильниками прямо как из какого-нибудь фильма пятидесятых годов.

— У вас тут уютно, миссис Бертон, — сказала Оттолин.

Дамочка словно не слышала, пошла впереди нас. Я наскоро подмигнул Оттолин и следом за хозяйкой вошел в гостиную. Там сидел с газетой

в руках мистер Бертон, типичный парень из пригорода. Вы не поверите — на нем была вязаная кофта!

Нас представили. Мы сели на диван. Оттолин ухитрилась открыть ноги значительно выше, чем полагается в таких случаях.

Мистер Бертон предложил нам выпить.

Я сказал:

— Я не пью.

Оттолин сказала:

— Было бы очень мило выпить чашечку чаю.

Удивительно — готовить чай на кухню отправился мужик!

Мы завели светский разговор, очень скорбный и печальный, все про покойницу Гэлакси. Я произнес прочувствованную речь, какая она была замечательная личность, таких больше нет, и так далее и тому подобное.

— Ни о чем так не жалею, — сказал я, — как о том, что был в то время в командировке и услышал о трагическом происшествии уже после похорон.

Когда мистер Бертон вернулся с подносом и разлил чай, я перешел к делу.

— По моим сведениям, вы взяли на себя заботу о моем сыне Сэме, — сказал я.

— О вашем сыне? — Миссис Бертон абсолютно спокойно смотрела на меня поверх чашки. — Его ведь, кажется, кто-то усыновил?

Я улыбнулся, чтобы скрыть изумление.

— По-моему, нет. Вы приехали на похороны и забрали его с собой. Теперь я хочу увезти его обратно.

— Знаете, я думаю, тут какое-то ужасное недоразумение, — сказала миссис Бертон, уставившись на меня ледяным взглядом. — Я, безусловно, присутствовала на похоронах сестры, но я вернулась одна.

Я сказал:

— Недоразумение? Да что вы мне голову морочите!

— Я нисколько не... морочу вам голову, мистер Лопес. Рекомендую обратиться за справками в соответствующие официальные инстанции.

Я почувствовал, как в животе у меня все завязывается в тугой узел бешеной злобы.

Оттолин

Я чувствовала, что Катастрофа напрягся, как будто изо всех сил старается держать себя в руках. Я шепнула: «Катастрофа!» — но было уже поздно. Он хряснул по столу кулаком, в котором была зажата чайная чашечка. Осколки вперемешку с чаем посыпались на стол, разлетелись по ковру.

— Он мой сын! — заревел Катастрофа Лопес.

Мистер и миссис Бертон так широко раскрыли глаза, что это уже выглядело ненатурально, но не сказали ни слова.

— Все это из-за денег, так? — орал Катастрофа. — Рассчитываете урвать себе кое-что, но вы, видно, не понимаете, с кем имеете дело. Тут ведь семья, понятно? Деньги принадлежат семье. А значит, они священны.

Мистер Бертон опустил глазки, вот-вот обделается, но миссис Бертон расправила плечи:

— Абсолютно не представляю, о чем вы говорите.

Катастрофа

Я вскочил на ноги. Бертон дернулся, как будто ждал, что я сейчас начну в него стрелять.

— Хотите по-плохому? — говорю я. — Ну, как вам будет угодно.

Я вышел из комнаты, заглянул в кухню. Потом побежал вверх по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки.

На втором этаже три закрытые двери. Я толкнулся в первую комнату. Большая спальня, пустая. Во второй какой-то мальчишка сидит перед компьютером. Он вздрогнул, когда я распахнул дверь.

Я спросил:

— Где Сэм?

Он сказал:

— Кто?

Из-за третьей двери слышалась музыка. Я распахнул и эту.

Там девочка с белокурыми волосами причесывалась перед зеркалом. Она спокойно посмотрела на меня:

— Я могу вам чем-то помочь?

Я спросил:

— Ты кто?

Она сказала:

— Я Симона. А вы кто?

Оттолин

Когда Катастрофа снова появился в комнате, он выглядел уже немного спокойнее.

— Там наверху двое детишек, — обратился он ко мне, как будто британцев вообще не было в комнате. — Но Сэма нету.

— Двое? — переспросила я.

— Да, один британский пацан и еще какая-то Симона.

Тут миссис Бертон соизволила улыбнуться.

— Ах да, Симона, она из Канады, гостит у нас по обмену.

Мистер Бертон встал и говорит:

— Очень жаль, что вам пришлось понапрасну совершить такое долгое путешествие.

Катастрофа послал его куда подальше и пулей вылетел из дома.

Я сказала:

— Спасибо за чай, — и пошла за ним.

Совсем не так все было задумано.

Мэтью

Бац — захлопнулась парадная дверь. Бац, бац — дверцы машины. Загудел мотор, взвизгнули шины. И тишина.

Я заглянул в комнату к Сэму. Он сидел на кровати в юбке и жакете. Десять минут назад, когда мы поднимались по лестнице, он был мальчиком. Наверное, успел переодеться, пока взрослые разговаривали внизу.

— Значит, это и есть твой папа.

Он смотрел прямо перед собой.

— Угу.

— Так ты решил?

Он кивнул.

В дверях появились мои родители.

— Молодец, Сэм, — сказала мама. Голос у нее дрожал, как будто она еще не совсем пришла в себя. — Ты держался очень храбро.

Папа сел на кровать, положил руку Сэму на плечи.

— Ты как, ничего?

Сэма перекосило, он вывернулся из-под руки.

— Оставьте меня в покое!

Папа встал. Мы втроем неуверенно стояли посреди тесной комнатки Сэма.

— Валите отсюда все, — сказал он тихо и устало.

Тайрон

Мэтт в тот же вечер отправил мне мессагу с последними новостями. Там говорилось: «ПРИХОДИЛ КАТАСТРОФА СЭМ ТЕПЕРЬ ДЕВОЧКА НА ПОЛНУЮ КАТУШКУ».

В другой день я бы сразу захотел узнать подробнее, но, сказать по правде, у меня тем вечером были свои проблемы.

После школы мама повела меня в гости, где я должен был познакомиться с девочкой, которую она наметила мне в подружки.

Постараюсь высказаться по возможности тактично. Джулиана была не совсем в моем вкусе. Худая, выше меня ростом, лицом похожа на кислую сливу. После чая миссис Лэйвери пригласила маму подняться наверх посмотреть новые занавески (ага, как же!), и мы остались наедине с Джулианой.

Это были самые долгие и самые неловкие пятнадцать минут за всю мою жизнь. Мне не понравилась Джулиана. И я на нее тоже не произвел особого впечатления. У нас с ней просто не было ничего общего. Примерно через полминуты нам стало не о чем говорить. Посидев еще минуту в молчании, Джулиана вприпрыжку подбежала к пианино (ненавижу, когда бегают вприпрыжку) и давай лупить по клавишам.

Мамочки наконец вернулись, посмотрели на нас (она у пианино, я на софе) и заулыбались, как будто увидели самую романтическую сценку на свете.

— Ну вот, — сказала мама, когда мы наконец выбрались из этого дома. — Что скажешь?

— Нет, — ответил я. — Вот что я скажу. Нет, нет и нет.

Мама улыбнулась кошмарной понимающей улыбкой:

— Эти вещи происходят постепенно.

14

Мэтью

Надо отдать Сэму должное. Если уж он решил, его не сдвинешь.

Утром в субботу он спустился к завтраку, одетый в школьную форму, как будто быть девочкой — самая естественная вещь на свете.

— Ну, когда пойдем по магазинам? — спросил он мою маму.

— По магазинам?

— Имейте в виду, мне не нужны второсортные тряпки, — заявил Сэм. — Симона любит хорошо одеваться.

Мама нахмурилась.

— Я дам вам сто фунтов. Этого за глаза и за уши хватит на симпатичное платьице, блузку и туфли.

— Сто пятьдесят, — сказал Сэм. — Я еще хочу купить сумочку. И, может, немножко косметики.

— Тебе еще рано краситься, — сказала мама.

— Сто пятьдесят фунтов, будьте любезны, — сказал Сэм.

Мама сдалась и начала рыться в сумочке.

— Пожалуй, мальчиком ты мне больше нравился, — заметила она.

Зая

Я все выходные просидела у себя в комнате — сочиняла песни. Когда Сэм запела, с меня как будто упали какие-то цепи. Я вдруг поняла, какого звучания хочу добиться от своей музыки. На поверхности будет легкий синкопированный звук в духе акустической гитары, а на заднем плане — нервные аккорды, сплошной минор, укороченные седьмые и всякие такие штуки как раз тогда, когда меньше всего этого ждешь.

Я мысленно слышала голос Сэм, высокий и чистый, но с оттенком странной, необъяснимой грусти. Наверное, это звучит глупо, но я знала, что сочетание моей музыки и подпевки в моем исполнении с голосом Сэм должно дать нечто удивительное.

Мои песни были об одиночестве, о тоске по другу, о непохожести на других, о людях, настолько зацикленных на самих себе, что они уже не в состоянии ничего разглядеть вокруг (Елена Гриффитс, на выход!). Не скажу, чтобы эти песни помогали радоваться жизни, некоторые из них можно даже смело назвать беспросветными, но они были намного лучше, чем то, что у меня получалось раньше.

За выходные я написала пять новых песен: «В комнате моей», «Мистер Идеал», «Моя персональная тучка», «Невидимка» и «Обо мне, любимой». Я записала партию гитары и вокальную

партию на магнитофон, а тексты распечатала на папином компьютере.

В понедельник Сэм ждет большой сюрприз!

Джейк

Знаете, как бывает, когда кто-нибудь расскажет хохму, а потом никак не может от нее отвязаться? От улыбки уже все лицо сводит. Хочется сказать: «Да поняли мы, поняли, давай уже о чем-нибудь другом».

Вот так оно и было в субботу, когда мы с Мэттом и Тайроном встретились на Хай-стрит с официально утвержденной мисс Сэм Лопес.

А поначалу казалось — такая замечательная идея: запустить лазутчика в девчонскую среду. Но теперь уже речь идет не о Елене с ее командой. Сэм собрался заделаться девочкой всерьез и надолго. Неизвестно, когда он снова превратится в мальчика.

И еще одна причина, почему наша шутка перестала быть шуткой. В Лондон прибыл Сэмов папаша, тот самый, который Катастрофа, ЧП и ДТП. По рассказам Мэтта, это нечто вроде помеси Крестного отца с Терминатором. Если Сэм попадется, вся его жизнь пойдет наперекосяк.

Так что в ту субботу, когда все так круто переменилось, Сэм был не такой, как всегда. Он опять разыгрывал девочку, кокетничал напропалую, примеряя разные наряды, морочил голову про-

давщицам, но в глазах у него то и дело появлялся жесткий, неумолимый блеск, сильно напоминавший то, каким он был, когда только что приехал к нам.

Мы сидели в закусочной Билла Бургера — любимая забегаловка Сэма с тех пор, как он сумел убедить хозяина, что он — маленькая мисс Трагедия. Вокруг столика стояли сумки с покупками, и, поскольку Сэм был теперь набит деньгами, каждый из нас взял себе по гамбургеру «де люкс» — самому дорогому в меню.

Вдруг Сэм спросил:

— Ну, как я выгляжу?

Мы посмотрели на него. Волосы завязаны в хвостик, в ушах болтаются серебряные серьги в форме скорпиона — его знак зодиака, на пальцах — яркие накладные ногти. Коротенький топик на бретельках, над зелеными брючками видна бледная полоска живота.

— Нормально, — сказал Мэтт. — Только эти ногти мама не одобрит. Слишком вульгарные.

Сэм рассматривал собственное отражение в оконном стекле.

— Никогда не думал, что мне пойдет топ на бретельках. Вот уж, пока не попробуешь, не узнаешь.

Я переглянулся с Мэттом — его передернуло. Сэм стал жертвой моды, этого нам только недоставало!

— А не слишком ли ты увлекся? — спросил я Сэма как можно небрежней.

Сэм бросил на меня взгляд, живо напомнивший о том, как мы с ним подрались за этим самым столиком в летние каникулы.

— Это ты к чему?

Я заметил, что Тайрон и Мэтт предостерегающе уставились на меня, мол, не лезь, но прикинулся, будто ничего не понял.

— Одежда, голос, манеры — все это прекрасно, но не кажется ли тебе, что лучше быть нормальным?

— Что значит — нормальным? — спросил Сэм.

Я засмеялся:

— Ну, может быть, не одеваться девчонкой.

Сэм сжал кулаки, но тут же как будто расслабился. Вытянул перед собой руки с растопыренными пальцами, полюбовался накладными ногтями.

— Когда ты девчонка, все по-другому. Можно делать разные вещи, которые не мог делать, пока был парнем. Иногда бывает довольно весело. Какие проблемы, старичок?

Я повнимательнее присмотрелся к нему и вдруг при свете мигающих огней увидел кое-что новое, чего не замечал раньше.

— Это у тебя проблемы, — сказал я и потрогал пальцем его верхнюю губу. — У тебя растут симпатичные усики, старушка.

Сэм быстро прикрыл рот рукой. Пробормотал:

— Не надо переходить на личности, — встал и направился к кассе. — Плачу за всех, мистер Билл.

— Нехорошо получается. — Билл Бургер подмигнул нам троим — мы тоже подошли к кассе. — И вы позволите, чтобы маленькая леди вас угощала?

Сэм вытащил из заднего кармана пачку банкнот, положил на прилавок двадцатифунтовую бумажку.

— Такие выражения, как «маленькая леди», давно устарели, мистер Билл, — сообщил он. — Это теперь называется «сексизм».

Билл раскрыл было рот, но, видно, вспомнил, что девочка из Америки перенесла душевную травму, снова закрыл рот и подвинул к Сэму сдачу, отрывисто проговорив:

— Держи, солнышко.

Тайрон

Мы сидели у Билла Бургера, и Джейк просто-таки нарывался, чтобы схлопотать по морде, но каким-то образом все обошлось. И тут мне пришла в голову, можно сказать, блестящая мысль.

Позже, когда мы вышли на улицу, я рассказал о ней Сэму.

К моему огромному удивлению и радости, он согласился.

Оттолин

В тот уикенд Катастрофа места себе не находил. Все время повторял:

— Если Сэм не живет у этих Бертонов, так их и растак, где же тогда, ё-моё, он может быть?

Мы немножко поговорили о том, не могли ли эти надутые англичашки где-нибудь его спрятать, но, по нашим прикидкам, они же не знали заранее, что мы к ним нагрянем. Он позвонил кое-кому из своих знакомых в Америке. Они сказали, что, насколько им известно, мальчик до сих пор находится в Лондоне.

И вот Катастрофа сидел у окошка, жевал жевательную резинку, смотрел на тусклый лондонский пейзаж и все это обмозговывал.

Тут-то меня и осенило:

— А что, если обзвонить школы?

— Припугнуть учителей? — отреагировал Катастрофа. — Можно попробовать.

— Я к тому, что мальчишку могли поселить в другую семью, поблизости, чтобы сбить нас со следа, но в школу-то он все равно ходит, верно?

Катастрофа затрещал суставами пальцев.

— Так можно просто ворваться в директорский кабинет, стырить классный журнал и...

— В какой школе-то, Катастрофа?

Он сдвинул брови, подумал минутку.

— Твоя правда, красотка.

Я достала из прикроватной тумбочки местный телефонный справочник, нашла страничку, посвященную школам, и села за телефон.

— Это «Сент-Питерс»? — спросила я самым благовоспитанным сладеньким голоском. — Ах, спасибо вам большое. У нас ребенок, мы недавно сюда переехали. Вашу школу очень хвалили друзья моего сына — например Сэм Лопес... У вас такой не учится? Извините за беспокойство, мэм.

Когда я повесила трубку, Катастрофа бросил на меня один из тех взглядов, смысл которых был мне хорошо знаком. Такой взгляд означает: ну куда ты лезешь, ведь ни уха ни рыла в детективной работе.

Но на сей раз я не стала обращать на него внимания и набрала следующий номер.

Миссис О'Грэди

Поскольку «Брэдбери Хилл» — весьма преуспевающая школа, нам часто звонят родители, желающие поместить сюда своих детей. Но я и в самом деле припоминаю звонок дамы с американским акцентом.

Когда она упомянула имя Сэм Лопес, я испытала сильнейшее искушение сказать ей, что одного американского ребенка с трудным характером нашей школе более чем достаточно, но при моем профессиональном стаже я очень хорошо понимаю, что такие решения принимает моя начальница, миссис Картрайт.

— Мы рады, что ученики хвалят нашу школу, — сказала я сдержанно. — Но заявления о по-

ступлении должны подаваться в письменной форме, это обязательное требование.

Катастрофа

Как и всякой женщине, Оттолин то и дело приходят в голову разные безумные идеи. Видимо, просто по законам статистики одна из них должна была сработать.

Я прилег на кровать и задремал под монотонный голос своей жены, упорно повторявшей по телефону одно и то же, и вдруг меня разбудил ее победный вопль.

Я открыл глаза. Она стояла у постели с клочком бумаги в руке.

Я спросил:

— Ну, что там?

— Нашла! — ответила она, улыбаясь во весь рот. — Я нашла, где учится твой мальчишка!

Я взял у нее листок и прочел название, записанное характерным почерком Оттолин со множеством завитушек.

— Средняя школа «Брэдбери Хилл». — Я улыбнулся. — Знаешь, для уличной девки ты иногда неплохо соображаешь.

— Ой, Катастрофа, спасибо на добром слове, — сказала она.

У нас с Тайроном прекрасные, доверительные отношения. Очень искренние, понимаете? Если его что-нибудь беспокоит, он всегда знает, что может откровенно все обсудить со своей старой мамочкой. А если меня, к примеру, тревожит, что он слишком много времени проводит со своими приятелями мужского пола, невоспитанными неряхами и двоечниками, я всегда могу деликатно, по-матерински поговорить с ним об этом.

— Они тоже тебя очень хвалят, мам, — отвечает Тайрон (он у меня такой остроумный — думаю, когда-нибудь он станет политиком).

И потому, когда в первое воскресенье этого учебного года Тайрон упомянул за завтраком, что пригласил кое-кого на чай, я сумела пошутить:

— Один из твоих дружков-неандертальцев, надо полагать?

Тайрон откусил сразу половину гренка.

— Да нет, не из неандертальцев, — проговорил он с набитым ртом.

— Будете сидеть за компьютером, время от времени что-то невнятно бурча друг другу. Ох уж эти мальчишки...

— Вообще-то она не мальчишка, — преспокойно заявил Тайрон. — И не бурчит.

— Она? — Помню, я так и застыла, не донеся чашку до рта. — Ты сказал — «она»?

— Угу.

— Это, случайно, не Джулиана? — спросила я с надеждой.

Тайрон весьма вульгарно изобразил, будто его тошнит.

— Тогда кто же?

— Увидишь.

— Ты хочешь сказать, у тебя завелась подружка, Тайрон?

Он слегка задумался.

— Скажем так: пока что мы с ней просто дружим. Понимаешь, я не хочу ее торопить.

— Конечно, я понимаю. Может быть, мне приготовить оладушки к чаю? Или каштаны! Можно будет поджарить каштаны в жаровне и...

— Мам. — Тайрон бросил на меня утомленный взгляд — он это очень хорошо умеет.

— Ты не хочешь, чтобы я сидела с вами? Стыдишься родной матери?

— Да нет, я даже хочу, чтобы ты с ней познакомилась. Только не надо этих счастливых обедов в кругу семьи. Она немножко застенчивая.

— Очень хорошо, — сказала я. — Просто замечательно!

Тайрон

В этом и была моя идея. Мы помогли Сэму, теперь пусть Сэм поможет мне.

Получится просто конфетка!

Что полагается надевать, когда сын в первый раз приводит домой девочку? Теоретически мать должна знать такие вещи инстинктивно, но у меня в подобных случаях всегда возникают сложности. После нескольких неудачных попыток я выбрала непринужденный и в то же время элегантный брючный костюм, но надела к нему лиловые кроссовки от модного модельера, чтобы показать, что я не формалистка и молода душой.

Как выяснилось, беспокоилась я напрасно. Сэм — так ее зовут — оказалась очаровательной малышкой, нисколько не похожей на тех грубых, нахальных девочек, которых так часто встречаешь на улицах нашего района.

Мы сидели за чаем в зимнем саду. Тайрон разыгрывал роль сильного и немногословного мужчины, в то время как я прилагала все усилия, чтобы Сэм почувствовала себя как дома.

Она американка — на мой взгляд, это и к лучшему. Я всегда считала, что американцы более динамичны и честолюбивы, чем европейцы.

— Ты уже думала, кем хочешь стать, когда вырастешь? — спросила я среди прочего.

— Я хочу быть юристом, мэм, — ответила она с обаятельной улыбкой. — Хочу быть одним из партнеров в крупной юридической фирме, засадить в тюрьму целую толпу уголовников, а может, даже отправить кого-нибудь на электрический

стул, зарабатывать кучу денег, записаться в гольф-клуб и так далее.

— Замечательно! — воскликнула я. — Хорошо бы, ты и Тайрона сумела убедить немного больше интересоваться своей будущей карьерой.

Тайрон что-то неразборчиво пробормотал, развалившись в кресле.

— Да мы в школе только и говорим о его будущей карьере, — сказала Сэм.

— В самом деле? — Я не верила своим ушам.

— Тай говорит, он подумывает о бизнес-школе, — сказала Сэм. — А я ему говорю, лучше бы сначала выучился на бухгалтера. В жизни нужна надежная основа — без диплома никуда, правда, миссис Шерман?

— Безусловно, — согласилась я.

Меня немного задело, что сын не поделился со мной своими мыслями и планами, но я была чрезвычайно рада, что эта прелестная юная американка так благотворно на него влияет.

Словно угадав мои мысли, Сэм защебетала:

— Тайрон любит делать вид, что не строит серьезных планов на будущее, как будто он из тех парней, кто думает только о развлечениях, ведь девчонки к нему так и липнут. Но когда узнаешь его лучше, начинаешь понимать, что у него есть и другие достоинства помимо внешности.

Тут уж мы оба с Тайроном вытаращили глаза. Я, конечно, люблю своего мальчика, но как-то никогда не представляла себе его в таком свете.

— Девчонки липнут? Но ведь он немного... крупный?

Сэм застенчиво улыбнулась:

— Теперь в моде толстые, а не худые, миссис Шерман. По ним все с ума сходят. Мне постоянно приходится биться за Тайрона с другими девчонками. Они его прозвали «Сахарная Косточка» за то, что он такой большой.

Тайрон глухо застонал и что-то невнятно промычал сквозь стиснутые зубы. Мне послышалось нечто вроде: «Сэм, я тебя убью!»

Я рассмеялась. Их перепалка восхитительна! Затем, чувствуя, что молодежи хочется остаться наедине, я извинилась и ушла наверх.

Не было никакой конкретной необходимости обзванивать других родителей, но мне не терпелось рассказать кому-нибудь великую новость. Разговаривая по телефону, я услышала в гостиной рассерженные голоса. Ссорятся — верный знак, что серьезно относятся друг к другу!

Тайрон и Сэм. Сахарная Косточка и его милашка! Я была невероятно горда и счастлива.

Тайрон

Вот в чем главная беда с Сэмом. Он вроде и поможет, но при этом только еще глубже окунет тебя в помои.

Ну так вот, после визита моей «подружки» результатом стали две новости — хорошая и плохая.

Хорошая новость состояла в том, что моя мамуля перестала смотреть на меня как на закомплексованного неудачника, которому не светит найти себе подружку или работу. Плохая — в том, что мама на радостях принялась безудержно хвастаться. Весь вечер она под разными предлогами обзванивала всех своих приятельниц. Из-за запертой двери маминой комнаты до меня долетали многозначительные фразочки: «чудесная девочка из Америки», «выучиться на бухгалтера», «девчонки так и липнут», «в моде толстые, а не худые».

Наконец-то мамуля может мною гордиться. Что ж, Сэм, спасибо тебе большое.

Мэтью

Иногда природа шутит очень зло. Только Сэм окончательно решил переквалифицироваться в девочку, пока его папаша кружит вокруг, словно голодный стервятник, и тут вдруг организм Сэма сделал рывок в противоположном направлении.

В тот вечер я рассказал маме о проблеме насчет Сэмовых усов. Как это ни удивительно, она взялась помочь нам от них избавиться и даже поделилась специальным воском, которым (мама, ради бога, избавь меня от подробностей!) и сама пользуется.

Мы были у нее в комнате. Сэм сидел перед зеркалом за маминым туалетным столиком, на верхней губе у него подсыхало розовое вещество.

— Подержи его, Мэтью, пока я буду отрывать эту штуку, — пошутила мама. — Это больно.

— Да ладно, — сказал Сэм мужественным голосом, насколько это возможно для человека, который сидит с розовой нашлепкой под носом. — Я же не девчонка. Не так все это страшно.

— Ну смотри, — сказала мама. — Я тебя предупредила.

Она тихонько потянула за краешек восковой полоски.

— Ай! — вскрикнул Сэм, когда первые волоски начали выдираться из кожи. — Осторожней!

Он дернулся, и тут мама рванула со всей силы, усы отделились сразу целиком.

— А-а-а!

Сэм вскочил и запрыгал от боли, прижимая руку ко рту.

— Я же говорила, — сказала мама, удовлетворенно глядя на светлые волоски, прилипшие к воску.

— Как же девчонки это терпят? — проорал Сэм.

Мы с мамой уставились на него с ужасом. Нас напугали не сами слова, а то, как именно они прозвучали. Слово «терпят» Сэм выкрикнул мощным мужским басом.

— О-хо-хо, — вздохнула мама. — Только этого нам и не хватало. Теперь у него начнет ломаться голос.

— Ни за что! — воскликнул Сэм прежним дискантом.

— Постарайся поменьше разговаривать, что ли, — посоветовала мама.

— Ага, щас, — буркнул я.

15

Стив Форрестер

С восьмым классом творилось нечто странное. По прошлому году я помнил их как неорганизованную толпу, где несколько умных, добросовестных ребят вынуждены были бороться с общей массой бездельников. Теперь все это переменилось. Восьмиклассники как будто... повзрослели, что ли?

Непреодолимая пропасть по половому признаку между девочками и мальчиками заметно сузилась. Иногда, дав задание классу, я поднимал глаза от журнала и видел перед собой непривычное зрелище — ряды макушек, склоненных над работой. Раньше, как правило, всегда можно было заметить лица, рассеянно выглядывающие в окно или пытающиеся отвлечь других мальчиков (проблема касалась преимущественно мальчиков). Теперь этого больше не было.

Когда кто-нибудь из девочек отвечал на вопрос, мальчики внимательно прислушивались. Время от времени и сами мальчики поднимали руку, и не только для того, чтобы высказать какую-нибудь глупость.

Я ничего об этом не говорил — боялся сглазить, но про себя невольно удивлялся: в чем же дело? Совсем как в фильме-вестерне, знаете, когда ковбой произносит: «Тихо здесь. Подозрительно тихо».

Елена

У нашей Заи неожиданно прорезался музыкальный талант. В понедельник она явилась в школу с отсутствующим видом человека, который был слишком занят творчеством, так что у него не оставалось времени поесть, попить, поспать и даже зайти в туалет.

Чарли спросила, почему ее не было видно в выходные, а Зая ответила, что она «кое над чем работала». А когда показалась Сэм вместе с Мэтью и другими мальчишками, Зая буквально кинулась к ней со всех ног, волоча пластиковый пакет. Мы с Чарли видели, как она передала Сэм какие-то листочки бумаги и кассету.

— Встречайте — музыкальные близнецы, — сказала я.

— Это очень хорошо, — сказала Чарли. — Я рада за них.

Но я заметила, что она встревожилась.

Марк

Обожаю трудные задачи. Бывает, играешь в футбол, а мяч тебе никак не пасуют или дорогу загородит защитник, который почти не уступает тебе по мастерству, — тогда я говорю себе: «Ладно, Марк Крамер, давай-ка возьмемся за дело всерьез». Выхожу в штрафную площадку, и тут-то начинаются разные события. Пас, перехват и — бац! Еще один фирменный крамеровский гол.

Так было и с маленькой американкой, которую я наметил себе в подружки. Я думал о ней все выходные: как бы оттащить ее от подруг и показать, что такое настоящая жизнь рядом с настоящим мужчиной? Я вышел в штрафную площадку под девизом: «Сэм будет моей».

В понедельник я подошел к ней на большой перемене, когда она болтала с подружками. Я сказал:

— Сэм, это тебе, — и сунул ей в руки конверт.

Она спросила:

— Это что?

— Билет на большой матч в среду вечером. Сборная Лондона против «Юнайтед».

— Ого! — воскликнула Елена. — Впечатляет. Где достал?

— У меня знакомство в билетной кассе, — ответил я, не отрывая взгляда от Сэм. — Ну что, пойдем?

Сэм колебалась. Я видел, что волшебное обаяние Крамера начинает действовать.

— Я подумаю, — сказала она. — Честно говоря, я не так уж люблю соккер.

— Думай не очень долго, красотка. Другие за такой билет убиться готовы.

Я небрежной походкой двинулся прочь, по дороге оглянулся, собирался ей подмигнуть, но Сэм уже отвернулась и снова разговаривала с подружками.

— Она придет, — сказал я Бену и Джейсону. Это ребята из моего класса, они на нас смотрели.

— Плохо твое дело, — сказал Джейсон и засмеялся с обидной жалостью.

В эту минуту я понял, что речь уже идет не только обо мне и Сэм Лопес. Если она снова мне откажет, я попаду в глупое положение. Надо мной начнут смеяться.

А это мне совсем не нравится.

Зая

Наверное, я ожидала от Сэм более заметной реакции, когда показала ей свои песни. Я все выходные работала над ними, получилось хорошо, я так старалась специально для нее.

Но Сэм в тот день была какая-то странная. Как будто все время думала о чем-то другом.

— Классно, — сказала она и сунула мой пакет с песнями к себе в портфель. — Вечером послушаю.

Я сказала:

— Можно будет как-нибудь на днях порепетировать вместе.

— Да-да, конечно.

А потом, когда к ней подошел Марк Крамер и всучил билет на какой-то дурацкий футбольный матч, она так обрадовалась — похоже, для нее это значит больше, чем мои пять песен.

Наверное, я в ней ошиблась. Наверное, не надо было соваться со своими песенками.

Чарли

Из всех людей, которых я знаю, Зая меньше всего склонна киснуть и кукситься, но в тот день она совсем загрустила. Когда Сэм принялась советоваться со мной и Еленой, идти ли ей на футбол с Марком Крамером, Зая в конец расстроилась, и это удивительно, ведь раньше мы все считали, что было бы просто потрясающе, если бы Марк начал ухаживать за кем-нибудь из нас.

— По-моему, она ревнует, — сказала Елена, бестактная, как всегда.

— Ревную? — вскинулась Зая. — С чего это я стану ревновать к Марку Крамеру?

Мы даже не сразу сообразили, *что* она сказала. Эл предполагала, что Зая злится, потому что ей самой нравится Марк Крамер, но, похоже, она позавидовала не тому, что Сэм пойдет с Марком, а тому, что Марк пойдет с Сэм.

— Я вообще-то не совсем то имела в виду, — сказала Елена.

Оттолин

Знаете что? Мне вдруг начало здесь нравиться.

Мы сидели в пабе на берегу Темзы, за одним из наружных столиков, в бледных лучах английского солнца. По дряхлой серой реке носились лодочки с гребцами, за соседним столиком сидела молоденькая парочка с грудным ребенком, а по дорожке между нами и рекой шел какой-то старикан и вдруг кивнул нам:

— Доброе утро.

Как будто мы знакомы.

Я сказала:

— Приветик.

Катастрофа смотрел на реку, но мыслями был за тысячу километров отсюда. Он спросил:

— Ты о чем?

Я говорю:

— Да ни о чем, золотко. Просто поздоровалась с прохожим. — Я закрыла глаза, улыбнулась и пробормотала: — Хорошо здесь...

— Заберем пацана и уедем, — сказал он, но по голосу я поняла: он отчасти со мной согласен.

Он маленько расслабился с тех пор, как уехал из Штатов. Здесь никто не знает, что он — Катастрофа Лопес, предприниматель, крутой парень. Ему можно просто побыть самим собой. Жесткое выражение, которое он дома носит на лице круглосуточно, здесь иногда слетает, и из-под него выглядывает нечто совсем другое, чуть ли не

(сама себе не верю!)... чуть ли не добродушное. Как будто мне удается на минуточку увидеть иного Катастрофу Лопеса, не комок злобы, а человека, примирившегося с тем, что он уже не так молод и что совсем не обязательно пугать людей до смерти просто для того, чтобы почувствовать себя живым.

— Ну что, Катастрофа, какие планы? — спросила я.

— Нужно сходить в школу, — ответил он. — Посетим учебное заведение и поищем моего сына.

Он отхлебнул пива и покачал головой, словно все еще не мог поверить, что в английских пабах не подают хитроумные коктейли, как в Штатах.

— Когда найдем пацана, нужно будет уговорить его, чтобы добровольно согласился поехать с нами. Надо вести себя... по-родительски.

Я не удержалась и ляпнула:

— А из нас с тобой получились бы хорошие родители.

Катастрофа не слушал. Он нахмурился.

— Этот сопляк должен быть благодарен, что мы столько сил потратили ради него.

— Он поедет с нами, Катастрофа, — сказала я. — Все-таки ты его отец.

— Мы с ним столько всего разного делали вместе. — Катастрофа задумчиво смотрел на Темзу. — Гэлакси все разорялась, мол, я слишком тороплюсь, обращаюсь с сыном, как с одним из сво-

их приятелей. Но такой уж характер у Катастрофы Лопеса, понятно? Откуда я мог знать, что мальчишка еще не дорос.

Я хотела спросить, до чего именно Сэм не дорос, но по лицу Катастрофы поняла, что он не в настроении отвечать на вопросы.

— Все это было давно, — сказала я.

— Конечно. Наверное, теперь он изменился.

Я засмеялась:

— Во-первых, он стал миллионером.

— Ну да, верно, и это тоже, — сказал Катастрофа, но мне почему-то показалось, что сейчас он не думал о деньгах.

Зая

Я уверяла саму себя, что для меня все это важно только из-за музыки. Я должна была исполнять сольный номер на школьном концерте, но с тех пор, как я услышала свои песни, спетые голосом Сэм, увидела, как слаженно у нас все получается, я поняла, что мы обязательно должны выступить вместе.

Сначала я было подумала, что ее больше интересует Марк и дурацкий поход на футбол, чем мои песни, но оказалось, что я беспокоилась зря. На следующий день после того, как я дала ей кассету, Сэм подошла ко мне на перемене и тихонько пропела на ухо припев из «Персональной тучки».

Я улыбнулась. Хоть и на минимальной громкости, песня звучала даже лучше, чем я себе представляла.

— Давай порепетируем после школы? — предложила Сэм.

Я вздрогнула. Честно говоря, моих родителей не слишком радует мое увлечение гитарой.

— У нас дома довольно тесно, — отговорилась я.

— Пошли к нам, — ответила Сэм. — Захвати гитару и кассету, запишем пару песен.

— А мистер и миссис Бертон не рассердятся?

— Да что ты! — сказала Сэм. — Они просто лапочки.

И она улыбнулась потрясающей улыбкой и заглянула мне в глаза глубоко-глубоко, как будто знала меня даже лучше, чем я сама себя знаю.

У меня что-то екнуло в груди. Это все музыка, говорила я себе. Только музыка, и больше ничего.

Но в самой глубине души я знала, что это не так.

Мэтью

Удивительное дело: теперь, когда объявился пропащий папаша Сэма и начал его выслеживать, Сэм как будто успокоился. Он уже не старался постоянно быть в центре внимания. На переменах разговаривал с нами точно так же, как с Еленой и ее компашкой, и в результате мы все стали больше общаться друг с другом.

Вот вам пример. На той неделе — кажется, в четверг — Сэм возвращался домой из школы вместе с Джейком, Тайроном и со мной. Мы говорили о том, что мамуля стала лучше обращаться с Тайроном с тех пор, как у него появилась подружка. Только вот миссис Шерман завела привычку говорить: «Как дела, Сахарная Косточка?» — и спрашивать, как поживает «та симпатичная маленькая американка».

Миссис Шерман

На той неделе я приняла решение прекратить суетиться вокруг своего сына. Как выяснилось, он способен выжить и без помощи своей старой мамочки. Даже проблема с полнотой, оказывается, вовсе не проблема. Я испытывала огромное облегчение и страшно радовалась за нас обоих.

Оставалось сделать еще только одно. Раз уж Тайрон собирается стать преуспевающим бизнесменом, когда вырастет, неплохо бы заложить основу уже сейчас, чтобы опередить других подрастающих мальчиков и девочек.

Я принялась наводить справки по поводу частных преподавателей, специализирующихся на изучении бизнеса и бухгалтерского дела. Я хотела сохранить свои розыски в тайне до тех пор, пока не буду в состоянии преподнести сыну этот очаровательный сюрприз.

Не терпится увидеть, какое у него будет лицо!

Мэтью

А вот Джейк все последние дни был какой-то мрачный. Он выслушивал рассказы о Тайроне с его подружкой, о том, как мистер и миссис Катастрофа явились к нам домой, о том, как мама с папой нас поразили, позволив Сэму остаться девочкой, но сам при этом как будто держался в стороне, словно у него были заботы посерьезнее, чем парень, который переодевается девчонкой, скрываясь от своего уголовного папаши.

Сэм, как видно, что-то почуял. Когда мы шли через парк, он спросил:

— А у тебя как жизнь, Джейки?

Может быть, Джейк уловил в словах Сэма отголоски прежних насмешек, потому что моментально помрачнел еще больше.

— Тебе какое дело?

— Ты сегодня какой-то рассеянный, — небрежно ответил Сэм. — Я просто интересуюсь: у тебя все в норме?

— Ага, поделиться с друзьями! — Джейк неубедительно фыркнул. — Ты слишком много общаешься с девчонками.

— Спокойно, Джейк, — сказал Тайрон. — Он просто спросил.

— У меня уже башка трещит от ваших семейных разговоров, — буркнул Джейк.

Мы как раз проходили мимо скамейки, где раньше собиралась банда «Сараев». Давно уже мы тут не проводили время, но сейчас Сэм уселся на

скамейку, задумчиво расправил юбку на коленях и сказал:

— Мне и самому не больно-то нравится играть в семейные игры.

Джейк пнул ногой камень, целясь в стенку.

Сэм спросил:

— Как поживает твой папа?

Джейк вместо ответа тихо выругался. Потом, шаркая ногой по земле, начал рассказывать о том, что происходит у него дома.

Оказывается, мы со своими разговорами о папах и мамах постоянно наступали Джейку на больную мозоль. С тех пор как его отец ушел из дома, Джейку пришлось жить в чисто женской среде, с мамой и двумя сестрами. Последние два года семья Смайли трещала по швам, и обстановка в доме была не слишком радостная.

Теперь, когда Джейк остался у них единственным мужчиной, мама непрерывно на него сердилась. Ее все раздражало: беспорядок в его комнате, то, как он одевается, как говорит, как плохо учится в школе.

Обе девчонки, одной шестнадцать, другой семь, моментально сплотились против него и ябедничали маме о том, что он сделал или чего не сделал.

— Целыми днями ходят за мной по пятам и зудят, — сказал Джейк. — Стоит мне только войти в комнату, им уже что-нибудь не так.

— Все потому, что ты парень, — сказал Сэм. —

Мамуля к тебе цепляется, потому что злится на твоего папку. А сестры уж за ней следом.

— Ты у нас психоаналитик, что ли? — Джейк усмехнулся.

Я спросил:

— А твой папа что говорит?

— Какой папа? — отозвался Джейк. — Я его уже целый месяц не видел. Он мне звонит раз в неделю, и все.

Наступила тишина. Потом Джейк, видно, сообразил, что слишком разоткровенничался, и вскочил.

— Ну, мне пора.

— Знаешь, что тебе надо сделать? — Сэм посмотрел на Джейка снизу вверх. — Позвони своему папке. Скажи, что хочешь встретиться. Поговорите обо всем.

— Кто из нас отец — я или он? — возразил Джейк. — Это он ушел из дома, а не я.

— Ты меня слушай, — сказал Сэм. — Может, ему сейчас тоже тошно из-за того, что случилось. Может, он стыдится позвонить. Может, твоя мама что-то такое ему сказала. Тебе обязательно нужно с ним поговорить. Позвони ему, Джейк, или отправь сообщение — увидишь, что будет.

Но Джейк уже шел прочь, руки в карманы, ссутулив костлявые плечи, замкнувшись в себе и в своей беде.

Катастрофа

Вот перед вами метод Катастрофы Лопеса из трех пунктов: наблюдать, изучать обстановку, действовать быстро и жестко, а потом живенько уносить ноги. Вроде получается не три пункта, а четыре.

Всю ту неделю мы наблюдали. Осматривали окрестности, разъезжая на этой проклятущей прокатной игрушечке, старались казаться незаметными. Осваивали местные обороты речи — всякие там «спасибо», «пожалуйста», «извините-простите».

Меня все-таки донимала мысль, что эти поганые Бертоны что-то скрывают. Вот почему вечером во вторник мы устроили засаду на Сомертон-гарденз — сидели в машине, прикрывшись газетами, и следили за домом.

Как выяснилось, в тот вечер у них были гости. Вместе с бертоновским мальчишкой и канадской девочкой Симоной пришла еще какая-то индийская цыпочка. Она тащила гитару в чехле. Позже мы услышали пение, доносившееся из дома.

— Девчонки поют, — сказала Оттолин. — А красиво звучит, правда?

Я сказал, что звучит неплохо через парочку стен. Может быть, вблизи это слушать не так уж приятно.

— Детишки, — произнесла Оттолин мечтательно.

Честно говоря, у меня от такой интонации мурашки по коже.

Я сказал:

— Даже не мечтай. Прежде всего нужно вернуть моего сына, понятно?

— Да я не говорила о том, чтобы самим завести детей. Я даже слова не сказала о том, как это было бы замечательно и сколько счастья принесло бы мне.

Я посмотрел на нее. Она улыбалась той улыбкой, перед которой, знает ведь, я не могу устоять.

— Солнышко, — сказал я, — завести детей — серьезное дело. Это тебе не машину купить или затеять драку.

— А по-моему, это очень легко, — сказала она и слегка сжала мое колено.

Пение на минуту стихло. Потом девчонки снова завели свою песню.

— Не могу я вот так сидеть и ждать, — сказал я. — Мне необходимо действовать.

— Конечно, Катастрофа. — Оттолин приткнулась ко мне. — Наверное, нам всем иногда хочется действовать.

Зая

Это был один из самых волшебных дней в моей жизни.

Мы с Сэм сразу поднялись к ней в комнату, а Мэтью остался внизу смотреть телевизор.

Я вынула гитару из футляра, настроила.

— С чего начнем?

Сэм сказала:

— Давай с «Персональной тучки». Это ведь у тебя сингл, так?

Я засмеялась, начала играть вступление и вдруг остановилась. На публике я играю без проблем, но, оказывается, выступать перед одним или двумя слушателями гораздо сложнее.

Сэм запела без аккомпанемента, сразу попав в тон.

Мне говорят: не торопись, не спеши,
Мне говорят: дай только срок, погоди,
Мне говорят: давай тихонечко, шажком.

Мне все равно — они не верят в чудеса,
Но день придет — наполнит ветер паруса
И унесет меня от скучных берегов,
от нудных пустяков,
И вот тогда взлечу я в небеса...

У нее получалось так здорово, что мои пальцы сами собой легли на лады. Когда Сэм начала припев, я вступила со своей гармонией. И вот уже мы поем вместе и улыбаемся, глядя друг другу в глаза.

Я в небе так высоко,
И мне ничего не жаль,
И персональная тучка
Меня уносит вдаль.
Моя мечта наяву,
Вот теперь я живу.

Я чуть не плакала, какие-то невероятные эмоции поднимались во мне. Но Сэм уже запела второй куплет.

Волшебство. Я этого никогда не забуду.

Мэтью

Я сидел у телевизора, и тут сверху до меня донеслись их голоса. Сначала я подумал, что Сэм и Зая включили какую-то запись.

Я убавил звук и прислушался. Оказывается, это они сами пели под гитару, и получалось у них... не знаю, слово «сверхъестественно» подходит?

16

Миссис Картрайт

В один из дней второй учебной недели я находилась в своем кабинете, когда в школу позвонил некий мистер Стивенсон, джентльмен из Америки. Он сообщил, что переезжает в наш район и у него есть, как он выразился, «пацан», которого он желал бы записать в нашу школу. Ему бы хотелось «прошвырнуться» по нашей школе.

Строго между нами, мне не слишком понравился его тон. Я сказала ему, что необходимо выполнить определенные формальности.

— Формальности? — повторил он. — Чего тут оформлять? Мы с женой хотим осмотреть вашу школу. Как насчет завтра?

Я объяснила ему, что для знакомства с родителями потенциальных учеников существует, как говорится, стандартная процедура. Ближайший день открытых дверей состоится через неделю. В следующий четверг с семи утра они с женой могут посетить школу, познакомиться со мной и с другими учителями.

Я слышала, как он советовался с миссис Стивенсон.

— Как правило, мы рекомендуем родителям приводить детей с собой, — заметила я. — У вас мальчик или девочка?

— Э-э... парнишка, — ответил мистер Стивенсон. — Звать его... — он запнулся, — Анджело.

Я сказала:

— Мы будем рады видеть Анджело в нашей школе.

Он пробормотал нечто вроде: «Да-да», — и повесил трубку.

Я тоже медленно опустила трубку на рычаг. Помнится, я еще подумала: надеюсь, у Анджело манеры получше, чем у его папочки, если он, как говорится, хочет вписаться в коллектив школы «Брэдбери Хилл».

Мэтью

Я просто ничего не мог понять. Как будто у Сэма мало было сложностей в жизни, он еще вздумал отправиться на свидание. Больше того, он страшно радовался предстоящему выходу в свет.

— Ты еще можешь передумать и отказаться, — сказал я ему по дороге в школу в тот день, на который был назначен поход на футбол с Марком Крамером.

— С чего это я буду отказываться? — возразил Сэм, тряхнув длинными волосами.

— С того, что у тебя и так хватает проблем.

— Я с ними вполне справляюсь.

— С того, что девчонки часто отменяют свидания.

— Может, другие и отменяют, а я — нет.

— С того, что ты парень, черт подери! — заорал я, не помня себя.

Он улыбнулся и покачал головой:

— Ты иногда бываешь таким старомодным.

Чарли

Пусть говорит, что хочет, но я видела, как Сэм взволнована предстоящим свиданием с Марком Крамером. Все в классе уже слышали, что Марк пригласил ее на футбол. Некоторые девчонки ее поддразнивали, но было очевидно, что они просто завидуют.

Не так уж часто бывает, чтобы мальчик из шестого класса нижней ступени обратил внимание на девочку из восьмого. А уж если этот мальчик — Предел Мечтаний собственной персоной, так это прямо целое событие.

На перемене мы заметили, что старшие девчонки посматривают издали на Сэм, как будто думают про себя: «Что он такого нашел в этой малявке?»

Сэм делала вид, будто ей все нипочем, но я-то видела, что общее внимание ей приятно. А мы от души ею гордились — может быть, за одним исключением.

Елена

Подумаешь, большое дело. Скорее всего, он не придет или прихватит с собой Ташу, как тогда со мной.

И вообще, многого бы Сэм добилась без моего лифчика с накладками?

Мистер Бертон

Когда Мэтью обмолвился, что его беспокоит, что Сэм собирается пойти на футбол с мальчиком из старшего класса, мы с Мэри долго обсуждали, как нам вести себя в такой ситуации.

Разумеется, со стороны дело выглядит не лучшим образом. Не годится тринадцатилетней девочке встречаться с мальчиком семнадцати лет, особенно если у этого мальчика уже сложилась определенная репутация.

С другой стороны, Сэм не девочка. Что, в сущности, происходит? Двое мальчишек собрались на футбольный матч. Если один из мальчиков при этом одет девочкой, разве это что-то меняет?

Да, меняет. Мы были встревожены. Все это почему-то казалось совершенно неправильным.

Миссис Бертон

Ни он, ни я не произнесли этого вслух, но я знала, что оба мы думаем об одном и том же. Сэму слишком уж понравилось быть девочкой. Не к добру это.

Он начал выщипывать брови. Стал интересоваться нарядами. Завел привычку хихикать. Честно говоря, если бы в один прекрасный вечер он предложил приготовить нам вегетарианский ужин по собственному рецепту или заявил, что хочет стать дизайнером интерьеров, когда вырастет, мы бы ничуть не удивились.

Тут не хочешь, а задумаешься.

Мы ничего не имеем против так называемых меньшинств, но все-таки нам было не по себе.

Марк

Задним числом я понимаю — лучше бы нам было сидеть на трибуне для семейных или, может, на южной трибуне, да вообще где угодно, только не у самого края поля. Там всегда кучкуются самые ярые болельщики, и там определенно не место для девчонки. Но все остальные билеты были распроданы. Сэм сказала, что ей хочется атмосферы и ярких впечатлений.

Она их получила.

Все выглядит по-другому, когда ты не в школьной форме, но Сэм Лопес в тот вечер была совсем непохожа на себя.

Когда она пришла, у главного входа уже собрался народ. Если бы не длинные светлые волосы, я вообще не узнал бы ее в толпе. Она шла какой-то особенной упругой походкой, чуть вразвалочку, смотрела

по сторонам широко раскрытыми глазами с опасной полуулыбкой на лице. На ней были джинсы, кроссовки и пухлая лиловая куртка-«дутик», в которой она казалась даже еще меньше, чем обычно.

— Тут классно, — сказала она, когда я подошел к ней.

Я сказал:

— Я знал, что тебе понравится футбол.

— Дело не в футболе, — сказала она, оглядываясь. — Я чую, в воздухе пахнет агрессией.

— Не волнуйся, — успокоил я ее, — я о тебе позабочусь.

Она посмотрела на меня снизу вверх и засмеялась, чуть ли не с жалостью.

Мы заняли свои места, и к тому времени, как начался матч, я уже понял, что совершил огромную ошибку, придя сюда с девочкой. Вокруг я видел несколько знакомых лиц — разных качков и психопатов, которые всегда приходят на игру, если ожидается большая драка.

Сэм почти не смотрела на поле, все больше на болельщиков, которые орали, свистели, улюлюкали, распевали и дразнили болельщиков противника, разместившихся на северной трибуне.

Потом она тоже включилась в игру. Не прошло и нескольких минут, а она уже орала и выкрикивала обидные слова вместе с самыми отвязными. Я и сам люблю покричать на футболе, но чем больше расходилась Сэм, тем сильнее мне хотелось оказаться где-нибудь подальше отсюда — в кино,

в ресторане, только бы не на футбольном матче, когда играют такие соперники.

Очень скоро другие болельщики начали обращать внимание на ненормальную американку и ее буйные выкрики.

— Давай, детка, так их! — завопил кто-то после того, как она вскочила с места и прокричала несколько отборных ругательств в адрес вражеских болельщиков.

Я шепнул ей:

— Сэм, полегче!

Она глянула на меня. Ее глаза угрожающе сверкнули.

— Какие-то проблемы, мачо? — спросила она.

Я пожал плечами и ничего не ответил.

За пять минут до конца игры неприятности начались всерьез. Противник забил гол прямо против нашей трибуны, и, пока их игроки радовались и обнимались, несколько вражеских болельщиков выбежали на поле, чтобы порадоваться вместе с ними, не больше чем в пятидесяти метрах от нас.

Некоторые из наших не стерпели, сорвались с мест и выскочили на поле, прежде чем распорядители успели их остановить.

Я повернулся к Сэм спросить, не пора ли нам уйти, и как раз успел увидеть, как она вскочила, промчалась по проходу, перемахнула через низенькую ограду и ринулась в общую свалку.

Свалка разрасталась. Все больше болельщиков выбегали на поле. Игроки ушли в раздевалку,

а с дальней стороны стадиона показались десять конных полицейских в специальном снаряжении, предназначенном для разгона демонстраций и пресечения массовых беспорядков.

Что я мог сделать? Гоняться за Сэм по всему стадиону? Тащить ее силком с поля? Поздно, она уже была в самой гуще, где мелькали руки и ноги. Я решил остаться на месте. По крайней мере она будет знать, где меня найти, когда все успокоится.

Но она не собиралась возвращаться. Некоторые из болельщиков противника останавливались в нерешительности, увидев на линии фронта худенькую девочку. Это была ошибка. Они тут же получали от Сэм удар кулаком в лицо или пинок ногой в причинное место.

Когда конные полицейские вклинились между двумя группами сражающихся, многие решили, что с них хватит развлечений на сегодня, и вернулись на свои места, очень довольные, размахивая кулаками. Скоро на поле осталось человек пятьдесят, которые продолжали драться. Сэм, как теперь уже всем известно, находилась в самой гуще. Я выбежал в передний ряд, стал ее звать из-за линии распорядителей, вставших плечом к плечу, чтобы никого больше не пропускать на поле.

Слишком поздно! Кони теснили оставшихся болельщиков. Выдвинулись полицейские с собаками, сбежались журналисты. Среди ослепительных фотовспышек нарушителей хватали по одному, заламывали руки за спину и волокли в фургоны под громкие крики и вопли с трибун.

Так я в последний раз увидел Сэм в вечер нашего свидания: она шла между двумя полицейскими, каждый из которых был вдвое выше ее, фотографы щелкали, как безумные, и люди в толпе показывали на нее пальцами.

В тот вечер никто, ни среди игроков, ни среди болельщиков, не произвел такого фурора, как Сэм Лопес.

Мистер Бертон

Около десяти часов вечера нам позвонил Марк Крамер.

Он сказал:

— Тут кое-что случилось...

Марк рассказал мне, в какой полицейский участок забрали Сэма. Я сказал, что уже еду.

Мэтью

Хотите правду? Отчасти я даже обрадовался, когда позвонил Крамер и мы узнали печальные новости о том, как закончилось романтическое свидание Сэма.

На самом деле все могло быть гораздо хуже. Рано или поздно Марк сказал бы или сделал что-нибудь такое, после чего у Сэма оставался только один выбор: врезать ему по роже или раскрыть нашу страшную тайну.

По крайней мере, эта проблема решилась сама собой, когда Сэм ввязался в драку футбольных болельщиков и угодил за решетку.

Это снова был Сэм, настоящий Сэм. В тот вечер он забыл про свой пинцет для выщипывания бровей, оторвался на всю катушку, как сказал бы он сам, совсем как в старые добрые времена в Соединенных Штатах.

Оказывается, можно переодеть человека в юбку, заставить постоянно общаться с девчонками, надавать ему кучу разных девчонских прибамбасов, но когда дойдет до дела, парень все-таки всегда парень.

Не могу сказать, чтобы эта мысль так уж сильно меня огорчала.

Констебль Чиверс

Ночка выдалась тяжелая. Мы забрали местных болельщиков, распихали их по камерам, на зачинщиков завели уголовные дела, остальных выпустили с предупреждением, дав им сперва остыть часок-другой. Кое-кто из наших сомневался, хорошо ли оставлять вместе с закоренелыми буянами тринадцатилетнюю девочку, которая тоже оказалась среди арестованных, но больше девать ее было некуда, да и те двое полицейских, что ее привели, считали, она вполне способна постоять за себя.

Вскоре после одиннадцати за ней явился некий мистер Бертон. Мы проводили его в комнату для допросов, привели арестованную Лопес и сказали им обоим, что девочку, по всей видимости, сбили с пути нежелательные элементы мужского пола из числа ее знакомых, поэтому мы ее отпускаем со строгим предупреждением.

Мистер Бертон явно испытывал облегчение, но девочка угрюмо смотрела на нас исподлобья, как будто это мы во всем виноваты.

Мы уже собирались с ними распрощаться, но тут дежурный офицер предложил, поскольку мистер Бертон не родной отец девочки, проверить, действительно ли он является ее опекуном.

Я позвонил по телефону, указанному мистером Бертоном. Миссис Бертон объяснила нам, как обстоят дела, но, похоже, ситуация в целом произвела на нее самое неблагоприятное впечатление. Мисс Лопес была отпущена на свободу, и, честно говоря, когда эта девочка доберется до дома, мне на ее месте хотелось бы превратиться в муху и забиться в самую незаметную щелочку.

Смешнее всего, что я только потом вспомнил, почему малышка показалась мне знакомой. Я уже видел ее раньше — в парке, в компании нескольких мальчишек.

Ну и дети пошли, честное слово! Тут есть о чем задуматься.

Миссис Бертон

Они вернулись домой около полуночи. Мне достаточно было взглянуть на Сэма, чтобы понять, что сейчас не время для «разбора полетов».

Джинсы на нем были разорваны, лиловый «дутик», которым Сэм так гордился, весь в пыли и грязи. На щеке ярко-красная ссадина, а под глазом, похоже, скоро проявится основательный синяк.

Он вошел в кухню, не глядя на меня.

— Подыхаю с голоду, — пробормотал он себе под нос, открыл хлебницу, вынул два ломтика и сунул их в тостер.

— Ты в порядке? — спросил Мэтью.

— Само собой, — отозвался Сэм. — Что мне сделается?

— Завтра обо всем поговорим, — сказала я тихо, бросив предостерегающий взгляд на Дэвида и Мэтью.

— О чем тут говорить? — сказал Сэм.

Гренки выскочили из тостера. Сэм схватил один и начал намазывать маслом, даже не подумав положить на тарелку. Откусил большой кусок.

— Ну так чо? — спросил он агрессивно, прожигая нас взглядом. — Это, стало быть, и есть ваш соккер? — Помолчал, жуя гренок. — Знаете, а мне понравилось!

17

Миссис Картрайт

День выдался не слишком удачный. Не успела я войти в свой кабинет, как позвонила миссис Бертон и сообщила, что у Сэм Лопес, как она выразилась, «небольшие неприятности».

Позже выяснилось, что под «небольшими неприятностями» подразумевалось участие в массовых беспорядках на местном стадионе во время футбольного матча. Меня крайне встревожило, что Сэм присутствовала на игре в сопровождении Марка Крамера, одного из самых неблагополучных по поведению мальчиков в шестом классе низшей ступени.

Я сказала миссис Бертон, что, хотя школа «Брэдбери Хилл» ни в коей мере не несет ответственности за то, что происходит с учениками в свободное от учебы время, все же я поговорю как с Сэм, так и с Крамером.

Затем я повесила трубку. Откровенно говоря, только этого мне и не хватало! У нас в школе всегда велась непримиримая борьба с любыми проявлениями хулиганства, и я считала, что данная проблема находится у нас под контролем. По-видимому, я ошибалась — даже ученицы восьмого

класса способны слететь с тормозов и вести себя, как мальчишки.

Мне вспомнился случай на прошлой неделе, когда я застала группу девочек за игрой в американский футбол на школьной площадке. В тот день взгляд Сэм Лопес, наглый и равнодушный, заставил прозвенеть тревожный звоночек у меня в мозгу. К сожалению, интуиция, как всегда, меня не обманула. У этой девочки с самого начала были дурные наклонности, вот она и перенимает у старших мальчиков скверные привычки.

В дверь постучали. Это была моя секретарша, Карен О'Грэди. Она принесла мне газету.

— Извините, если побеспокоила, директор, — сказала она. — Но я думаю, вы должны это увидеть.

Она разложила газету передо мной на столе. Вверху заголовок из одного-единственного слова: «ЧЕРТОВКА», ниже — фотография, занимающая практически всю полосу. На снимке смешались в полнейшем беспорядке полицейские, болельщики, чьи-то руки и ноги. И в самом центре свалки, с белокурыми волосами, упавшими на лицо, и занесенной для удара ногой, хрупкая кукольная фигурка, которая выглядела бы здесь совершенно неуместно, если бы не тот факт, что ее нога вот-вот врежется в лицо другого болельщика, скорчившегося на земле.

— Уже звонят журналисты, — сказала Карен. — Имена арестованных не разглашаются, но, видимо, кто-то из полиции проговорился, что она учится в «Брэдбери Хилл».

У меня сердце замерло от страха. Под удар поставлены годы тяжелого труда! Вся моя карьера, моя, как говорится, репутация опытного педагога разлетится вдребезги от подобной огласки.

— Скажите им, что у меня нет никаких комментариев, — сказала я. — Напомните, что школа не несет ответственности за поведение учащихся в свободное от занятий время.

— Да, директор.

— И еще. После собрания я хочу видеть у себя Марка Крамера и Сэм Лопес.

— Да, директор.

— А сейчас дай мне пять минут, хорошо?

Карен кивнула.

— Чулан, директор?

— Да, — вздохнула я. — Чулан.

Елена

Я просто не могла этому поверить. Когда мы с Чарли пришли в школу в то утро, уже ходили слухи, что Сэм и Марка арестовали во время драки на стадионе. Народ толпился отдельными кучками на школьном дворе, все рассматривали газеты с фотографией Сэм на первой странице, под надписью «ЧЕРТОВКА».

— Вон она, — сказал кто-то.

Мы обернулись и увидели, как Сэм и Мэтью входят в ворота школы. Даже на таком расстоя-

нии можно было разглядеть, что у Сэм подбит глаз. Они шли медленно, и когда Сэм заметила, что все взгляды обращены в ее сторону, на губах у нее появилась сдержанная улыбка. Кто-то из первоклассниц крикнул: «Молодец, Сэм!» Сэм помахала рукой, точно герой-победитель, принимающий приветствия восторженной толпы.

Терпеть не могу выскочек и задавак! Я сказала Чарли:

— Она же всем этим наслаждается. Можно подумать, это невесть какой подвиг — ввязаться в драку на стадионе и попасть в газеты.

Сэм остановилась перемолвиться словечком с Джейком и Тайроном. Она сделала такое движение, как будто пинает кого-то, видимо, показывая, как все там происходило, потом рассмеялась, явно напоказ.

— И как мы теперь? — спросила Чарли. — Она все еще наша подруга или уже нет?

— Бандитка она, вот это уж точно, — сказала я.

— Действительно, — сказала Чарли. — Я не одобряю насилия.

— И я тоже.

Сэм направилась к нам. Народ перед ней расступался, а на ее лице было такое торжествующее выражение, да еще этот черный ободок вокруг глаза, точь-в-точь как у панды, — я никак не могла удержаться, чтобы не улыбнуться. Чарли глянула на меня и беспомощно пожала плечами, покоряясь судьбе.

— Привет, Сэм! — сказали мы в один голос.

Мэтью

Сэм был в восторге. Он не упустил случая покрасоваться. Этот парень — эксгибиционист от природы, а тут такая прекрасная возможность... Очередная прекрасная возможность.

А другие ученики — и старшие, и младшие, и девчонки — почему-то считали, что он совершил нечто замечательное. Как только стало известно, что фотография Сэма Лопеса, избивающего какого-то несчастного болельщика, появилась на первой странице газеты, он сделался настоящей звездой. «Привет, Чертовка!» — орали ему со всех сторон, а Сэм Лопес в своей юбке горделиво, вразвалочку шагал мимо.

Я думал про себя: о чем вообще речь? Человек набросился с кулаками на совершенно постороннего типа да еще и ногой его пинал. Что же тут такого замечательного?

Но нет. Сэма коснулась слава. Неважно по какому поводу. Важно, что слава.

А когда к нему подошла миссис О'Грэди и сказала, что его вызывают к директору, причем немедленно, Сэм, похоже, еще больше раздулся от самодовольства.

Миссис Картрайт

Удивительное средство для разрядки этот чулан. Другие директора школ обращаются к психотера-

певтам, иногда даже принимают транквилизаторы, а я предпочитаю, что называется, выпустить пар, от души накричавшись в чулане.

Моя секретарша Карен, удивительная женщина, уже десять лет работает под моим руководством и прекрасно понимает, как важны для меня эти минуты уединения, поэтому я ни в коем случае не виню ее за случившееся.

Я вошла в чулан, прикрыла глаза в прохладной, приветливой темноте. Действовала я по заведенному порядку. На минуту-другую я, как говорится, открыла свой мозг для разнообразных источников стресса. Я собрала их вместе, словно кучку пыли, которую можно развеять одной только силой крика. Набрала в грудь побольше воздуха.

Подумала о... футбольных хулиганах.

— А-а-а-а-а!

Остановилась, перевела дух. Подумала о... падких на скандалы журналистах.

— А-а-а-а-а-а-а-а-а!

Мне уже стало заметно лучше. Еще один хороший вопль, и я почувствую себя исцеленной, очистившейся.

Подумала о... Сэм Лопес.

— А-А-А-А-А-А-А-А-А-А-А!

Это был великолепный вопль — громкий, протяжный, мощный, такие мне удаются нечасто. Накричавшись, я почувствовала себя заново родившейся. Я снова контролирую ситуацию, я снова директор школы.

Я вскинула голову, расправила плечи, распахнула дверь чулана — и столкнулась лицом к лицу с Сэм Лопес.

— Полегчало вам, миссис Картрайт? — спросила она, развалившись в кресле для посетителей с широкой улыбкой на нахальном личике.

— Я, э-э-э... искала кое-какие канцелярские принадлежности, — сказала я.

— Само собой, — сказала она. — Приятно иногда отвести душу, правда?

Я уселась за свой рабочий стол, взяла в руки сегодняшнюю газету.

— Будь добра, объясни, что это значит?

Она пожала плечами, потрогала заплывший глаз.

— Наверное, мне тоже захотелось выпустить пар.

Я сделала глубокий вдох и принялась ее отчитывать, но после того, что произошло, я была не в лучшей форме. Примерно через минуту я велела Лопес прислать ко мне Крамера.

— Да вы не переживайте насчет Маркуши, — сказала она, поднявшись на ноги. — Он тут ни при чем.

Я сказала, что сама буду решать, кто здесь «при чем».

— Само собой, — сказала Лопес и подмигнула здоровым глазом. — Само собой!

Зая

В то утро я немножко опоздала в школу. Когда я пришла, все уже только и говорили что о Сэм, и Марке Крамере, и о большой драке на футболе.

Я с ней не разговаривала, но видела, что она счастлива. Словно она была принцессой, вступившей на престол, или хулиганкой, добившейся всеобщего внимания.

Хулиганка. *Хулиганка, хулиганка, хуже всех вокруг...* Получится бесподобная песня!

Оттолин

К этому времени Катастрофа уже совсем озверел от бесконечного ожидания. Его просто достало, что мы тратим деньги на гостиницу и на прокат «Ниссана», а отдачи — никакой. Он то и дело начинал заговаривать на тему о том, что, мол, неплохо бы маленько подзаработать — а «подзаработать» у Катастрофы означает просто пойти и взять, для него это не проблема. Но в конце концов мы решили затаиться и ничего не предпринимать до тех пор, пока не сумеем прорваться в школу.

Честно говоря, Англия не особо впечатлила моего Катастрофу. Однажды сидим мы за тошнотворным гостиничным завтраком, он читает газету и показывает мне переднюю страницу.

Там была какая-то трепология под названием «В наши дни даже маленькие девочки становятся

хулиганками», но Катастрофу зацепила фотография под заголовком. На снимке белокурая девчушка со всей дури пинала ногой пацана постарше во время общей свалки на очередном спортивном мероприятии. Девчушке лет двенадцать–тринадцать, не больше.

— Господи, ведь совсем еще ребенок. Да к тому же девочка. — Катастрофа покачал головой. — Ну и страна!

Тут он внимательнее пригляделся к снимку.

— Где-то я ее уже видел?

Катастрофа

Я понял, что пора действовать. Мой сын не должен воспитываться в подобной обстановке.

С утра пораньше я позвонил директрисе.

Сказал, нам необходимо как можно скорее побывать в школе. Мы, дескать, должны на время уехать. Все это очень важно и очень срочно.

Она говорила со мной довольно рассеянно, как будто думала о другом.

— Возможно, лучше всего вам будет посетить наш школьный концерт, — сказала она. — Там соберутся все дети и учителя, а также многие родители.

Школьный концерт? Что мне делать на школьном концерте? Но тут мне пришло в голову, что среди общей неразберихи будет возможность обшарить все заведение и отыскать моего пацана.

— Конечно, — сказал я. — Буду сердечно рад.

Повесил телефонную трубку и нахмурился.

Буду сердечно рад? Я ли это говорил? Нет, пора уносить ноги отсюда, пока еще не поздно.

Стив Форрестер

Мне пришлось принимать важное решение. Наша новая ученица Сэм оказалась замешана в довольно неприятную историю, связанную с беспорядками во время футбольного матча, хоть я и подозревал, что в случившемся виноват прежде всего Марк Крамер, мальчик из старшего класса. Сэм, при всей ее браваде, девочка впечатлительная, легко поддается влиянию, но все же насилие есть насилие, каковы бы ни были смягчающие обстоятельства.

Я решил не заговаривать в классе о происшествии, но дать понять своим обращением с Сэм, что не одобряю ее поведения.

Думаю, это стало для нее полезным уроком, наглядно показав, как ведутся дела в нашей стране. Она притихла и все больше времени проводила, общаясь с Заей Хан. Они, кажется, затеяли какой-то совместный музыкальный проект.

Зая

Оказалось, что вдохновение осенило меня как раз вовремя. Когда я дала Сэм посмотреть стихи и музыку «Хулиганки», у нее было самое подходящее

настроение, чтобы выдать вокал на том нерве, который у меня был задуман.

На следующий день мы начали репетировать у Бертонов дома. Даже еще не выучив как следует мелодию, Сэм уже исполняла песню с тем оттенком затаенной угрозы, от которого у меня мурашки бежали по коже.

Но возникла небольшая проблема. Припев сопровождался латиноамериканскими риффами в стиле хип-хопа, для этого требовалось еще несколько голосов, поющих — или, точнее, орущих — на фоне ведущего голоса.

Я могла бы сделать это и сама, но нам хотелось создать ощущение толпы: компания девчонок против всего мира. Это нужно было как следует продумать.

Со времени похода на футбол с Марком Крамером Сэм держалась довольно угрюмо и смотрела на всех враждебно, но, пока мы с ней пели, она вроде немного оттаяла. Даже сама подала одну идею музыкального плана.

Она исполняла последний куплет, изо всей силы вытягивая гласные, как вдруг случилась странная вещь. В последней строчке на высокой ноте голос Сэм, вместо того чтобы подняться еще выше по октаве, неожиданно сорвался на своеобразное рычание.

Я даже играть перестала.

— Это что было?

Сэм смутилась, кашлянула:

— Ничего.

— Высоковато? Я могу модулировать пониже, если хочешь.

— Да нет. — Сэм еще раз откашлялась. — Просто я подумала, может, поставить в этом месте хриплое подвывание.

— Подвывание?

— Ну да. Как у Уоррена Зевона в «Оборотнях Лондона». Знаешь Уоррена Зевона?

Я покачала головой. Сэм знает массу древних песен и рок-групп, о которых я и слыхом не слыхала.

— Да, подвывание в духе Зевона будет как раз к месту, — сказала она. — Обязательно нужно это вставить.

Мы попробовали еще раз, поменяли один аккорд, пропели в замедленном темпе, чтобы Сэм могла точно найти нужную ноту, но на этот раз я подпевала ей на терцию ниже, тянула, сколько могла, продлевая причудливый жутковатый диссонанс.

На третий раз мы превзошли самих себя. Дверь распахнулась, на пороге стоял Мэтт, зажимая уши руками.

— Ребята, вы что здесь, кошек мучаете? — поинтересовался он. — Кошмарные звуки!

Сэм глянула на меня и широко улыбнулась своей особенной улыбкой, которую я так люблю.

— Кажется, дело пошло, — сказала она.

Елена

В четверг Зая и Сэм подошли к нам на перемене. Судя по улыбкам, которые им никак не удавалось сдержать, они приготовили для нас нечто специфическое.

— Послушайте, — сказала Сэм. — Наше юное музыкальное дарование сочинило убойную песню, и мы собираемся сыграть ее на концерте.

— А мне казалось, Зая будет выступать соло, — сказала я с подозрением.

— Я передумала, — сказала Зая. — Мы с Сэм исполним песню под названием «Персональная тучка». А еще нам хотелось бы сделать номер в группе.

— В группе? — повторила Чарли. — Что за группа?

Чарли

Забудьте и не вспоминайте! В жизни не слышала о такой безумной идее. Во-первых, на репетиции оставался один день, максимум — два. Во-вторых, у Елены голосок, как будто скребут гвоздем по школьной доске.

Елена

К счастью, у меня неплохой голос (хоть и нескромно так говорить), и я прекрасно умею держаться на сцене.

Я немного беспокоилась насчет Чарли, у нее не очень сценическая внешность, но, в конце концов, мы уж как-нибудь ее прикроем.

Чарли

В тот вечер мы после школы собрались у меня, Зая прокрутила кассету с записью песни. Песня была немножко странная, но чем-то она забирала.

Я спросила:

— А нам что делать?

— Будете выкрикивать вот эту строчку из припева как можно громче, — объяснила Зая.

— Выкрикивать? — удивилась Елена. — Я думала, ты нас петь пригласила.

Ну, тут Зая произнесла целую речь насчет того, как важно и сложно будет попасть точно в ритм, и что наши выкрики — чуть ли не самая главная часть песни.

— А может, я спою второй куплет? — спросила Елена.

Наступила пауза. Нельзя же прямо ей сказать, что Елена Гриффитс, исполняющая соло, вылетит из актового зала школы ровно через десять секунд. Как ни странно, положение спасла Сэм.

— Вам и так придется учить слишком много текста, — сказала она. — И потом, мы надеялись, что вы согласитесь исполнить небольшую подтанцовку — чтобы номер смотрелся более эффектно и сексуально.

Елена всерьез задумалась:

— Эффектно и сексуально? Да, пожалуй, это я смогу.

Джейк

Есть вещи, о которых невозможно говорить с друзьями. Мэтт и Тайрон знали, что мне дома тяжело — я это видел по их глазам, слышал по голосу. Когда они спрашивали при встрече: «Ну чо, все нормально?» — чувствовалось, что они не просто здороваются. Однако говорить о таких вещах как-то неловко.

Но груз проблем давил на мои плечи, словно мешок с цементом. Раньше, когда у нас была настоящая семья, я мог обо всем рассказать маме или хоть сестре Крисси, но теперь все изменилось.

Разговор мигом превратился бы в яростный спор, а потом — в скандал с вечным перетряхиванием все того же грязного белья. Что я не помогаю по дому. Что я замкнулся в себе. Что не занимаюсь с младшей сестренкой Лили. Что я тупой. Что я ни на что не гожусь.

— Типичный мужчина, — скажет мама.

А Крисси подхватит:

— Характерное мужское отношение к жизни.

И обе они засмеются злым ломким смехом, хотя все мы знаем в глубине души, что все это совсем не смешно.

В пятницу на большой перемене я отдыхал душой в стороне от всех на школьном дворе, и тут Сэм Лопес, чертовка и героиня школы, заметил меня и подошел.

И давай трепаться обо всем на свете: о том, что происходит в его жизни, о том, как он собирается выступить на школьном концерте вместе с Заей Хан, и так далее. Я что-то вежливо бурчал в ответ. Честно говоря, жизнь и приключения мальчика-девочки Сэма уже сидели у меня в печенках.

— А как поживает твой старик? — спросил он ни с того ни с сего.

— Нормально, — ответил я на автомате.

— Значится, ты с ним так и не поговорил?

— Значится, он мне пока не звонил. Мой папа — занятой человек.

Сэм посмотрел на меня, нахально прищурившись.

— Я ж тебе говорил. Кто-то должен сделать первый шаг.

— Спасибо за совет, мистер Семейный Психолог.

Недели две назад Сэм обозлился бы и ушел, но сейчас он только улыбнулся.

— Придешь завтра на концерт?

Я пожал плечами.

— Вообще-то не собирался, но мама настаивает. Она обожает появляться на таких сборищах. Чтобы почувствовать себя настоящей родительницей.

— Отшей ее.

— Что?!

— Отшей мамулю. Для нее еще будут другие концерты. Скажи своему папке, что хочешь пойти с ним.

— Это же вечер субботы. У него наверняка другие планы.

— Ставлю пять к десяти, что он согласится.

— Сэм, я в этом не уверен.

— Иногда приходится быть взрослее, чем сами взрослые.

В эту минуту я заметил, что к нам приближается Марк Крамер, а за ним чапают двое его дружков из шестого класса низшей ступени, Джим Кили и Лайам Мерфи.

Марк

Комментарии окружающих у меня уже вот где сидели. Два дня подряд парни из моего класса доставали меня по поводу моего свидания с Сэм. Говорили, мол, по слухам, я спрятался под сиденье на трибуне, пока она сражалась с приезжими болельщиками. Мол, малявка из восьмого разоблачила меня. Я не тот крутой парень, каким стараюсь казаться. Может, в другой раз мне попробовать пригласить на свидание семиклашку? Это уже были не просто шутки.

Между нами, мне не особенно-то и хотелось снова идти куда-нибудь с Сэм. Ее поведение в тот вечер разрушило чары. Может, в глубине души я немного старомоден, но если есть выбор (а вы-

бор у меня есть, уж вы мне поверьте), я предпочитаю встречаться с девочкой, которая и ведет себя более-менее как девочка.

С другой стороны, тут дело принципа. Марк Крамер не допустит, чтобы какая-то тощая девчонка выставила его дураком перед друзьями.

Итак, вот что я сделаю. Предложу ей встретиться в эти выходные. Пойдем куда-нибудь в безопасное место, где она не сможет ввязаться в драку. Я добьюсь, чтобы она стала моей девчонкой, хочет не хочет. А потом пошлю ее куда подальше.

В школе скоро все об этом узнают. Марк поразвлекся с Сэм. Все опять в норме. Мистер Гроза Девичьих Сердец снова с нами!

Мэтью

Знаете, когда по телевизору показывают документальный фильм о природе, стадные животные ведут себя так, словно они всего-навсего части единого огромного организма. Так же и в школе. Все без слов чуют, когда назревают неприятности. Ничего еще не произошло, а все стадо уже насторожилось.

Я разговаривал с Тайроном и вдруг заметил, что Марк и еще двое парней направляются к Сэму с Джейком. Было похоже, что Марк неспроста держится между своими двумя приятелями, как будто готовится к атаке.

Мы решили подойти поближе.

Зая

Я была с Чарли и Еленой, мы искали Сэм, чтобы договориться насчет общей репетиции после школы. Сэм нигде не было видно.

Наконец мы углядели ее в дальнем углу двора. Ее окружили мальчишки.

Марк

Да не собирался я ей угрожать! Просто хотел, чтобы ребята сами увидели, что Марк Крамер еще не растерял квалификацию. А если они стояли по бокам от меня, пока я разговаривал с Сэм, так что с того? А как им было стоять — гуськом «в затылок», что ли?

Я так это дружелюбно ей говорю:

— Привет, лапуся.

Она на мгновение отвела взгляд от своего приятеля, Джейка или как его там зовут, и сказала:

— Отвали.

— Как у тебя глаз, все зажило?

— Конечно. Нет проблем.

И снова повернулась к Джейку.

— Что ты делаешь в субботу, киска?

Сэм как будто не слышала. Я сказал:

— Хочешь прошвырнуться в клуб?

Она сказала:

— Я занята. И кстати, просто для протокола, я тебе не киска.

Я засмеялся, подмигнул соплякам из восьмого, Мэтью и Тайрону, которые случайно проходили мимо и остановились послушать.

— Совсем недавно она разговаривала по-другому, — сказал я им.

Видимо, смысл моих слов не сразу проник в хорошенькую головку Сэм. Но потом она шагнула ко мне.

— Слушай, шел бы ты отсюда, а? — сказала она тихо. — Завтра я выступаю на этом тухлом концерте, да если бы даже и не выступала, я скорее сдохну, чем еще раз пойду с таким лузером, как ты.

— Да что ты говоришь? — Я шарил в мозгах, отыскивая убийственный ответ, но, против обыкновения, ничего не находил. — С чего бы это?

Елена

Сэм только насмешливо улыбнулась в ответ, глядя на Марка в упор.

— Почему я с тобой не пойду? — проговорила она. — Потому что у меня свидание с другим.

Мы с Чарли уставились друг на друга, вытаращив глаза. Вот это новость!

— Ах, коне-ечно! — ехидно протянул Марк. — С кем же это, малявка?

Сэм пожала плечами и не спеша направилась к самому маловероятному кандидату на роль кавалера во всей нашей школе.

Тайрон

Чего-о-о?

Мэтью

Тайрон попытался улыбнуться. Когда Сэм закинул руку на его широкие плечи, он дернулся было прочь, но Сэм держал крепко.

— Не может быть! — сказала Чарли. — Тайрон? Он же такой... В смысле, Тайрон, он и есть Тайрон!

— Она пошутила, — сказал Марк. — Кому это надо — встречаться с сопливым жиртрестом?

— Тебе просто завидно, — сказал Сэм. — Тай настоящий мужчина, не то что ты.

В мгновение ока все взоры устремились на Тайрона — темную лошадку школы «Брэдбери Хилл».

Он с трудом сглотнул и сказал слегка дрожащим голосом:

— Кончай приставать к моей девушке.

Марк, не слушая его, уперся взглядом в Сэм.

— Ну ты и тупая, — только и сказал он и пошел прочь, стараясь сохранить остатки достоинства.

За ним ушли Джим и Лайам.

— Поздравляю, — сказал Джейк, в изумлении качая головой. — Истинная любовь побеждает, как всегда!

— Я потрясена, — сказала Чарли.

— В тихом омуте черти водятся, — сказал я.

— Не верю! — чуть слышно прошептала Зая. — Я просто не могу этому поверить!

Миссис Картрайт

Самодеятельный концерт в школе «Брэдбери Хилл» — это замечательное событие. Он дает возможность детям проявить свои таланты. Родители учеников, а также будущих учеников, в такие дни могут лучше познакомиться со школой. Кроме того, я всегда стараюсь пригласить несколько влиятельных членов местного совета и журналистов. Получается, как говорится, своеобразный праздник сбора урожая в плане рекламы нашей школы.

Но в этом году предстоящее мероприятие самую чуточку меня тревожило.

Учебный год начался несколько нестандартно. В первый же день случилась потасовка на школьном дворе, девочки из восьмого класса начали вести себя как мальчишки, двое учеников оказались замешаны в массовой драке на стадионе, а мои осведомители из шестого класса низшей ступени доносили, что Марк Крамер затевает что-то нехорошее.

Не в моем характере взваливать вину за происходящее на одного конкретного индивидуума, но я не могла не заметить, что у всех этих проблем имеется некий объединяющий момент.

Треклятая маленькая американка! Какой бес меня толкнул принять ее в школу?

Потрясающая шуточка. Дико смешно. Спасибо тебе громадное, Сэм. Сначала он вбил моей мамуле в голову, что я прямо какой-то бог любви подросткового возраста, лелеющий тайную честолюбивую мечту выучиться на бухгалтера. А теперь еще разыграл, якобы я у Марка главный соперник, и в результате я сделался врагом номер один для Марка Крамера и его банды.

Куда уж хуже? Разумеется, есть куда.

— Как поживает твоя симпатичная подружка? — спросила мамуля вечером в пятницу. — Ты как будто в последнее время стал реже с ней встречаться.

Я пожал плечами:

— Ну, знаешь, как там было сказано: чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей.

Неверный ход!

— Послушай-ка меня, Тайрон Шерман. — Мамуля моментально переключилась в режим ответственного родителя, заботящегося о воспитании своего отпрыска. — Если природа наделила тебя исключительной привлекательностью для противоположного пола, это не значит, что ты вправе злоупотреблять своими возможностями. Я не желаю сидеть сложа руки и смотреть, как ты ведешь себя, словно какой-то... коварный соблазнитель.

— Мама, никакой я не коварный соблазнитель, — вздохнул я устало. — На самом деле Сэм просто готовится к концерту школьной самодеятельности, это будет завтра вечером. Она выступает в ансамбле девчонок.

Ой-ой! Я увидел выражение маминого лица и понял, что опять лопухнулся.

— Школьный концерт? — повторила она. — Завтра? А я и забыла!

— Мам, совсем не обязательно...

— Ни слова больше, Тайрон Шерман. Ты должен болеть за свою подружку, и точка. Мне не терпится услышать, как она поет!

Замечательно. Только этого мне и не хватало.

Чарли

Странное дело. С тех пор как Сэм ошарашила нас, объявив, что ей нравится Тайрон, Зая ходила как в воду опущенная.

— Забудьте о репетициях! — огрызнулась она, когда мы забирали свои куртки в гардеробе после уроков. — Наша группа ушла в прошлое. Я буду выступать соло.

— Но ведь хорошо же получалось! — удивилась я. — В чем дело?

Зая помотала головой:

— Вы не поймете.

— Мы столько работали, — расстроилась Елена. — Я собиралась надеть новый топик!

— Простите меня, — сказала Зая. — Я просто не могу, и все... Не могу ничего объяснить.

В этот момент появилась Сэм.

— Я тебя искала, — сказала она Зае. — Нужно поговорить.

— Иди поговори со своим драгоценным Тайроном, — сказала Зая.

— Мне нужно поговорить с тобой.

— Отстань, — сказала Зая.

— Я провожу тебя до дому. Я должна кое о чем тебе рассказать.

Тут я впервые почувствовала неладное и решила разыграть деликатную подружку.

— Мы тебе потом позвоним, — сказала я тактично.

Сэм с Заей пошли прочь. Сэм что-то очень серьезно говорила на ходу, а Зая слушала и кивала. Они смотрелись... ну, я не знаю, совсем как влюбленная парочка.

— Что-то я не пойму, — сказала Елена. — Что с ней такое?

Я сказала:

— Спроси что-нибудь попроще.

Зая позвонила через несколько минут после того, как я добралась до дома.

— Насчет репетиции, — сказала она. — Завтра в десять, у Сэм.

— Вроде наша группа распалась?

— Я передумала.

— Что же изменилось?

В трубке послышался Заин смех:

— Все изменилось — жизнь, любовь, шоу-бизнес!

А я-то всегда считала ее самой нормальной из всех нас.

Оттолин

Что-то британская еда мне не по нутру. Уже сколько дней подряд меня тошнит от их завтраков и обедов. Погода стоит серенькая, пасмурная, да и сам Катастрофа, между нами говоря, не совсем тот, каким был раньше.

Вот уже целую неделю он ни разу никого не ударил. Пристрастился к английскому пиву. Однажды какой-то автомобиль выскочил прямо перед его «Ниссаном», так что ему пришлось резко затормозить, а он только головой покачал и засмеялся.

— Ох уж эти англичашки, — сказал он почти с нежностью.

Неправильно все это. Ненормально. Не за такого Катастрофу Лопеса я выходила замуж.

И вот накануне школьного концерта он вдруг принялся лезть из кожи, как будто на самом деле хочет произвести впечатление на школьных учителей. Купил жуткий костюмчик — темно-синий блейзер и брюки с отворотами.

— Катастрофа, ты похож на отставного британского полковника, — сказала я ему в пятни-

цу вечером, когда он прихорашивался у нас в номере.

— Это маскировка, детка, — ответил он. — Англичане славятся тем, что не любят модной одежды. Шикарные шмотки их пугают.

— Значит, ты даже свои любимые темные очки не наденешь?

Катастрофа посмотрел на себя в зеркало. Попробовал снять очки, поморгал, потом быстро снова нацепил их на нос.

— Очки оставлю, — говорит. — Я без них ничего не вижу.

Я обняла его и шепнула:

— Так мы сможем вернуться в Штаты? Я соскучилась по дому.

— Само собой, — сказал Катастрофа. — Завтра в это же время мы уже будем в пути. Втроем. Плюс еще хороший жирный счет в банке.

— Чудесно, — промурлыкала я.

Но, сказать вам правду, на душе у меня было нерадостно, особенно насчет того, что мы будем втроем. Знаете поговорку: трое — уже толпа?

Зая

Она мне все рассказала. Он мне все рассказал. Правда вышла наружу, когда он провожал меня домой после школы. Надо бы рассердиться, но я не сердилась. Я была счастлива, так счастлива, как никогда в жизни.

Она на самом деле — он. Мы — это мы. А я? Для меня сбылись наяву слова моей песни.

Я в небе так высоко,
И мне ничего не жаль,
И персональная тучка
Меня уносит вдаль.

18

Джейк

Сколько мог, я откладывал звонок отцу — думал, если тянуть подольше, глядишь, оно само собой как-нибудь решится. Но утром в субботу я почувствовал — сейчас или никогда. У нас телефон без шнура, я отнес его к себе в комнату и набрал номер.

— Джейк?

Отец вроде удивился и, как мне показалось, не слишком обрадовался, услышав голос своего сына. Он начал задавать обычные занудные вопросы про школу, про занятия, о чем угодно, только не о том, что на самом деле происходит в его и в моей жизни. Я его перебил.

— Сегодня вечером у нас в школе концерт. Ты можешь прийти?

— Концерт? Но... — Он хмыкнул. — Ты же ни на чем не играешь.

В этом он весь — всегда умеет поддержать сынулю.

Я сказал:

— Там будет играть кое-кто из моих друзей. Я думал, ты захочешь расспросить учителей насчет моей успеваемости.

— Когда это я занимался такими вещами? — сказал он, чтобы потянуть время. — А как же мама?

— Я тебя приглашаю. Пожалуйста, пап.

В трубке — молчание. Я уже собирался сказать, чтобы он забыл обо всем об этом, но тут он заговорил:

— Мне бы очень хотелось пойти, Джейк, но я не хочу больше конфликтов с мамой.

— А если она согласится?

— С огромным удовольствием приду.

Когда я спустился вниз, мама и Крисси были на кухне.

— Мам, — сказал я, — ничего, если я пойду сегодня на школьный концерт с папой?

Они обе посмотрели на меня так, как будто я сказал что-то жутко неприличное.

— Я иду с тобой на концерт, Джейк, — сказала мама. — Мы же договорились.

— Папа хочет пойти.

Мама рассмеялась:

— Лишь бы только меня задеть! Этого человека всегда видно насквозь.

— Да-да, — подсуетилась Крисси. — Как будто он когда-нибудь интересовался школьными концертами, верно?

Я сказал:

— Это я его пригласил.

— Очень мило, — с горечью проговорила мама.

— Мама так мечтала об этом концерте, — сказала Крисси. — Мужчины такие эгоисты, честное слово! У них везде и всюду только я, я, я!

Мама смотрела на меня, и я знал, каким будет следующий ход в нашей маленькой игре. Сейчас она начнет давить на совесть.

— Нет-нет, ничего страшного. — Мама мужественно улыбнулась. — Я, конечно, найду чем заняться. Я забочусь о тебе всю неделю, а папа развлекается с тобой по выходным. Так уж устроен современный мир.

— Просто я очень давно с ним не виделся.

— Ах! — воскликнула Крисси. — Давайте все будем жалеть бедненького Джейки.

Мама пропустила ее слова мимо ушей. И вдруг, к моему изумлению, она кивнула.

— Ради тебя, — сказала она. — Имей в виду — не ради него, только ради тебя.

— Спасибо, мам, — сказал я и быстро чмокнул ее в щеку, пока она не успела отвернуться.

Мэтью

Когда Сэм пригласил меня на репетицию, я сразу понял — что-то готовится. Зачем я девчонкам понадобился? Наверняка тут нечто, не связанное с музыкой.

Мама с папой по субботам делают закупки, а значит, дома, кроме нас, никого не было.

Девчонки пришли все вместе, Зая тащила на плече гитару и улыбалась от уха до уха, как будто ей только что сообщили самую замечательную новость на свете.

Я принес им лимонаду из холодильника, точно мы с ними лучшие друзья. Они направились в гостиную, и тут Сэм так это небрежно обронил, что я остаюсь на репетицию.

— По-моему, лучше не надо, — сказала Елена, бросив взгляд на Заю.

Но Зая пожала плечами, уселась на диван и раскрыла футляр с гитарой.

— Я не против, — объявила она. — Может быть, даже полезно, если у нас будет аудитория.

— Зая! — Елена встала перед ней, уперев руки в боки с самым возмущенным видом. — А может быть, решать должен коллектив?

Зая покосилась на Сэма и улыбнулась.

Сэм улыбнулся в ответ. Как-то очень по-мужски улыбнулся. Я вдруг понял, что сейчас будет.

Сэм встал.

— Девчонки! — произнес он.

Что-то такое прозвучало в его голосе, отчего Чарли и Елена встревоженно посмотрели друг на друга.

— Что значит — «девчонки»? — спросила Чарли.

— Ты к нам обращаешься? — спросила Елена.

Сэм широко раскинул руки, явно наслаждаясь моментом.

— Мне нужно кое-что вам сказать.

Нет! Об этом даже и думать нечего! Это невозможно! Вредная янки снова нас разыгрывает!

Но, слушая Сэм, я смотрела сперва на Зою, потом на Мэтта.

Я спросила:

— Это правда?

Мэтт кивнул:

— Сэм — мальчик. Всегда был парнем и всегда будет. Просто шутка вышла из-под контроля.

— Вышла из-под контроля?! — взвизгнула Елена. — Не то слово! Ах ты, урод! А мы-то думали, ты из наших...

— Я и есть из ваших. Послушай, Эл...

Но Елену уже было не остановить.

— Подумать только, что я для тебя делала! Рассказывала свои секреты, тратила на тебя время, делилась косметикой! Даже лифчик тебе одолжила!

Сэм скосил глаза на свою грудь.

— Мне будет чуточку не хватать этих буферов, — заметил он.

— Я даже делилась с тобой тампонами! — завопила Елена в полном отчаянии. — Ты хоть понимаешь, насколько это личное? Девушки не делятся тампонами с первым встречным!

— Особенно если этот встречный — парень, — пробормотала бессердечная Зая.

— Такое чувство, что меня просто... использовали, — всхлипнула Елена.

— Я был тебе искренне благодарен, — сказал Сэм. — По крайней мере, ты мне помогла решить проблему с Марком — удалось отговориться критическими днями.

— Да-да, а как же насчет Марка? — вмешалась я, стараясь увести разговор в сторону от Елены с ее тампонами. — Для чего все это было нужно?

Сэм с улыбкой пожал плечами:

— Строго между нами, у наших с ним отношений с самого начала не было будущего.

— Вот он разозлится, когда узнает, — сказал Мэтт.

Мысль о том, какое будет лицо у мистера Грозы Девичьих Сердец, когда он поймет, что его последняя подружка — парень, слегка разрядила напряженную атмосферу в комнате.

Я спросила:

— А когда это случится?

— Вот сегодня отыграем концерт, — сказал Сэм, — а там посмотрим, что и как.

Зая уже перебирала струны гитары.

— Я думала, мы настоящий девчачий ансамбль, — проворчала Елена. — Вряд ли я соглашусь работать на подпевке у мальчишки.

— А ты еще разик притворись, что я девочка, — сказал Сэм. — Сделай это ради меня.

— И меня, — улыбнулась Зая.

— Пожалуйста, Эл, — сказал Сэм.

Елена

Ну вот, всегда одно и то же! Ответственность за судьбу нашего ансамбля опять ложится на хрупкие плечи Елены Гриффитс. Хотела бы я знать, почему все важные решения приходится принимать именно мне?

Они меня умоляли. Видимо, в глубине души все прекрасно понимали, что без меня никакого ансамбля не будет, что в каком-то смысле все держится на мне.

Я сказала:

— Ну, не знаю...

Посмотрела на их встревоженные лица и решилась. Еще один раз пожертвую собой и сделаю, как они просят.

— Ладно уж, — кивнула я. — Поехали!

И Зая ударила по струнам. Зазвучали первые аккорды «Хулиганки».

Мэтью

Гитара, потом Сэм поет соло, Зая вступает со своей гармонией, в припеве подключаются остальные — исполнение «Хулиганки» шло по нарастающей.

Как все это звучало? Сказать по правде, не так чтобы замечательно. Казалось, все четверо тянут в разные стороны, причем вразнобой. Елена и Чарли смущались и смотрели в пол. Их выкрики боль-

ше напоминали попискивание детишек в песочнице. Зая дергала струны, из последних сил вытягивала вокальную партию. Даже у Сэма был такой вид, словно ему очень хочется оказаться где-нибудь подальше отсюда.

— Хорошо, — соврал я, когда они закончили.

— Думаешь? — засомневалась Зая, догадываясь, что я говорил из вежливости.

— Ну... неплохо. — Я поторопился сменить тему, пока меня не раскололи. — Кстати, ребята, а как вы называетесь?

Все четверо тупо уставились на меня.

Можете себе представить? Организовали группу, а сами даже названия для нее не придумали!

Тайрон

Только в субботу, уже под вечер, когда мамуля вернулась домой после пробежки по магазинам, я начал осознавать, что Сэм повесил на меня очередную проблему.

Я лежал на кровати с книжкой, а мамуля впорхнула в комнату и сделала пируэт, необыкновенно довольная собой. Она смотрела на меня с ожиданием.

— Ну как? — спросила она.

— Что — как?

— Как тебе мой наряд, который я приготовила для школьного концерта? Только не говори, что ты ничего не заметил!

— Ах, наряд. Кажется, что-то новое?

— О, эти мужчины! Они никогда ничего не замечают! Спорим, Сэм сразу обратит внимание, как только увидит меня сегодня вечером.

Я сел на кровати. В самом деле, мамуля купила себе новый костюм: нелепая просторная рубаха и юбка в том же духе, из ткани, похожей на старую мешковину.

— Сэм — девочка очень естественная, земная. — Мамуля снова сделала пируэт. — Поэтому мне хотелось, чтобы мой наряд говорил ей: «Мама Тая — преуспевающая, элегантная женщина, но в то же время она добрая, отзывчивая и обеими ногами твердо стоит на земле». Как, по-твоему, Тай, удалось мне это выразить?

— Мам, Сэм будет на сцене. Ей будет не до твоих нарядов.

— А после концерта? Мы втроем будем общаться с другими родителями — я, мой сын и его очаровательная талантливая подружка. Все будут на нас смотреть. Я должна выглядеть соответственно.

— А, да, конечно. Я забыл про других родителей.

— Как они будут мне завидовать! — Мамуля рассмеялась и вдруг нахмурилась. — А Сэм не подумает, что я пытаюсь затмить ее своим нарядом? Девочки-подростки ужасно чувствительны к таким вещам.

Я снова уткнулся в книжку. Похоже, мамулю ждет основательный шок. Впервые в жизни она

начала мной гордиться, и тут ее подстерегает еще более страшное унижение.

Я сказал:

— Не сомневаюсь, что она будет в восторге.

Мэтью

Школьный концерт — довольно показушное мероприятие. Миссис Картрайт любит делать вид, будто вечер самодеятельности затевается для того, чтобы дети могли выразить себя, проявить свои музыкальные и актерские дарования, и тра-ля-ля, но по правде, все делается только ради взрослых.

Родители получают возможность полюбоваться потрясающими успехами своих деток. Учителя могут хоть ненадолго притвориться нормальными людьми. А главное — родителям будущих учеников и важным шишкам из местного совета наглядно показывают, каким замечательным учебным заведением стала школа «Брэдбери Хилл» под чутким руководством миссис Дейрдре Картрайт.

Короче, шоу-бизнес. Сплошной шоу-бизнес, и больше ничего.

Так что, если ты не страдаешь манией величия и не являешься учительским любимчиком, на школьном концерте тебе делать нечего.

В прошлом году я был новеньким. Маме с папой страшно хотелось показать, какие они любящие родители. Смотреть на большинство выступлений было достаточно противно, но еще

гаже — видеть, как учителя чуть на ушах не стоят, чтобы подлизаться к родителям. Я тогда поклялся, что на будущий год лучше слягу в постель с тяжелым гриппом, чем еще раз переживу такое.

Но вот год прошел, и я снова на школьном концерте, и все благодаря двоюродному братцу из Америки.

Первыми, кого мы увидели на подходе к школе, были Джейк и его папа мистер Смайли. Обычно в таких случаях Джейк мнется на заднем плане и на лице у него написано, что он только и мечтает оказаться подальше отсюда, но на этот раз, увидев нас у школьных ворот, он — подумать только! — шагнул нам навстречу.

— Здравствуйте, мистер и миссис Бертон, — поздоровался он, точно самый воспитанный мальчик на свете. — Здравствуй, Мэтью. Здравствуй, Сэм.

Сэм ответил со странным смешком:

— Ну, здравствуй, здравствуй, друг Джейки.

— Сэм, это мой папа.

Джейк кивнул в сторону своего отца.

Надо вам сказать, что папа у Джейка — типичный менеджер высшего звена, но в тот вечер он был не в строгом деловом костюме и даже не при галстуке.

— Привет, юная леди, — сказал он, пожимая руку Сэму. — Наслышан, я все про тебя знаю.

— Не будьте в этом так уверены, мистер Смайли, — сказал Сэм. И тут вдруг, заметив что-то,

проговорил: — Пойду приготовлюсь к выступлению, — и мигом исчез.

Через несколько минут появилась миссис Шерман в каком-то безумном платье, которое вздымалось вокруг нее бесформенными складками, и увешанная тоннами бижутерии. За ней шел Тайрон, морщась от смущения.

Подойдя к нам, миссис Шерман обняла Тайрона за мощные плечи.

— Сбегай, пожелай Сэм удачи, — сказала она громко, чтобы мы услышали.

Тайрон промямлил, мол, она волнуется перед концертом.

— Поверь мне, ей будет очень приятно. — Миссис Шерман покосилась на нас. — Я знаю, как девочки воспринимают такие вещи. Может, поцелуешь ее на счастье?

Видимо, мои родители не сумели скрыть, что несколько ошарашены идеей, чтобы Тайрон поцеловал Сэма на счастье, — миссис Шерман обернулась к нам.

— Первая любовь, что поделаешь! — И она весело рассмеялась.

Я изо всех сил пытался положить конец этому разговору, намекнул, что пора занимать места в зале, но маму Тайрона было не остановить.

— Только не говорите, будто вы ничего не слышали, — сказала она моим родителям. — Мой Тай и Сэм — парочка.

— Парочка чего? — не врубилась мама.

— Влюбленная парочка. — Миссис Шерман гордо улыбнулась. — Право, эти дети обожают из всего делать тайну!

— Что вы говорите? — сказал мистер Бертон.

— Сэм — подружка Тая. Правда, Тай?

Миссис Шерман

Меня поразило, что Бертоны так удивились моему известию.

— Оказывается, у моего сына репутация настоящего сердцееда, — сказала я, не скрывая материнской гордости. — Девочки к нему так и липнут. Особенно милая крошка Сэм.

Тайрон застонал:

— Мам, ну я тебя прошу...

— Это... очень интересно, — сказала Мэри Бертон несколько высокомерно.

— Пойдем займем места в зрительном зале, — прибавил ее муж, похожий на мышонка.

Я последовала за ними, улыбаясь про себя. Могли бы хоть попытаться скрыть, как они мне завидуют.

19

Мэтью

До начала концерта оставалось несколько минут. Актовый зал быстро наполнялся, но мы сумели отыскать свободные места в пятом ряду. Мы сидели рядком: три семьи, семь человек, несчетное количество тайн и секретов. Зрители рассаживались, постепенно затихали, приготовившись смотреть представление.

Вечер начался не очень хорошо. А дальше пошло еще хуже.

Оттолин

Мы опоздали, можете себе представить? Столько ждали, готовились и чуть было не упустили решающий момент.

Вся проблема была в том, что надеть. Катастрофа задвинулся на своей идее: не выделяться. Целую неделю он бубнил о том, что мы должны выглядеть как настоящие британцы, а в субботу столько времени вертелся перед зеркалом в гостиничном номере, что мы едва-едва успели на концерт.

Зато и старались мы не зря! Никто по нашему виду не смог бы догадаться, что мы не самая обыкновенная, почтенная английская молодая семья, выбирающая школу для своего ребеночка.

Оставалось только разыскать Сэма.

Мэтью

Я почувствовал, что мама крепко сжала мою руку. С широко раскрытыми глазами, полными безмолвного страха, она кивнула на дверь.

Там стояли, будто в рамке, мистер и миссис Лопес, и выглядели они жутко нелепо. На Катастрофе был блейзер, как у яхтсмена, но общий вид несколько портили темные гангстерские очки. Миссис Лопес в юбке в цветочек и широкополой шляпе, словно только что вышла из старого сентиментального фильма.

— Что они здесь делают? — зашептал я. — Они ведь даже не знают, что Сэм учится в «Брэдбери Хилл».

Пока Катастрофа с женой пробирались к свободным местам в третьем ряду, все головы поворачивались в их сторону.

— Все будет хорошо. — Папа, очень бледный, не сводил глаз со сцены. — Сэм сейчас девочка.

— Да-да, верно, — пробормотал я. — Ну, тогда все в порядке.

В зале погас свет. Миссис Картрайт поднялась со своего места в первом ряду, предназначенном

для особо важных персон, и по ступенькам взобралась на сцену.

Сейчас начнется концерт.

Миссис Картрайт

На школьном вечере главное — дети, но я люблю, как говорится, произнести вступительное слово, поприветствовать зрителей, немного рассказать о школе, отметить наши последние достижения, а затем уж уступить место юным участникам концерта.

Мэтью

Таратайка всегда произносит речи по одной и той же схеме. Сначала рассказывает, о чем она собирается говорить. Затем говорит то, что собиралась. Затем повторяет все еще раз другими словами. И под конец напоминает слушателям, о чем она говорила. Когда она выходит на сцену с широкой начальственной улыбкой, все уже заранее знают — это надолго.

Так что я довольно быстро отвлекся и не слишком внимательно слушал, пока она тянула привычную жвачку о том, какие в нашей школе талантливые дети, какие замечательные, чуткие учителя, какого потрясающего успеха добилась школа «Брэдбери Хилл» с тех пор, как ее возглавляет миссис Картрайт... призы, грамоты, всевоз-

можные достижения... Я снова включился только тогда, когда она заглянула в бумажку, которую держала в руке, и объявила, что в программе вечера произошла замена.

— Зая Хан, талантливая девочка из восьмого класса, классный руководитель Стив Форрестер, — нужно заметить, что восьмой класс особенно выделяется своими успехами в этом полугодии, — так вот, вместо сольного номера она выступит с группой, в которую входят еще три девочки. Группа называется...

Елена

«Панды»?!!

Наверное, мы были не в себе, когда выбрали такое название буквально за несколько минут до начала концерта.

— В этом названии заложен глубокий смысл. — Сэм сунул руку в карман жакета, вытащил зажигалку и старую пробку от бутылки. — Все заметят синяк у меня под глазом, так?

— Его трудно не заметить, — сказала Чарли.

Сэм щелкнул рычажком и поднес огонек зажигалки к пробке.

— Значит, нужно это использовать, — заявил он. Подождав, пока пробка обуглится, Сэм поднял ее почерневшим концом вверх. — Мы все будем с синяками — как будто только что из драки.

— Э-э, что-то я не улавливаю, — сказала я, стараясь, чтобы в голосе не прозвучал сарказм. — Зачем это нужно?

— Это будет смешно. Это интересно. И решается проблема с названием. Это будет наша декларация.

— Декларация о том, что мы окончательно свихнулись, — сказала Чарли.

— А что? — сказала Зая, настраивая гитару. — Я видела фотографии парижских моделей с фонарями под глазом. Говорят, в этом году потрепанный вид — самый писк моды.

— Потрепанный вид? Да, кажется, я что-то такое читала в журнале «Heat». — Я протянула руку. — Ну ладно, давайте сюда пробку.

Мэтью

Я почему-то совсем не запомнил первую половину концерта. Две малявки из седьмого пиликали на скрипках. Квартет из шестого низшего вяло исполнил кавер-версии последних хитов. Парень из класса на год старше нашего показал комическую сценку о родителях, состоявшую главным образом в том, что он все время спрашивал зрителей: «Послушайте, что происходит?» Несколько обитателей планеты придурков из нашего класса исполняли африканские народные песни. После каждого выступления Та-

ратайка взбиралась на сцену, чтобы объявить следующий номер.

И вот я сквозь сон услышал, как директриса объявляет то, чего с таким нетерпением ждали все наши.

— А теперь, леди и джентльмены, небольшой экскурс в мир дикой природы — самой дикой, можете не сомневаться! Группа «Панды»!

На сцену вышли Елена, Чарли, Зая и позади всех — Сэм. Руки и лица у них были измазаны сажей, у Сэма оторван рукав рубашки. Выглядели они, как будто только что из-под бомбежки.

В зале повисла потрясенная тишина. В чем дело? Это что, сатира? Но тут душечка миссис Шерман изо всех сил захлопала в ладоши и завопила: «Браво!» Зрители неуверенно засмеялись. Зая взяла первый аккорд «Персональной тучки».

И когда Сэм запел, случилось нечто удивительное. По залу пробежала дрожь, как будто зрители стряхнули с себя привычное состояние вежливой скуки, захваченные звуками голоса Сэма и Заиной гитары.

Мне говорят: живи не сердцем, а умом.
Я говорю: так все мы ляжем и помрем.

Сэм держался так раскованно, словно не выступает на сцене, а просто разговаривает сам с собой. Музыка приближалась к припеву, Сэм повел рукой.

И жизнь уходит, как вода, уходит в никуда.
И вот тогда взлечу я в небеса...

Но когда Зая заиграла припев, проявилась некая проблема. По ходу песни остальным двум «Пандам» нечего было делать, кроме как валять дурака на заднем плане. Чарли покачивалась, как пьяная, а Елена — видимо, потому, что вот уже несколько секунд на нее никто не обращал внимания — принялась выплясывать какой-то выпендрежный танец.

Настроение сломалось. В зале послышались смешки. Я нагнулся и поймал взгляд Джейка, который сидел дальше в нашем же ряду. Он закатил глаза и провел пальцем по горлу.

Стив Форрестер

Выступление группы произвело на меня сильное впечатление. Я знал, что Зая Хан — музыкально одаренная девочка, но Сэм Лопес стала для меня открытием. У нее оказался великолепный голос. В нем звучала злость и в то же время удивительная нежность. Это было ни на что не похоже, это завораживало.

Признаюсь, я не сразу понял, почему они назвали себя «Панды». Только потом я сообразил, что они вложили в это название особый подтекст. Синяки под глазами, следы побоев — по-детски непримиримый взгляд на проблему насилия в семье.

Блестяще! Я был в полном восторге и безумно гордился своими ученицами.

Мэтью

«Панды» закончили песню «Персональная тучка». Пока звучали аплодисменты (больше всех неистовствовала миссис Шерман, которая прямо-таки лопалась от гордости за подружку своего сыночка), я заметил, что Сэм смотрит в зрительный зал.

Он улыбнулся Джейку и его отцу, Тайрону и его мамуле, подмигнул мне. И вдруг я заметил, как изменилось, застыло его лицо.

В третьем ряду он увидел колоритную фигуру своего папочки, мистера Катастрофы Лопеса.

Катастрофа

Я сказал:

— Это та малышка, которую мы видели у Бертонов.

— А она талантливая, — сказала Оттолин.

— Наверное, — отозвался я. — Для канадки.

Мы засмеялись, и тут я заметил, что девочка все еще смотрит на нас. Зло как-то смотрит, враждебно. На одно малюсенькое мгновение у меня мелькнула мысль: что это с ней? Мелькнула и пропала.

Мэтью

Казалось, в зале на несколько минут замерли все звуки, пока Сэм смотрел в упор на своего папашу, а остальные «Панды» стояли вокруг с растерянным видом.

Будут ли они петь еще? Должны ли прозвучать какие-то слова в промежутке между песнями? Или они просто нагнетают напряжение? Во всяком случае, зрители что-то почувствовали, кое-кто начал перешептываться, кто-то нервно засмеялся.

Может быть, миссис Картрайт почуяла, что с ее драгоценным концертом творится неладное. Она поднялась на ноги, как будто собиралась взойти на сцену и объявить следующий номер.

Сэм медленно перевел взгляд на директрису.

— Давай, Зая, — произнес он в микрофон, и Зая начала отбивать темп по деке гитары, в стиле хеви-метал.

Ритм был жесткий, резкий, он звучал куда быстрее и злее, чем в предыдущей песне.

И гораздо, гораздо громче.

Зая

Мы много репетировали, но никто из нас не подумал о том, как перейти от «Персональной тучки» к «Хулиганке».

Сейчас, задним числом, я понимаю, что гнетущая пауза Сэма сработала лучше всяких корявых пояснительных слов, но в тот момент мы все аж вспотели от смущения и страха. Какого черта, что он делает, этот Сэм?

Наверное, от волнения я бессознательно крутила регулятор громкости на своей гитаре, потому что вступительные аккорды прозвучали с такой силой, что нас чуть не смело со сцены.

Я сознавала только две вещи: что зрители смотрят на нас с испугом и что прерваться и начать заново ни в коем случае невозможно.

Короче говоря, «Хулиганка» налетела на зрителей, точно обезумевший поезд. И это еще Сэм не начал петь...

Мэтью

Какие-то странные флюиды пошли на нас со сцены, и все в зале это почувствовали.

Сэм сделал пару шагов вперед, широко расставил ноги, как будто приготовился к драке, уставился в пространство чуть выше зрительских голов и запел.

Нет, если вдуматься, «запел» — неподходящее слово. «Заорал» — тоже не годится. Это было не пение и не крик, это было нечто запредельное — чистая, невероятно прекрасная ярость, как будто ее выкроили прямо из души тупым ржавым ножом.

Мама велит
Носить мне косички,
Папа ворчит:
— Ну что за привычки!
Ты человек
Или клоун из цирка?
Взрослые вечно
Читают морали,
Совсем задолбали,
В мозгах уже дырка!

Миссис Картрайт

Честно говоря, понятие «школьная самодеятельность» не предусматривает тех кошмарных выкриков и воплей, которые неслись со сцены. Я почти уверена, что расслышала, как ученица Лопес произнесла слово «задолбали». Является ли это слово нецензурным? По крайней мере, очень на то похоже. Я повернулась к мистеру Браунлоу, члену городского совета, который сидел рядом со мной, и попыталась извиниться. Разумеется, он ни слова не мог расслышать.

Елена

Мы понимали: сейчас происходит совсем не то, что было на репетициях. Это был совершенно новый Сэм, он поднимал нас ввысь, тащил за собой вместе с музыкой. Было жутковато, но очень здорово.

Мэтью

Не спрашивайте, как реагировали зрители. Я не мог оторвать глаз от Сэма. Он меня просто загипнотизировал. Думаю, что и других тоже.

Тут было настоящее, неудержимое чувство. Музыка говорила о том, что хоть раз в жизни чувствовал каждый из нас, но большинство не решалось даже заговорить об этом — не то, что спеть вот так, при всех.

Сжимая кулаки, Сэм начал второй куплет.

Хочу быть собой,
Кому непонятно?
Но что ни случись,
Сразу я виновата.
Училка зудит:
— Пора измениться.
Я к тебе обращаюсь,
Напрасно стараюсь,
Об стенку горохом,
Как говорится!

Ух, вот это рискованно! Сэм как будто выплюнул последние строчки. Нельзя было не узнать миссис Картрайт! Школьники, не веря своим ушам, завопили и захлопали.

Миссис Картрайт

Я заметила, что в конце второго куплета кое-кто начал оборачиваться в мою сторону. Я улыбнулась, продолжая похлопывать ладонью по колену в такт музыке. Разумеется, девочки не имели в виду какое-то конкретное лицо. Речь шла о старомодных авторитарных учителях, совершенно непохожих на педагогический состав школы «Брэдбери Хилл». Общий тон песни мне решительно не нравился, но я решила переждать ее с улыбкой.

Мэтью

Шуточка на тему Картрайт вывела публику из транса. Мы уже не пугались происходящего на сцене. Мы начали получать удовольствие от выступления. Впервые в жизни на школьном концерте говорилось о том, как есть на самом деле, а не о том, как хотелось бы родителям и учителям.

Когда три девчонки подхватили припев, выкрикивая слова зрителям в лицо, мы дружно начали хлопать в такт.

Хулиганка, хулиганка,
Отбилась от рук.
Хулиганка, хулиганка,
Хуже всех вокруг.
Хулиганка, хулиганка...
Да, я такая!

Чарли

Приходилось выбирать одно из двух. Или исполнить припев в той сдержанной, полной скрытого напряжения манере, в какой Зая его сочинила и в какой мы репетировали, или следовать за Сэмом, которого унесло в какие-то неведомые выси.

Мы пошли за Сэмом. В результате наше исполнение, наверное, больше походило на рев стадиона, чем на нормальную песню, но зато это действовало. К концу первого припева публика просто обезумела.

Мэтью

«Панды» разошлись вовсю. Чарли с Еленой отплясывали на заднем плане, Зая лупила по своей гитаре, словно сбесившийся лесоруб. Но чем больше бесновались все вокруг, тем неподвижнее казался Сэм. Это было и смешно, и жутко, потому что никто и, может быть, даже сам Сэм, не знал, насколько все это для него серьезно.

Парни на танцы
Меня приглашают,
Крошкой-милашкой
Меня называют,
Только они очень скоро узнают:

Милая крошка
Не хочет на танцы,
Эта милашка
Умеет кусаться!

Миссис Картрайт

Хватит! Пора все это прекращать. Я встала с места, оглянулась, чтобы дать знак школьному сторожу отключить микрофоны, и с ужасом заметила, что весь зрительный зал тоже поднялся. Они вообразили, что я предлагаю аплодировать стоя.

Мне ничего не оставалось, кроме как присоединиться к зрительской массе, раскачиваться и хлопать в ладоши вместе с остальными, но про себя я поклялась: подобного больше никогда не допущу в школе «Брэдбери Хилл».

Оттолин

О-ля-ля, бэби! Да здравствует рок-н-ролл! Перекрывая грохот музыки, я крикнула Катастрофе, что давно так классно не отрывалась, с тех пор как прорвалась на концерт «Нью-Йорк Доллз» в CBGB[1], но он по-прежнему сидел, напыжившись, словно мистер Респектабельность из Респектвил-

[1] Легендарный клуб в Нью-Йорке, где выступали многие известные группы. Именно здесь зародился панк-рок.

ля, штат Аризона, а вокруг детишки как будто все с ума посходили.

Наконец и Катастрофа медленно поднялся на ноги, вскинул могучие руки над головой и заорал:

— Йе-йе, держись, хулиганки!

Я так смеялась, чуть не лопнула.

Нет, правда, здорово играли эти малявки.

Зая

Мне, конечно, было жутко приятно. Все-таки «Хулиганка» — это моя песня, и вот при первом же исполнении такой прием! Оставался еще один куплет — про то, что все мы хулиганки и умеем постоять за себя. Под конец еще разочек повторить припев, резкое финальное стаккато, и мы уходим со сцены.

Но наш вокалист решил иначе. Когда начался последний куплет, Сэм сделал нечто странное — поднялся выше на терцию, так что его голос зазвучал резко, напряженно и зло.

И это еще не все. Придуманный мною текст Сэм заменил своим.

Мэтью

Я обратил внимание на перемену в Сэме. Пока звучала песня, он заметно расслабился. Во время

очередного припева Сэм посмотрел прямо на меня, потом на маму, на папу, улыбнулся краешком губ. Потом его взгляд двинулся дальше, остановился на лице Катастрофы Лопеса и уже не отрывался до тех пор, когда песня подошла к своему эффектному окончанию.

Готова драться
Одна против сотни,
Я дикая псина
Из подворотни!
Я пес бездомный,
Лохматый и злой,
Меня не любили,
Прогнали, забыли.
Папочка, милый,
Слушай мой...

Катастрофа

Выкрикнув слова «папочка, милый», девчонка показала пальцем прямо на меня. Я только рот открыл: это еще что такое?

Мэтью

— Во-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о...

Зая, Чарли, Елена и часть зрителей подхватили припев. Голос Сэма все повышался и повышался.

— ...о-о-о-о-о-о-ой...

Это было совершенно ни на что не похоже — кошмарней, чем «Скуби-ду», страшнее, чем «Собака Баскервилей», почище любого волка при луне. Время от времени Сэм на мгновение прерывался, чтобы глотнуть воздуха, но тут же снова продолжал свои завывания.

Сначала в публике засмеялись. Но когда «Панды», дойдя до конца припева, начали недоуменно переглядываться между собой, их растерянность передалась зрителям. В воздухе повисло напряженное ожидание. Аплодисменты и зрительские вопли затихли, Заина ритм-гитара неуверенно тренькнула и умолкла.

А Сэм все не останавливался. Вот он снова набрал в грудь воздуха и взял еще более высокую ноту, как будто испытывал возможности своих голосовых связок.

И вдруг я понял, что сейчас будет.

Тайрон

Голос Сэма сорвался, захрипел. Сэм запнулся, закашлялся, сделал глубокий вдох и...

Джейк

Ого!

Елена

Боже мой!

Катастрофа

Какого?..

Мэтью

Сэм больше не завывал. Он рычал. Из его горла вырывалось низкое, хриплое, чисто мужское рычание.

В зале послышался нервный смех.

Но Сэм еще не закончил. Он подошел к краю сцены. Посмотрел в глаза своему отцу, приблизил микрофон ко рту и медленно, раздельно прорычал этим новым, мужским голосом:

— Да, я такой!

— Это мальчик! — Слово пронеслось по залу со скоростью лесного пожара. — Мальчик... парень... она... он... мальчик!

Я взглянул на нашу директрису, но она впервые в истории лишилась дара речи и выглядела такой же ошеломленной, как и все остальные.

Елена

Кто-то должен был взять на себя контроль над ситуацией, и я решила, что этим человеком будет Елена Гриффитс. Нужно было каким-то образом убраться со сцены, поэтому я шагнула вперед, забрала микрофон из рук Сэма и произнесла:

— Всем большое спасибо. Перед вами выступала группа «Панды». В составе группы: гитара — Зая Хан, вокал...

Джейк

Нет...

Тайрон

Нет!

Мэтью

Елена, не надо!

Елена

— Сэм Лопес!

Джейк

Зрители уже приготовились аплодировать, когда в третьем ряду раздался ужасный рев:

Катастрофа

— ЭТО МОЙ СЫН!

Мэтью

В нескольких метрах от меня Катастрофа Лопес ломанулся к сцене, проталкиваясь между другими зрителями, указывая на Сэма пальцем и продолжая орать во все горло.

Сэм посмотрел на своего отца сверху вниз, и на мгновение я увидел то, чего никогда еще не видел на его лице: страх.

Он повернулся и кинулся к выходу со сцены.

В публике творилось черт знает что, а я повернулся к родителям — они с посеревшими лицами смотрели на дверь, за которой скрылся Сэм.

Я сказал:

— По-моему, пора давать объяснения.

Миссис Картрайт

Сложилась, как говорится, кризисная ситуация. Наскоро переговорив с миссис Спарк — преподавательницей, ответственной за проведение мероприятия, — я объявила, что наш вечер на этом будет прерван, оставшиеся два действия переносятся на рождественский концерт.

Зрители начали расходиться, но мне еще предстояло утихомиривать разъяренного американца. Вначале у меня сложилось впечатление, что этот человек бредит, но он предъявил бумажник с целой пачкой разноцветных кредитных карточек, на каждой из которых красовалась фамилия «Лопес», и я была вынуждена признать, что он вполне может состоять в родстве с нашей ученицей — точнее, как выяснилось, с учеником, Сэмом Лопесом.

Я пригласила американскую супружескую пару, а также мистера и миссис Бертон к себе в кабинет. Мэтью остался дожидаться за дверью.

В кабинете я сказала им напрямик, что все это — их сугубо семейное дело и незачем втягивать школу в совершенно, как говорится, недостойную историю.

Оттолин

— Какую-какую? — рявкнул Катастрофа, стоя посреди директорского кабинета. Сама директорша сидела за письменным столом с такой грима-

сой, как будто кто-то навонял у нее под самым носом. Бертоны сидели рядышком, бледные, встревоженные и очень английские.

— Недостойную, — повторила старая карга, страшно возмущенная тем, что Катастрофа уперся кулаками в стол и наклонился к ней, сверля ее взглядом. — Я не желаю, чтобы нашу школу вмешивали в эту историю.

— Да школа ваша и так замешана по самое не хочу, можете мне поверить, дамочка, — сказал Катастрофа чуть потише. — Обрядили моего сына девчонкой, выпустили в таком виде на сцену, а теперь — не замешаны? — Он нацелил в директрису указательный палец. — Ну-ка, приведите сюда немедленно моего сына, мы его сейчас же забираем с собой, и, может быть, я не стану жаловаться в полицию на все эти ваши штучки.

Миссис Картрайт

Сказать по правде, это предложение звучало вполне разумно, хотя угрожающий тон не произвел на меня благоприятного впечатления. До сих пор моя карьера развивалась весьма успешно, и мне был совершенно не нужен скандал с американским ребенком, которого увезли из родного дома и который сам не знает, мальчик он или девочка.

Я протянула руку, сняла телефонную трубку...

Миссис Бертон

Вдруг Дэвид сделал такое, чего я ни в коем случае от него не ожидала. Он вскочил на ноги, нажал на рычаг телефона и произнес вполне мужественным голосом:

— Не звоните.

Хулиганствующий папаша Сэма уставился на миссис Картрайт:

— Звоните, леди.

— Нет. — Мой муж не собирался отступать. — Нам доверена ответственность за Сэма, и, если это действительно его отец, пусть обращается в суд.

Мистер Лопес медленно повернул голову, почти коснувшись носом лица Дэвида.

— Может быть, пусть мальчишка сам решает?

— Может быть, — сказал Дэвид.

Миссис Картрайт медленно опустила трубку на рычаг, поднялась с места и подошла к двери. Открыла дверь и сказала:

— Мэтью, будь так добр, приведи сюда Сэма Лопеса.

Я услышала голос Мэтью:

— Да, миссис Картрайт.

Директриса снова села за стол.

— Как все это неприятно, — проговорила она.

Мэтью

Когда я вошел в класс, там оказалась целая куча народу. Там были Джейк и Тайрон, мистер Смайли, миссис Шерман, а также мистер и миссис Хан и парочка их младших детишек. Еще была Елена со своей мамочкой — та стояла рядом с родителями Чарли, мистером и миссис Джонсон.

Я даже на секунду позабыл обо всей этой драме вокруг Сэма. Вот они стоят толпой, дружно болтают. Не воюющие стороны: дети против родителей, мальчишки против девчонок, «Заразы» против «Сараев», а просто... семьи. Надо же.

Потом я увидел Сэма.

Он все еще был в юбке, но кто-то одолжил ему белую школьную рубашку — прикрыть голые плечи, волосы свисали растрепанные, как у настоящего хиппи. В эту минуту он не выглядел ни мальчиком, ни девочкой, просто потерянным и несчастным.

— Они все у Таратайки в конторе, — сказал я ему. — Тебя вызывают.

Сэм встал. Зая шепнула: «Удачи», — и Сэм пошел к двери, как на казнь. Только слабо махнул рукой в знак того, что услышал.

— Вот и закончилась операция «Саманта», — сказал он сипло, пока мы шли по коридору.

— Угу, — отозвался я. — Похоже, дни твоего девичества ушли в прошлое.

— Я не смог удержаться, — сказал Сэм. — Смотрю — он сидит в зале с широкой улыбкой на лице,

совсем такой же, как раньше, когда мы все были вместе. И вдруг вот просто нутром понял — нельзя больше от него бегать. Пришло время стать самим собой.

— Теперь ты хочешь вернуться к отцу?

Сэм пожал плечами. Похоже, ему не хотелось об этом говорить. Мы уже подошли к директорскому кабинету. Сэм, не постучавшись, толкнул дверь и вошел.

Я потоптался у порога и тоже вошел.

Оттолин

Катастрофа обернулся посмотреть, кто это вошел в кабинет, и увидел, что за спиной у Сэма стоит английский мальчишка, Мэтью.

— А ты проваливай! — велел ему Катастрофа.

Миссис Бертон сказала:

— Мэтью все это тоже касается.

— Сэм, — сказала директорша, — ты хочешь, чтобы Мэтью остался здесь, или не хочешь?

В это время Сэм смотрел в пол, как будто искал ответа на все свои проблемы среди узоров ковра. Но тут он поднял голову и сказал:

— Конечно хочу.

Елена

Мы пытались вести себя, как будто ничего не случилось, болтали о разных пустяках. Кто-то из родителей (это была мама Тайрона) предложил пойти в пиццерию, но нельзя же было бросить Сэма и Мэтью одних сражаться с папашей-психопатом и его подружкой в Таратайкином кабинете.

В конце концов мы все выползли в коридор и стали дожидаться их под дверью кабинета.

Миссис Картрайт

Я обратилась к довольно необычной группе людей, собравшихся в моем кабинете. Я объяснила, что школа «Брэдбери Хилл» ни в коей мере не может нести ответственности за семейные недоразумения и конфликты, имеющие место за пределами школьной территории, но признала, что было бы желательно найти разумный выход из положения, чтобы ученица Лопес хотя бы знала, с кем она (он) пойдет сегодня домой.

Я спросила как можно спокойнее:

— Не будет ли кто-нибудь столь любезен объяснить, каким образом в моей школе оказался ребенок из Америки, лишенный возможности общаться со своим отцом и с самого начала учебного года носивший женское платье?

Мэтью

Стало очень тихо. Потом заговорила мама. Она рассказала все. По ее словам выходило, что все случившееся не так уж и серьезно. В семье всякое бывает.

Катастрофа

Я кое-что повидал в своей жизни, но, я вам клянусь, никогда еще мне не приходилось слышать такой туфты.

— Давайте-ка разберемся, дамочка, — сказал я тихо, тоном змеи, изготовившейся ужалить. — Вы явились на похороны моей бывшей жены и, пользуясь тем, что меня не оказалось поблизости, умыкнули моего сына. Так? Вывезли его из страны, подальше от родных. Или я что-то недопонял?

Миссис Бертон смерила меня холодным английским взглядом, который я уже успел изучить.

— Такова была воля моей сестры. Она думала, что вы все еще в тюрьме. Она верила, что мы сможем создать для ее сына здоровую семейную обстановку.

— Позвольте только напомнить вам одну незначительную подробность. — Я старался держать себя в руках, но потом взорвался. — В течение трех месяцев вы обряжали его в юбку, черт подери! Так-то вы представляете себе здоровое семейное воспитание?

— Это настоящее извращение, вот что! — воскликнула Оттолин. — Вы, наверное, сломали всю психику бедному ребенку. Он теперь уже и сам не знает, кто он — Сэм или... — Она запнулась. — Саметта? Самина? Самма?

Этот дохляк Бертон посмотрел на Оттолин, как на какую-то мелкую уголовницу. Потом обратился ко мне:

— По-вашему, психика Сэма сейчас в худшем состоянии, нежели в те времена, когда он жил вместе с мистером Лопесом? Я почему-то в этом сомневаюсь. Кроме того, я хотел бы спросить, связано ли наследство Сэма...

Я не желал его больше слушать.

— Сэм — мой сын! — рявкнул я. — Я забираю его с собой!

И я стукнул кулаком по столу. Со всей силы.

Мэтью

От удара Катастрофиного кулака по столу Сэм вдруг словно очнулся. В первый раз с тех пор, как мы вошли в кабинет, он прямо, не мигая, посмотрел в глаза своему отцу.

— Помнишь стену? — тихо спросил он.

— Стену? — Катастрофа угрожающе сощурился. — О чем это ты болтаешь?

— О стене, с которой я видел тебя в последний раз. О стене, которая изменила всю мою жизнь.

Катастрофа глянул на миссис Картрайт:

— Я же говорил, что от этих переодеваний он совсем чокнется.

Потом он снова повернулся к Сэму и сказал с легким оттенком угрозы:

— Дома поговорим о старых временах, сынок.

— Расскажи нам про стену, Сэм, — сказал мой папа.

— Мне тогда только-только исполнилось пять лет, — сказал Сэм, не сводя глаз с Катастрофы. — Ты уже несколько месяцев брал меня с собой на дело. Называл меня «Катастрофа-младший». Говорил, что я теперь тоже член банды.

— Счастливые деньки, — нервно ввернул Катастрофа.

— Можно спросить, какого рода были ваши дела? — поинтересовалась миссис Картрайт.

Сэм продолжал говорить, как будто в комнате больше никого не было, только они с отцом.

— В тот раз ты сказал, что это дело — особенное. Мне дается шанс доказать, что я по-настоящему крутой парень, такой же, как мой папочка. Для этого нужно всего-навсего вылезти на карниз из окна третьего этажа, куда ты меня привел. Дальше надо было сосчитать до ста, а потом перешагнуть на стену, которая выходила на главную улицу города, пройти по этой стене несколько шагов и завопить во все горло. Среди прохожих сразу начнется паника, верно? Никто и не заметит, что на углу трое мужиков мимоходом прихватили

мешок с зарплатой — его как раз привезли в один из магазинов.

— Прихватили? — Похоже, до миссис Картрайт понемногу начинало доходить, о чем идет речь.

— Придумано было неплохо, — сказал Сэм. — Все-таки высота стены — девять метров, а внизу бетонный тротуар. Маленький ребенок, совсем один, на такой верхотуре — тут уж никто не станет смотреть по сторонам, правильно?

Катастрофа пробормотал:

— На суде говорили — семь с половиной метров.

— Но я все испортил, — сказал Сэм. — Я посмотрел вниз, и у меня вдруг закружилась голова. Я здорово испугался. Я кричал, плакал, а потом стал показывать на тебя пальцем и звать тебя, потому что увидел, что ваша машина сворачивает в переулок и ты вот-вот уедешь. Только вы не уехали.

В кабинете стояла мертвая тишина. Все ждали, что скажет отец Сэма.

— Бедный Сэм! — прошептала мама.

Мы посмотрели на Катастрофу Лопеса. Он не был больше крутым и твердым, как бильярдный шар. Он смущенно двинул плечами.

— Ты был не виноват, малыш, — сказал он. — Я сам был во всем виноват. Я был тогда молодой. Ты боялся стены, но ведь и я боялся — боялся увязнуть в семейной жизни, потерять свою свободу, потерять все, что для меня было важно. Иди и схвати мир за глотку — вот девиз Катастрофы Лопеса.

— Ты и сейчас так живешь, — сказал Сэм.

— Клянусь тебе, это не из-за денег, — сказал Катастрофа. — Когда летел сюда, думал, что миллион баксов важнее всего, но после того, как тебя увидел, я стал думать по-другому.

— Какие деньги? — спросила миссис Картрайт. — Кто-нибудь мне, в конце концов, объяснит, что здесь происходит?

— Ты ни разу больше не навестил нас, — сказал Сэм. — Всю свою жизнь я верил, что ты попал в тюрьму по моей вине.

— Слушай меня, малыш. Возникли разные сложности. Некоторые люди очень хотели со мною встретиться, и эти люди не желали мне добра, если ты понимаешь, о чем я. Я не хотел впутывать вас с Гэлакси.

— Вранье! — сказал Сэм. — Ты просто жил своей жизнью. — Он метнул быстрый взгляд в сторону Оттолин. — Ты развлекался, как хотел. И знаешь что? Я тебя не виню. Может быть, когда-нибудь я буду жить точно так же.

Катастрофа неуверенно хмыкнул:

— Весь в папочку...

— Я был тебе не нужен. Ты вспоминал обо мне только тогда, когда я мог быть тебе полезным. Недавно я узнал, что не все люди такие, как ты.

Катастрофа беспокойно пожал плечами.

— Ну слушай, я же был молодой. Что я соображал? С тех пор я изменился, малыш. Теперь я знаю, что такое настоящее чувство.

— Да ну? — Сэм печально улыбнулся. — Сомневаюсь, чтобы у Катастрофы Лопеса хоть раз

в жизни могли появиться настоящие родительские чувства.

На минуту наступила тишина. И вдруг случилось нечто очень странное. Даже еще более странное, чем все, что происходило до сих пор. Оттолин издала протяжный вопль, похожий на звук полицейской сирены.

— У него есть родительские чувства! — выговорила она. — Он по характеру настоящий отец!

— Вам-то откуда знать? — сказал Сэм.

Оттолин посмотрела на него сверху вниз.

— Я не о тебе, придурок сопливый, — огрызнулась она. — От тебя-то ему были одни неприятности. Мы тебя разыскивали только ради бабок. Я говорю о его настоящей семье.

Все так и выпучили глаза.

— Это ты о чем, Оттолин? — спросил Катастрофа.

— О нашем ребеночке. — Оттолин положила руку себе на живот. — Дай мне слово, Катастрофа, что ты будешь по-настоящему любить нашего маленького!

— Хочешь сказать, ты беременна?

Оттолин кивнула и улыбнулась сквозь слезы и сопли.

— Я вчера сделала анализ. Не знала, как тебе сказать, — прошептала она. — Ты все время только и думал про этого своего... заморыша.

Катастрофа широко развел руки и принял рыдающую подружку в свои могучие объятия.

— Детка, детка моя, — приговаривал он. — Я так тобой горжусь, котенок!

Оттолин, уткнувшись лицом ему в грудь, издала еще один удивительный звук.

— Мурр, — проскулила она. — Мурр-мяу...

Я посмотрел на Сэма. Сэм тряхнул головой. Несмотря на все безумие и ужас ситуации, мы дружно расхохотались.

Чарли

Что за звуки доносились до нас из кабинета! Тихий разговор, потом какой-то рев и крики, потом снова тишина, потом пронзительный вопль. Мне до смерти хотелось узнать, что же там такое происходит.

И вдруг, когда мы уже думали, что этот сумасшедший сериал будет продолжаться всю ночь, дверь директорского кабинета распахнулась.

Мэтью

Первыми вышли мы с Сэмом. И очень удивились: в коридоре нас поджидала небольшая толпа.

Секунды две стояла полная тишина. Мы с Сэмом застыли в дверях. Потом я положил руку Сэму на плечи, и оба мы улыбнулись.

Видимо, всем все сразу стало ясно, потому что внезапно раздались аплодисменты, как будто мы

опять на концерте и только что исполнили особо выдающийся номер.

А потом из толпы вырвалась тоненькая фигурка и бросилась Сэму на шею.

Зая

Да-да-да-да-да-да-да!

Мэтью

Тут пошла уже настоящая чертовщина. Лопесы вышли из директорского кабинета все в слезах, директриса надрывалась, призывая всех присутствующих к порядку, миссис Шерман за что-то отчитывала Тайрона — наверное, за то, что его замечательная подружка оказалась мальчиком, Чарли и Елена вместе с Джейком пытались объяснить совершенно сбитому с толку папе Джейка, что здесь происходит и как все это вышло. Объяснить такое непросто!

Я отошел в сторонку и тихо наблюдал за ними. Мама с папой улыбались мне с другой стороны коридора. Мама подняла вверх большие пальцы.

И тут я на какую-то секунду окончательно раскис. Все передо мной расплылось, горло перехватило, в глазах защипало.

Я прокашлялся, шмыгнул носом, расправил плечи и шагнул к остальным. Не время разыгрывать из себя девчонку.

* * *

Если бы эта история была одной из песен группы «Дорз», то какой?

«Странные дни»?

«Корабль дураков»?

«Не спеши»?

«Пляска дикарей»?

Если хотите знать мое мнение, так это была бы песенка под названием «Прорвись на другую сторону».

Мистер и миссис Лопес прорвались на другую сторону, став мамой и папой маленькой девочки по имени Элизабет — ее назвали в честь королевы той страны, где она начала свое путешествие в этот мир. Катастрофа теперь зовется Тони. Ему принадлежит «Персональная тучка», ресторанчик в центре Санта-Барбары.

Мэтью, Елена, Тайрон, Чарли и Джейк совершили прорыв к отношениям, подозрительно напоминающим дружбу. Им открылось то, что другие иногда не могут понять за всю жизнь: бессмысленно воевать из-за различий между мальчиками и девочками. В конце концов, может быть, именно эти различия делают жизнь такой захватывающе интересной.

А Сэм Лопес? К чему прорвался он? Уж конечно, не к нормальной жизни. Летом он летает в гости к своему отцу и мачехе, на побережье. Ос-

тальную часть года он живет в Лондоне, общается со своими новыми друзьями, с Бертонами, Заей, поет песни, старается быть самим собой.

Может показаться, что такая жизнь жутко безалаберная, но иногда и это бывает хорошо. Иногда безалаберность означает просто-напросто — жить собственной жизнью, быть таким, какой ты есть, а не каким тебя хочет видеть кто-то другой.

И можете мне поверить, это потрясающее ощущение!

Литературно-художественное издание
ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

БЛЭКЕР Теренс

СПОРИМ, ЭТО МАЛЬЧИК!

Роман

Ответственный редактор
Т. Н. КУСТОВА

Художественный редактор
Н. О. МОСКАЛЕВА

Корректор
Л. А. ЛАЗАРЕВА

Издание подготовлено компьютерным центром издательства «РОСМЭН».

Подписано к печати 17.01.05. Формат 84x108 1/32.
Бум. типогр. № 2. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,64.
Тираж 7 000 экз.
Заказ № 763. С – 1897.

ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС».
Почтовый адрес:
125124, Москва, а/я 62. Тел.: (095) 933-71-30.
Юридический адрес:
129301, Москва, ул. Бориса Галушкина, д. 23, стр. 1.

Наши клиенты и оптовые покупатели могут оформить заказ, получить опережающую информацию о планах выхода изданий и перспективных проектах в Интернете по адресу: www.rosman.ru

ОТДЕЛ ОПТОВЫХ ПРОДАЖ:
все города России, СНГ:
(095) 933-70-73;
Москва и Московская область:
(095) 933-70-75.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО "Тульская типография".
300600, г. Тула, пр. Ленина,109 .

Блэкер Т.

Б70 Спорим, это мальчик!: Роман/Пер. с англ. М. Лахути. — М.: ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2005. — 333 с.

Сэм хочет казаться крутым парнем. Чтобы завоевать доверие у новой компании, он готов на все. Ребята дают ему невыполнимое задание. Что это – веселая шутка? А может, дело принципа? Итак, Операция «Саманта», или Добро пожаловать в новую школу...

ISBN 5-353-01897-4

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)

Larisa_F